



ВОКРУГ  **СВЕТА**
10 1973
ОКТАБРЬ



БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ, наш спец. корр.
 Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. МАСЛОВА и автора

НА РОСОМАШЬЕЙ РЕКЕ

Есть у меня несколько друзей, с которыми я вижу очень редко, зато уж когда встретимся, то до утра сидим, сблизив над столом головы, и разговор наш звучит примерно так:

- Амгуэма...
- Да-а... А Провидения?
- Эх! А Нунлигран, Сиреники, Чаплино...
- И Нутепельмен, и Биллингс, мыс Шелагский!
- И Лаврентия?
- М-м... Но Уэлен!
- Да, да, Уэлен...

Я прожил в Уэлене несколько лет, поэтому для меня Чукотка — это прежде всего побережье, галечные косы, разделяющие воды лагун и моря, вельботы охотников, старики чукчи, белыми ночами неподвижно сидящие на берегу, осенние туманы и штормы. Но есть и другая — многэтажный город над заливом, порталные краны, суда на рейде. Уютные безлесные долины с неглубокими речками, ископанный оленьим стадом берег, яранги и палатки пастухов. Наконец, тайга, отвалы переработанной золотосодержащей породы вдоль ручьев, утепленные кабины «КрАЗов», линии высоковольтных передач, атомная электростанция. И все это тоже Чукотка... Последний раз я был там летом прошлого года. Писать о Чукотке так, чтобы это было одинаково ново и интересно для всех, невозможно — многое об этом крае уже известно. И все-таки мне хочется рассказывать о Чукотке, на это есть ряд причин, и вот одна из них: я люблю туда возвращаться, а рассказать — значит вернуться еще раз...

В Магадане на проспекте Ленина привлекает внимание стенд со схематической картой области. Расположенный не в центре этой громадной территории, а в юго-западном ее углу, сам Магадан очень напоминает штаб наступления на Север, с тремя отчетливыми направлениями. Два из них — вдоль Колымской трассы и побережья Тихого океана — как бы охватывают Север полукольцом, с запада и востока. Певек и Библино — это лобовые удары...

2760/10

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ



Мечигменская тундра. Кочуют по тундре стада оленей, кочуют с ними и пастухи... За каждой оленеводческой бригадой села Лорино на всю летовку закреплен вездеход (фото слева).

Поселок Нунямо. Эскимосский самодеятельный ансамбль «Белый парус».

От Магадана до Билибина полторы тысячи километров. Лететь туда можно напрямик на «АН-24», а можно и на неспешном «ИЛ-14», с посадками в Сеймчане, Омолоне, Черском. Я летел на «ИЛ-14». Комары, которых много было в Магаданском аэропорту, прекрас-

но чувствовали себя и в самолете, и с каждой посадкой их становилось больше. В Омолоне к самолету собралась толпа, видно было, что многие никого не встречают, вернее, просто встречают самолет. Сбежались и собаки. Их знали, © «Вокруг света» 1973 г.



По всей Чукотке работают геологи. Золото, медь, олово, серебро, ртуть — много полезных ископаемых скрывает ее холодная земля.

с ними разговаривали: «А-а, Сергей, и ты пришел...»

Летим над широкой долиной Кепервеема, что значит по-чукотски «Росомашья река». Внизу раз-

реженная лиственничная тайга. Возле самой реки — плотная зелень ольхи, тополя, ивы. Еще разворот — другая долина.

И вот наконец Билибино — за-



полярный поселок, где живут геологи, энергетики, горняки.

Дома, как и во всех поселках, единственная дорога к которым по воздуху, начинаются сразу от аэропорта. Длинные приземистые бараки, небольшие оштукатуренные домики-временки — так начиналось Билибино. Прямая пыльная улица с дощатым тротуаром. И вдруг — как подорок — мостик через ручей и лес, настоящий лес с высокими частыми деревьями, густой травой. Неширокая утоптанная тропинка и снова мостик. Вода в ручье цвета кофе, слабо разбавленного молоком, сладкого такого кофе, с густыми разводами на поверхности. Разводы эти беспрестанно меняют очертания — течение в ручье быстрое. Это Каральвеем, на нем моют золото...

Детский садик с террасой, затянутой марлей от комаров. Дальше улицы, и каждая словно этап застройки поселка: улица с двухэтажными домами, с трехэтажными, пятиэтажными... Ни одного распахнутого настежь окна, несмотря на июль, на более чем двадцатиградусную жару. Замазаны, заклеены навсегда, наглухо. Во многие окна встроены выступающие наружу деревянные или металлические ящики — естественные холодильники зимой...

Не знаю, как кто, а я ценю и всегда стремлюсь немного продлить эти первые минуты по приезде — приметы чужого житья-бытья видятся особенно остро...

С Валентином Васильевичем Лысковцевым, секретарем Билибинского райкома партии, мы условились встретиться ненадолго, куда-то он торопился. Валентин Васильевич в Билибине не так давно, а на Севере двадцать пять лет, раньше работал на Колыме. По профессии горный инженер. В Билибине вообще много колымчан, это столь же естественно, как, например, то, что на Устье Илима много строителей из Братска. Пока он говорил по телефону («Да-да, через час...»), я разглядывал большую, почти во всю стену, карту района. Оранжевыми штрихами были обозначены линии электропередачи. Темно-зеленой полосой протянулся зимник Билибино — Зеленый Мыс. Красные прямоугольнички означали промышленные россыпи.

— Как я понял, вам нужен краткий обзор? — спросил Лысковцев. — Район наш очень большой — сотни километров тундры, тайги, горных хребтов... Еще лет десять-двенадцать назад был чисто сельскохозяйственным.

В пятьдесят четвертом пришли геологи, обнаружили золото на Каральеёме, а в пятьдесят девятом уже дали первый промышленный металл. Перспективы у района большие. Кроме золота, есть у нас медь, и олово, и серебро, и ртуть. «Атомку» вот строим. В будущем «закольцуются» вся Чукотка: Билибино, Певек, мыс Шмидта, Иультин, Анадырь. Создание мощной энергетической базы — одна из узловых проблем Чукотки...

Хотя Лысковцев старался говорить очень коротко, в час мы не уложились. На очередной звонок он попросил кого-то: «Поезжайте одни» — и объяснил мне:

— Собирался посмотреть дорогу в Кепервеем. Из тридцати километров осталось отсыпать два... Дороги тоже проблема. Основная масса грузов идет к нам Северным морским путем, до Зеленого Мыса. Оттуда перевозим все машинами по зимнику. От продуктов до турбин для «атомки». Дорога жизни... В конце октября, как установятся холода, снаряжаем первую колонну. Для нас это праздник. Как полярники на льдине пароход или самолет ждут, так мы — эту колонну... И почти до мая перевозим грузы. Сотни тысяч тонн. Зимой до шестидесяти градусов морозы, а где-нибудь на перевале и того больше. Триста километров по тайге, тундре... Как потеплеет, дорогу закрываем, чтоб не разбить. Теперь с аэродромом легче. Стали летать к нам большие самолеты прямо с «материка». Пока только грузовые рейсы. Вчера, например, получили яйца из Москвы...

И решенных и нерешенных вопросов очень много, всего я вам и за несколько дней не перескажу, — улыбнувшись, заключил Валентин Васильевич.

Поблагодарив, я вышел на небольшую уютную площадь. Здесь, видимо, был центр. Неподдалеку стоял дом с изображенной на торцовой стене сопкой и солнцем над ней. А в перспективе улицы виднелись настоящая сопка; и настоящее солнце. Оно, несмотря на вечер, было еще высоко. В Москве рабочий день только начался, а здесь закончился, и на улицах было оживленно. Так же, как и в любом другом городе, торопились люди по домам, в магазины купить что-нибудь к ужину, вели детишек из садов и яслей, толпились возле бочки с квасом. Продащица пирожков у дверей гастронома стояла с букетом цветов — отмахивалась им от комаров. И вот прошел мимо меня загорелый человек в брез-

ентовой куртке, сапогах и в накомарнике с откинутой сеткой. В одной руке он нес лопату и кайло, а в другой промывочный лоток. И была в его походке упругость и легкость, появляющаяся обычно у человека к концу долгого перехода...

Привыкнуть к светлым билибинским ночам приезжему человеку очень трудно. Давно бы надо спать, а уснуть невозможно. Сказывается, наверное, и разница во времени. Я встаю, смотрю в окно на прозрачный воздух над крышами домов, на облака, подсвеченные низким ночным солнцем, ложусь, ворочаюсь, снова встаю. Мне довелось видеть немало белых ночей, и я давно уже заметил, что в каждом месте они свои, особенные. Так же, как, впрочем, и остальные приметы Севера — морозы, ветры, сияния, сопки и тундра — чем-то да отличаются друг от друга в разных местах. Поэтому среди старожилов-северян вряд ли встретишь патриота Чукотки вообще, но есть патриоты Билибина, бухты Провидения, залива Креста, Певека — то есть того места, где человек живет, работает. И для каждого его Север — самый настоящий, самый северный из всех. И дело здесь вовсе не в географии, не в широте, а в твоих собственных ощущениях, бог весть по каким приметам, но безошибочно подсказывающих тебе: не Север, не Север, еще не Север... стоп, Север!

Я вспомнил, как в 64-м году впервые приехал в Уэлен на учительскую работу. Перед тем я попал в поселок Лаврентия, центр Чукотского района, где как раз проходило августовское совещание учителей. Поселок мне не понравился. Стоял он на берегу широкого, скучного залива. Плавные, сглаженные очертания окрестных сопкок навевали уныние. Очень может быть, что разочарование это было естественной первой реакцией: я ожидал увидеть на Севере нечто необыкновенное...

До начала учебного года оставалось всего дня три, погода была нелетная, и узленские учителя отправились домой на вельботе. Мне, как одетому наиболее легко, заврону дал свою зимнюю шапку и плащ. В заливе было сравнительно спокойно, но едва миновали мы плоский мыс с решетчатой пирамидой маяка и вышли в море, как начало нас подбрасывать! Команда поставила брезентовые борта от брызг.

На руле сидел пожилой эскимос. Это был Утоюк, председатель Уэленского сельсовета.

Я поразился его выносливости: мы плыли часов четырнадцать, и все это время он молча и неподвижно сидел у руля, не сменяясь. Мы шли по Берингову проливу, вдоль черных отвесных стен с темными треугольниками пещер, выбитых штормами. Иногда стена прорезалась узким распадком, и тогда вдали можно было видеть склон сопки, золотистый или темно-фиолетовый. Навстречу нам, на юг, низко над водой летели большие стаи уток. Быстро смеркалось. Какое-то время берег еще угадывался слева от нас неясной, темной массой, но скоро слился с чернотой. Все пассажиры сбились в кучу в середине вельбота, укрылись брезентом и задремали...

Я пробудился от выстрелов. Наш капитан несколько раз выпалил из карабина в воздух, и это был знак, что мы подходим. Сколько я ни вглядывался в темноту перед собой, мне не удалось различить ни берега, ни домов, ни огней — лишь в стороне, где-то очень высоко, равномерно вращался яркий луч света. Пробегая над морем, он укорачивался, настолько непроницаемой даже для него была ночь, и, на мгновение ослепив, начинал удлиняться и изламываться, скользя по сопкам.

Мотор заглох, вельбот несильно ткнулся в берег, мы стали выгружаться. Вдруг одна из женщин, которая, как и я, только что приехала с материка, охнула: «Батюшки, медведь!» Все засмеялись. «Медведем» оказалась неслышно возникшая из темноты обыкновенных размеров белая собака. Мы принялись вытаскивать вельбот. «То-о-ок! То-о-ок!» — кричала команда. Я быстро усвоил, что под протяжное «то-о-о-о» надо собраться с силами, а при энергичном коротком «ок!» тянуть. Нечто вроде нашего «Раз-два, взяли!». Потом меня проводили в учительский дом, устроили на ночлеге, и едва я стащил свои одежды — плащ, пальто и два свитера — лег и закрыл глаза, как длинная и плавная волна океана снова меня подхватила. Только теперь это была еще и теплая волна...

Наутро я пошел посмотреть поселок. Я сразу увидел маяк. Серый домик с башенкой стоял над обрывом, на склоне большой и круглой сопки, совсем не так высоко и далеко, как это выглядело ночью. Я поднялся к нему. Отсюда хорошо было видно не-

широкую, но длинную галечную косу, отделяющую лагуну от моря. За лагуной лежала тундра, ее пологие холмы постепенно повышались к горизонту. Километрах в тридцати на западе в море выдавался мыс, подобный тому, на котором я стоял. Вдоль косы тремя рядами выстроились немногие домики поселка. Конец августа для Чукотки поздняя осень. Все было окрашено в мягкие голубоватые, зеленоватые, желтые тона... Меня поразила эта картина. В ней не было изломанных линий, мрачного колорита Берингова пролива, не вызывала она ощущения затерянности на краю земли (а здесь как раз и был край земли) — в ней были завершенность, спокойствие и простота. И я понял, что отныне мне предстоит постигать на Севере именно это спокойствие и простоту...

В Узлене первое время я вел дневник. После я его посмотрел: это оказался очень лаконичный дневник — в день не более двух-трех строчек.

«15 сентября. Сейчас ходил на море. Ветер с севера. Трубка сама раскуривается на ветру».

«22 сентября. Киты по вечерам собираются в море против маяка. Как бабочки на свет».

«8 октября. Снег лег на сопку, и по белому склону поднимаются четыре темные фигурки. Охотники пошли за зайцами».

«9 ноября. Море закрылось. Утром оно еще было, и виднелись фонтаны гренландских китов на горизонте».

«14 ноября. Слегка пуржит. На юге посреди серого неба одинокое красное облако».

«16 декабря. Ночью светло и тихо, и собаки спят, свернувшись на кучах золы, выброшенной из печек».

«1 января. Не забыть, как в десять утра над маяком в море прошла стая уток».

Не забыть — вот в чем было дело, вот почему я все это записывал! Нигде, как здесь, не казались исполненным смысла каждая мелочь, каждое мгновение. Нигде не было такого ощущения сопричастности всему, что происходило в этом разомкнутом во все стороны пространстве... Потом я перестал записывать — понял, что и так не забуду.

Названия улиц в Билибине характерны для многих поселков Чукотки и Колымы: Геологов, Строителей, 30 лет Советской Чукотки, Мандрикова, руководителя первого Чукотского ревкома... Но есть одно, вряд ли еще где

в области повторяющееся — улица академика Курчатова, учебного, стоящего у истоков советской атомной промышленности. На этой улице пока только три дома пятиэтажных. В одном из них разместилась дирекция строящейся Билибинской АЭС. Здесь я познакомился с молодым светловолосым человеком, Владимиром Кузьмичом Абалакиным. В Билибине он всего несколько месяцев, но «атомный» стаж у него серьезный. Закончил Московский энергетический, работал старшим инженером управления реактором на Белоярской АЭС, потом в Алма-атинском институте ядерной физики, тоже на реакторе. Сюда приехал дежурным инженером станции.

Мы сели в машину, отправились на стройку. По дороге Владимир Кузьмич сказал:

— Скоро уже физический пуск. А там не за горами и энергетический...

— Что такое физический пуск? — спросил я.

Но тут Абалакин отвлекся.

— А вот наша «Орбита»! Первая на Чукотке.

Километрах в полутора от поселка, слева от дороги, на вершине сопки, стояла «Орбита». Снизу, на фоне неба, она выглядела большим грибом со сдвинутой набекрень шляпкой. Уже второй год билибинцы смотрят телевизор.

Скоро показалась и «атомка». Перед зданием электростанции на низком бетонном постаменте четыре огромные, тоже бетонные буквы: БАЭС. Всесоюзная комсомольская стройка. После гигантскихстроек, таких, например, как Братская и Усть-Илимская ГЭС, после могучих кранов, шагающих экскаваторов, бесчисленных огней электросварок, после скал стометровых и плотин, перед которыми скалы эти кажутся игрушечными, вид строящейся БАЭС, может быть, даже и не впечатляет. Широкая открытая долина. Посреди нее — скорее можно угадать по темно-зеленой полоске ив, чем различить, — ручей Понеургин. И на пологом склоне одной из сопки — прямоугольный дом, довольно большой: метров тридцать высоты, метров сто длины. Главный корпус. Людей почти не видно, все внутри.

Владимир Кузьмич находит две каски. Надеваем их, входим в здание. Здесь на разных отметках работают сейчас бетонщики, каменщики, кровельщики, монтажники. Мы идем, разумеется, в реакторный зал. Там уже готовы четыре глубоких бокса с тол-

стыми стенами из специального бетона. В них и будут монтироваться реакторы. К монтажу первого уже приступили: на дне бетонного колодца лежит нижнее основание реактора — круглая стальная плита, усеянная множеством цилиндров. Напоминает гигантскую терку.

Мой спутник объясняет, как будет действовать реактор. Я слышу: «Обогащенный уран... нейтроны... коэффициент размножения... температура графита... поглощающие стержни... ксенон... «отравление» реактора (даже и такое может быть)...»

— Ну а что все-таки означает физический пуск? — спрашиваю я.

Оказывается, физический пуск — это, приблизительно говоря, экспериментальная проверка реактора. Продолжается она примерно месяца три. Реакторы хотя и типовые, но каждый рассматривается физиками индивидуально. В это время к нему относятся не как к источнику тепла, а как к физическому нейтрону устройству. Только после такой проверки происходит пуск энергетический. Одной загрузки реакторов топливными стержнями хватит на полтора года работы. Для Билибина, куда всякое другое топливо вроде угля или нефтепродуктов доставлять сложно и дорого, это очень выгодно.

Решит Билибинская «атомка» и другую проблему. Станция задумана как теплоэнергоцентр, и в этом ее отличие от других АЭС. Часть тепла, вырабатываемого в реакторе, пойдет на нагревание воды в теплотрассе БАЭС — поселок.

Посмотрели мы с Владимиром Кузьмичом и машинный зал, и место, где будет диспетчерский пункт с пультами управления. На каждые два блока — один пульт. За каждым пультом — два инженера. «Атомка» есть «атомка». Спецодежда — белая...

— Белая — это красиво! — сказал я.

В самом деле, будто с иллюстраций к научно-фантастическим романам, читанным в детстве: громадное окно, по эту сторону люди в легких светлых одеждах, по ту — какие-нибудь дикие скалы, или чудовища, или полярные льды...

— На белой грязь виднее, — ответил Абалакин. — Для стирки грязной одежды предусмотрена спецпрачечная. Стирают там машины.

Мы вышли наружу. Под удивительно жарким для Чукотки солнцем млела долина. Горизонт

замыкали сопки, не очень-то изменившиеся со времен мезозоя. Склоны их были утыканы тонкими, но старыми листовницами. Возле невидимого ручья сгрудились тополя и чозении — реликты третичных эпох. Из мхов торчали валуны, окатанные ледниками... «Все мы еще со школы, — подумал я, — слышаны о микромире, знаем в большей или меньшей степени о происходящих в нем процессах. И то, что человек научился управлять этими процессами, уже не впечатляет. Но что управлять он будет именно здесь, в этом месте, где несколько десятков лет назад не только о движении атомов, а и вообще о каком-либо движении трудно было помыслить, это, конечно, впечатляет... Пока... Потому что Билибинская АЭС — вторая в нашей стране «атомка», строящаяся за Полярным кругом. А возможно, наступит время, когда название — улица Курчатова — станет по Северу столь же распространенным, как, скажем, Геологов. Или Дежнева...»

— Знаешь ли ты, что у нас открылся свой краеведческий музей? — спросил меня мой давний билибинский знакомый. — Есть здесь такой интересный Дед — Григорий Сергеевич Глазырин, он общественный директор музея...

И я отправился в небольшой домик недалеко от кинотеатра «Искра». Очень я люблю такие музеи — в них всегда стараются охватить историю от докембрия до последнего выпуска районной газеты. И делают это со страстью, с любовью к месту, в котором живут. Так и здесь — в маленькой, пока единственной комнатке музея чего только не было: кости ископаемых животных, чучела птиц, геологические образцы. Вот мрамор с Люпвеема, притока Малого Анюя, каменный уголь с Большого Анюя, кварцевый метасоматит с золотом и полиметаллами с ручья Весеннего, стопятидесятикилограммовая друза горногр хрустала, слепок золотого самородка «Юбилейный» весом более семи килограммов, поднятого на Каральвееме... На стене — расшитые кухлянки и торбаса оленеводов.

Специальный стенд «Его имя носит поселок и район» посвящен выдающемуся ученому-геологу, одному из первооткрывателей колымского золота, Юрию Александровичу Билибину. У чукотского золота свои первооткрыватели, ныне лауреаты Ленинской

премии геологи К. Иванов, С. Абаев, Д. Егоров, В. Логинов... Своя многочисленная армия геологических партий. Своя увлекательная и драматическая история открытия — история долгих неудач, пессимистических предсказаний и, несмотря ни на что, упорных поисков. Теперь, когда оптимисты все-таки победили, ощущаешь что-то очень справедливое и закономерное в том, что центр этого большого района носит имя Юрия Билибина. Ведь именно на Колыме накоплен тот богатейший опыт геологов, горняков, строителей, без которого были бы невозможны нынешние темпы освоения Чукотки...

Жена ученого, Татьяна Васильевна Билибина, живущая сейчас в Ленинграде, узнав о музее, прислала несколько старых колымских фотографий Юрия Александровича и два именных, принадлежавших ему значка — «Стахановцу золото-платиновой промышленности» (№ 980) и «Отличнику соцсоревнования. Наркомцветметалл» (№ 3603)... Пока я рассматривал экспонаты музея, пришел — можно даже сказать, прибежал — сам Дед, Глазырин, бодрый, подвижный, чем-то, показалось мне, особенно возбужденный. Потом я понял: он всегда такой. Я, кажется, не сказал, что Дедом его называют меж собой старожилы Билибина, и надеюсь, он не обидится на меня, если и я буду так называть. По крайней мере, он сам в дальнейшей поведаль мне, что когда-то, еще на фронте, его величали Батей. Из-за бороды. Борода цела и до сих пор — могучая густая борода. Только теперь вскипает в ней проседь — как-никак Деду уже за шестьдесят...

По специальности он гидрогеолог, работает в Анойской комплексной геологоразведочной экспедиции. Почему-то наивно я полагал, что здесь каждый геолог — это нечто вроде старателя: обязательно с кайлом, лотком... Но гидрогеология?

— А проблема водоснабжения поселков, приисков? — спрашивает, в свою очередь, Григорий Сергеевич. — Порой же бывает необходимо не найти воду, а избавиться от нее. Всем этим занимаются гидрогеологи... Наконец, помимо основных методов поиска месторождений — шлихового, металлометрического, штучного опробования — существует еще гидрогеохимический. С его помощью можно обнаружить месторождения свинца, цинка, меди, олова, серебра, золота и других металлов. Ибо все, что вода мо-

ет, она растворяет, пусть в незначительных количествах...

Глазырин поведал об идее создания народного краеведческого музея, зародившейся года два назад у кучки энтузиастов, о том, как был образован совет музея, как собирались, приводились в порядок экспонаты. Энтузиасты — это геологи, учителя, врачи района, работники строящейся Билибинской АЭС. Пока мы беседовали, то и дело забегали дети.

— Смотри, рога! Смотри, бивень мамонта! Вот бы таким по башке, а? — шептались они, по-своему выражая восторг. — А вон, гляди, на фотографии Виталькин отец! Вон, возле вертолета...

— Это главные энтузиасты, — сказал Дед. — Приносят кто камень, кто значок. Иногда и ненужное, но берешь, чтобы не обидеть... По сути, для них все это. Писал ведь Пушкин: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». А здешним детям есть кем гордиться и кого уважать...

Сам-то Григорий Сергеевич тоже немало сделал для приумножения этой славы. На лацкане его пиджака значок с надписью «Магаданская область. Ветеран труда». Такой значок дается тем, кто отдал освоению Севера более двадцати лет. На Колыме он с 49-го, а здесь, в Билибине, с 55-го года. То есть с самого начала, с палаток и маленького рубленого домика, в шутку окрещенного геологами «гостиницей «Золотой клоп». (Когда во время опробования сверкнул вдруг в лотках небольшие самородочки, на условном языке поисковиков это звучит так: «Появились клопы» или: «Появились тараканы»...) Исходил Глазырин пешком весь район, от побережья Ледовитого океана до верховьев Омолона. И вопреки своей, в общем-то, очень нелегкой судьбе не утерял ни остроты ума, ни пристального интереса к окружающему, ни какой-то азартной торопливости в работе — всего, с чем в пору только начинать жить человеку.

Дома у Глазырина стол завален исписанными листами бумаги, подшивками старых газет, книгами с торчащими из них длинными закладками. Я знаю — у Григория Сергеевича идея: систематизировать все собранные им материалы и написать историю района. Над ней-то он и трудится светлыми билибинскими ночами, отгородившись от навязчивого солнца шторой и включив настольную лампу...





Раз уж заговорил я о музее, мне хочется упомянуть об одном ощущении, которое начинаешь испытывать всякий раз, когда приезжаешь на Чукотку. Сказать, что это ощущение соприкосновения с ее историей, значило бы сказать слишком общие слова. Ибо с историей мы соприкасаемся везде: в Москве, Киеве, Таллине, Львове, Новгороде, на Куликовом поле... Но в каждом таком месте при всей его древности звучит свой исторический лейтмотив или, по крайней мере, несколько сменяющих друг друга мотивов, и мы слышим их в определенной, хотя и не обязательно хронологической, последовательности. Здесь же, на Чукотке, почему-то чувствуешь, что соприкасаешься не постепенно, не с отдельными событиями, веком или даже эпохой, а со всей ее историей сразу. По пустынным водам Анадырского лимана вполне мог проплыть бы сейчас Семен Дежнев с товарищами, только что отыскавший Восточный проход, прошедший мимо своего мыса, мимо своего памятника. Правда, на обрывистом берегу они увидели бы многоэтажный город и другой памятник — первому Ревкому Чукотки... В Узлене, отойдя немного от поселка, можно копнуть и обнаружить обожженную землю, следы очагов, на которых готовили пищу в I тысячелетии до нашей эры. Узлен дал название открытой здесь археологами древнейшей эскимосской культуре. Мимо него проходили корабли Витуса Беринга, Норденшельда, Амундсена. В его ярангах жили спасенные челюскинцы. Здесь приземлялись знаменитые летчики Ляпидевский, Красинский, Леваневский, Молоков. Берега, заливы, проливы, сопки, реки Чукотки — это настоящие музейные экспонаты, с той только разницей, что их не надо рассматривать из-за барьера с табличкой «Руками не трогать». По ним можно ходить, плыть, на них можно жить. Об их охране заботится сама природа. Такова эта земля: она не только тщательно сохраняет древние очертания, но и любой — и давний и недавний — оставленный человеком след. Видимо, отсюда и впечатление мгновенной обозримости ее долгой

Бухта Провидения. Сюда трудной морской дорогой приходят корабли, полные грузов. Здесь зимуют суда, чтобы с началом весны первыми выйти на промысел рыбы и морского зверя.

истории — от тех десятков тысяч лет назад, когда не было еще пролива между материками и тонкий человеческий ручеек просачивался из Азии через Канадский ледниковый щит в Америку, и до последнего дня, скажем, до строительства Дворца пионеров в Анадыре...

Перед зданием Билибинского горно-обогатительного комбината (БГОК) стоит невысокая мачта со звездочками. На эти звездочки я поначалу не обращал внимания, принимая за обычное украшение, пока не услышал однажды разговор прохожих:

— «45 лет» горит, «Аньюский» горит, остальные не горят.

— И комбинат не горит.

— Плохо.

Звездочек было шесть: по числу приисков в районе, и одна общая, комбинатовская. Горящая звезда означала, что суточный план добычи золота выполнен. Каждый билибинец, проходя мимо комбината, обязательно взглянет на звезды.

— Мне бы только посмотреть на это золото, увидеть, откуда оно, — сказал я на комбинате и назавтра уже ехал на прииск «45 лет ВЛКСМ». Спутником моим был Энгельс Егоров. По профессии он геолог, в Билибине шестнадцать лет, первые палатки ставил. Он тогда горным мастером работал. «Эх, и бригада у меня была! Одного звали Перс. Бывало, наряд закрываешь: «Ну как тебя все-таки писать? Иванов? Петров?» — «А, пиши Перс...» Как сейчас помню: Перс, Чих-Пых, Иван Черт... И если бы мне кто тогда, в 57-м, сказал, что здесь пятиэтажные дома будут стоять, а сам я, раздевшись до трусов, буду перед телевизором сидеть, я бы спросил: «Ты что, — Егоров покрутил возле головы пальцем, — ошалел?!» Мы возле аэродрома медведей били... А сейчас Билибино — что? Город!» Я припомнил, что в 57-м жил как раз на Устье Илима, и хотя знал наверное, что возле Толстого мыса будет город, все равно это трудно было представить...

С дороги, ведущей на «атомку», мы повернули влево, на Встречный. (Обычные названия поселков, распадков, ручьев — Встречный, Дымный, Спорный... Убили утку — Утиный. Много комаров — Комариный. Много ягод — Ягодное...) Кругом сопки, невысокие, округлые, сглаженные ледником. Есть и нетронутые, заостренные. Иные склоны будто овечьими ножницами стригли:

бульдозер ходил, сгребал грунт для отсыпки дороги. По сторонам груды развороченной земли и камня, между которыми, полузадушенный, все-таки пробивается ручеек. Это отвалы, то, что осталось после промывки. В них еще есть золото, их еще будут перемывать. Не боясь машины, сновали евражки, длиннохвостые суслики, обитатели чукотской тундры. Но что они делали здесь, в отвалах, когда вокруг ни одной живой травинки? Перевал Крутой. Действительно очень крутой. Речка Энмынвеем — Скалистая. Руслó ее усеяно гладкими торчащими из воды серыми валунами. Один такой валун весом более двадцати тонн несколько лет назад перевезли в Билибино. Теперь он стоит среди ромашковых клумб, против здания Аньюской геологоразведочной экспедиции, а на нем — бюст Ю. А. Билибина. Детишки проходят мимо памятника, знают — это «дядя Юра»...

И вот появились ГЭПы — гидроэлеваторные приборы, громоздкие и неуклюжие, будто динозавры. Один из них перекинулся через дорогу, и мы проехали под ним, как под аркой. Поодаль, в ряд, словно на водопое, стояли еще три. Здесь был первый участок прииска. Мы перебрались через груды валунов. Внизу был дощатый настил с будочкой. На настиле стоял монитор. Из него била сильная струя воды. Бульдозер столкнулся вниз, на грохот, очередную порцию песка, мониторщик направил на нее струю, преследуя ее и отшвыривая в сторону увесистые, килограммов на двадцать-тридцать, камни. Мелкая, размытая порода провалилась в бункер, оттуда вместе с водой по трубе под действием насоса понеслась высоко вверх, на колоду. Колодой называлось длинное, в несколько десятков метров наклонное деревянное корыто. Горка. Такие горки, только меньше значительно, зимой во дворах устраивают. Подняться вверх, съехать вниз... Так и порода, с той разницей, что вниз, в «хвосты», уходит ее легкая фракция, а тяжелая, в данном случае шлик, остается. «Там, наверху, в желобе, — объяснял Егоров, — уложены резиновые коврики со специальным узором. Потом металлические трафареты. В них золото и оседает. Вся хитрость...»

Бульдозерист по сигналу мониторщика все подавал и подавал пески. Им не было видно друг друга, и мониторщик сигнализировал флажком: дергал за веревочку внутри будки, и на крыше ее под-

нимался флажок наподобие семафора. Мол, давай! В Магаданском музее я видел макет механического промывочного прибора 39-го года. Его производительность была 250—300 кубометров песков в сутки. Обслуживали 100—150 человек. Этот перемывал в среднем тысячу. Работали двое. Но это была, конечно, не вся бригада. Дежурили еще электрик, слесарь и сварщик. Была еще вторая смена. Работали по двенадцати часов. Пробовали перейти на восьмичасовую — упала производительность. Не успевали разрабатываться, частые пересменки ломали ритм... Были в бригаде, кроме того, горняки: бурильщики, забойщики, взрывники. Большинство из них наслаждалось сейчас жизнью на материке: грели кости где-нибудь в Лазаревской или посиживали с удочкой в родимой деревне, над родимым прудком. К зиме съедутся, начнется зиманяя добыча песков. Пески на этом прииске подземные, с глубины сто и более метров. Десятки тысяч лет назад прошлепал по этой долине самый первый бульдозер — ледник. Все перепахал, нагромоздил перед собою вал и так оставил. В глубь этого вала, морены, и пробиваются теперь горняки. Старший горный мастер Вадим Артемчук, которого мы встретили на участке, показал нам шахту. Под небольшим углом (не более 16 градусов, чтобы могли транспортеры тащить наверх породу) уходил под землю черный туннель. На улице было около тридцати жары, а здесь, сразу за обитой войлоком дверью, лежал монолит льда. На глубине во все стороны от штольни расходятся выработки...

Среднее содержание золота в кубометре песков определяет геологоразведка. Так устанавливается план: с этого участка должны взять столько-то золота. И вот требуемый объем породы перемывается, а ожидаемого количества золота нет. Законные претензии горняков к геологам: обеспечьте прииски надежной сырьевой базой... Да, от многих вещей зависит, горит ли звездочка прииска. Сломался, к примеру, не выдержал сумасшедшей нагрузки бульдозер — ГЭП стоит. «Как думаешь, за сколько времени можно разобрать почти полностью и вновь собрать бульдозер?» — спросил Артемчук. Я пожал плечами. «Так вот, в конце смены полетел у бульдозера задний мост. Не ушел домой бульдозерист, не ушел слесарь, и втроем со сменщиком ребята раскидали машину и снова собра-

ли за тринадцать часов! Зависит и от коллектива. Сказал бы один: «Я свое отработал» — суток двое простояли бы...»

Пока мы ходили по участку, остановился один из ГЭПов, там начался «съем». Мы поднялись. К промприбору подошла специальная машина — шлифовоз. Колода была вскрыта, посреди желоба стояли две женщины-съемщицы в брезентовых робах и резиновых сапогах. На ковриках желтело золото. Они стряхивали его в круглые высокие банки — контейнеры с надписью «ГЭП № такой-то». Тут же — в качестве «тяжелой фракции» — валялись гвозди, болты, железные костыли, вынесенные вместе с породой из шахты. Одна из съемщиц наклонилась и подобрала небольшой самородок. Я попросил посмотреть. Он лежал на моей ладони, мокрый, тускло-желтого цвета — в о п л о щ е н н ы й человеческий труд. Пробивались Северным морским путем пароходы, лопалась от мороза резина у шоферов на зимнике, торопились с жильем строители, вгрызались в мерзлоту шахтеры — и в результате этих и еще многих других соединенных усилий явился из недр на свет этот кусочек металла. Я бросил самородок в контейнер.

— Вон еще. И вон, — сказал я.

— Подберут, — ответил Артемчук. — Все подберут, до крупинки...

Мы возвращались в поселок. В машине под ногами лежал такой же коврик, как на колоде. Я вспомнил знаменитое пророчество насчет отхожего места из золота и представил, что время сбыться ему пришло, и стал решать — где. И вдруг очень ясно осознал, что на всех присках от казались бы. Не из почтения к «ослепляющему» металлу, но из уважения к своему труду.

Пора было расставаться с Билибиным, расставаться с Чукоткой. Всего о ней не расскажешь, и всю ее окончательно никогда не узнаешь, потому что постоянно будет появляться здесь что-то новое. Начал, например, строиться в Билибине новый квартал, по сути, целый поселок, так его и называют: поселок БАЭС. Решится, наконец, жилищная проблема, которая в поселке, как, впрочем, и по всему Северу, остается одной из самых насущных. Нехватка жилья объясняется не только тем, что строительство на Чукотке идет трудно и медленно, но и тем также, что, планируя город или поселок, проектные институ-

ты и организации не учитывают перспектив его развития. Билибино, к примеру, замыслилось вначале как небольшой приисковый поселочек на две с половиной тысячи жителей. Сейчас в нем почти в пять раз больше. К горнякам прибавились энергетики, строители... Раньше это было вполне понятно, вполне объяснимо: торопились закрепиться, некогда, да и в диковинку было думать об удобствах, прежде о деле, даже бравоуравали этим — четыре стены, крыша, печка железная и минута ходьбы до буровой, до кривера, до причала... Так и Магадан встал у бухты Нагаева, а теперь выяснилось, что отодвинуться было ему всего на несколько километров дальше от моря, и вместо туманов постоянных было бы в нем солнце. И в Билибине поговаривают, что место неудачное, — надо было в Кеберееме строиться: там просторнее, там микроклимат лучше... О проблемах заселения человеком Севера и адаптации к нему в последнее время много говорят. Причем говорят очень серьезно — на основе многолетних наблюдений, детальных социологических исследований. Все это — добрый знак, все это свидетельствует о том, что в освоении Чукотки должна возобладать новая стратегия: не десантами, не рейдами, а продуманным наступлением по всему фронту, с учетом добытых в этих рейдах важных сведений о ресурсах края, о потребностях его жителей, о психологии северянина, демографических особенностях и т. д. Не так давно, например, утвержден проект Анадыря-2, при разработке которого авторы учли все эти факторы, так что этот город с полным правом можно назвать городом будущего.

Но пора все же простаться с Чукоткой. Очень распространены на Севере две разновидности отъезда: человек собрался, торжественно распростился со всеми и... застрял из-за погоды недели на две. Положение его странно: он уже не у дел, все жизни поселка, но и все еще тут. Он старается не попадаться на глаза друзьям, потому что их сочувственные лица еще более расстраивают его. У него одно занятие: караулить самолет, вельбот, вездеход, трактор, нарту — любой транспорт, на котором можно уехать... Или: только что сели за прощальный стол, подняли бокалы, промолвили традиционное: «Ну, чтобы в море...» — как влетает кто-то с воплем «Самолет!», и больше никто ничего не успе-

вает сказать, отъезжающий бежит, вприпрыжку садится, спохватывается, порывается назад, поздно — дверца захлопнута, «от винтов!». С дороги он, как правило, присылает какую-нибудь сумбурную телеграмму... И все-таки на Чукотке говорят: лучше уехать не простившись, чем, простившись, не уехать.

Однако как человек, имеющий некоторый опыт путешествий, а следовательно, приездов и отъездов, могу сказать, что лучше всего, если, воздав перед отъездом должное друзьям, ты сможешь еще какое-то время побыть один. Уйти за поселок, в лес, подняться на сопку, а если жил на побережье, то обязательно к морю. И постоять здесь, поразмыслить или просто посмотреть, зная наверняка, что итог твоему путешествию придет незаметно для тебя, сам собой. Если наблюдать специально, увидишь бородастого летчика в меховой, несмотря на лето, куртке, вертолет рядом с оленьим стадом — словом то, что до тебя было увидено тысячу раз. Лучше потом вспоминать, и тогда можно вспомнить какую-нибудь мелочь, на которую не обратил поначалу внимания, а она-то и окажется важной. Например, когда во время шторма громадная волна, разбившись, откатывается назад, то из белой пены, словно летучие рыбки, выскакивают маленькие камешки. Или вдруг припомнишь, что на стоянке в Омолоне женщины собрали большие букеты кипрея, и в полумраке самолета они излучали слабое малиновое свечение. Река внизу походила на старый растрепавшийся пастуший чаат... А два только что оперившихся куличонка, что едва подлетали над высокой травой и тут же, обессилев, падали обратно? Ты посадил их на ладонь, и один сразу же соскочил и побежал между кочками, а другой долго сидел, примеривался и вдруг, решившись, полетел через ручей, через огромную для него реку...

Но почему тебя влечет всегда именно Север? Не потому ли, что на Севере, как ни в каком другом месте, ты возвращаешься к самому себе? Живя подолгу в большом городе, к себе как-то привыкаешь. Приучаешься к одним и тем же лицам, улицам, кругу, ритму, словам. До автоматизма доводятся действия. И вот тем-то и ценно еще путешествие на Север, что, помимо мира, он открывает нам заново самих себя: не разучились ли мы еще мерзнуть, мокнуть, претерпевать, ходить, ждать, удивляться...



Л. БЕРИНГОВ,
С. МИЛИН

САФАРИ БЕЗ СЛАВЫ



По обычным критериям Кимберли — сравнительно небольшой городок; согласно южноафриканской статистике в нем проживает 25 тысяч человек. Белых. 36 тысяч «туземцев» — африканцев и 16 тысяч «цветных» — метисов и лиц азиатского происхождения в расчет не берутся. Экономически это важнейший центр добычи алмазов, разработки золотосных пород, марганцевых руд, асбеста. Впрочем, не этими обстоятельствами объяснялась та поспешность, с которой шеф БОСС¹ генерал Ван ден Берг поднял трубку, когда адъютант доложил, что на проезде Кимберли: ведь оттуда мог звонить только Бриллиантовый Гарри — Гарри Фредерик Оппенгеймер, некоронованный король Южной Африки, один

¹ БОСС — Бюро государственной безопасности ЮАР, руководящее деятельностью всех секретных служб страны.

из самых богатых людей в мире. Полторы тысячи сотрудников БОСС и шесть миллионов рэндов¹ его официального бюджета даже вместе с подчиненной генералу десятитысячной южноафриканской полицией не шли ни в какое сравнение с легионами поданных и вассалов Оппенгеймера, с десятками различных фирм и компаний не только в ЮАР, но и в Англии, Австралии, Перу, Израиле, Западной Германии и, конечно же, по всей Африке.

Квадратное лицо генерала с седой щеточкой усов отражало почтительное внимание, с которым он слушал человека, сидевшего в роскошном особняке из розоватого итальянского мрамора за сотни километров от Претории. Ему доводилось бывать в личном кабинете Бриллиантового Гарри, где на стенах висели портреты Муссолини, Канариса и Голды Меир, а у ног хозяина на пестром коврике с зулусским орнаментом обычно лежала черная такса. Генерал быстро разобрался в довольно прозрачной символике этой обстановки. Правильно, кафры² должны ползать у ног белых. А для этого нужна сильная рука, как у покойного дуче, и изворотливость, как у бывшего шефа нацистского абвера. Что же касается портрета израильского премьера, то в отношении него Ван ден Берг не совсем был уверен. С одной стороны, она номинальный сюзерен Оппенгеймера — ведь у того двойное гражданство: южноафриканское и израильское. «Но портрет Балтазара Форстера не повесил! Да и потом, если в Тель-Авиве еще нет «Бульвара Оппенгеймера», как есть «Бульвар Ротшильда», так только потому, что он сам этого не хочет». Скорее «некоронованному королю» больше импонирует решительность израильтян. Забирают что хотят и плюют на всякие там протесты.

Гарри Фредерик Оппенгеймер был немногословен. Он лишь поинтересовался, когда начнется осуществление операции «Грит трэк»³.

— Вы, конечно, понимаете, дорогой генерал, что

¹ Рэнд — денежная единица ЮАР.

² Кафр — презрительное название африканцев, употребляемое белым населением ЮАР.

³ «Грит трэк» — «Великий трек» (африкаанс). Это название получило переселение бурских колонистов на север в 1834 году, во время которого у зулусов были захвачены большие территории, где буры основали две республики — Трансвааль и Оранжевое свободное государство.

в данном случае время действует против нас, — рокотал в трубке его глуховатый бас. — Закрытие родезийской границы, к сожалению, не оправдало надежд. Замбийцы налаживают транспортировку грузов через Танзанию и Заир. Мне бы очень не хотелось, чтобы они опять вылезли со своей медью на мировой рынок... Действуйте решительно.

— Мне кажется, в нерешительности нас нельзя упрекнуть, — поспешил вставить шеф БОСС, воспринявший слова Оппенгеймера как личный упрек. — Вы могли убедиться в шестьдесят девятом, что у нас работают профессионалы высокой квалификации...

— Ремесленники, не видящие дальше своего носа, — в голосе Гарри Фредерика зазвучали нотки раздражения. — Да, ваши люди подорвали замбийский мост на Луангве и перерезали сообщение с Малави. Но что это дало в конечном счете? Сколько времени потребовалось замбийцам, чтобы проложить нефтепровод в Танзанию?.. — Трубка помолчала. — Еще раз повторяю, действуйте решительно.

Это был приказ.

ПОСЛЕДНИЙ СЕМЕСТР

Еще сравнительно недавно Майкл Присман считал, что его карьера складывается как нельзя лучше. Авиарейсы по маршруту Претория — Тананариве доставляли на Мадагаскар не только скачущих туристов, но и энергичных деловых людей. Министерство информации Малагасийской республики, в котором Майкл сумел установить доверительные отношения с несколькими высокопоставленными чиновниками, дало указание конфисковать выпуск местных газет в случае любой критики правительства Форстера. Впрочем, и в ЮАР пресса хвалила престарелого главу государства Циранану «за конструктивный реализм и дальновидность в политике».

— Пастух в прошлом, ныне глава самого стабильного режима в Африке! Это ли не ярчайший пример подлинной деколонизации, которой будет способствовать взаимовыгодное партнерство с ЮАР! — умилялись дикторы с экранов телевизоров, демонстрируя зрителям обрюзгшего старика в модном французском костюме. Западные советники Цирананы при этом оставались за кадром.

— Ближайшее окружение Цирананы должно быть под нашим контролем. Это главная задача. Европейцы никогда не поймут наших африканских проблем. Да и потом они слишком мягкотелы, чтобы суметь защитить нашу цивилизацию от черномазых, — в который уже раз твердил Крокодил, провожая Присмана на аэродром.

Низкий лоб, маленькие мертво-тусклые глазки, выпяченная нижняя челюсть и впрямь делади физиономии начальника отдела внешних операций БОСС похожей на морду крокодила. Особенно если смотреть в профиль.

— Что ж, вы вполне заслужили Мадагаскар, Майкл, — не спеша цедил Крокодил. — В Замбии вам пришлось тугова-а-то, не так ли? Но Мадагаскар не Замбия, счастливое место, тихое, мирное. Вы там спокойноенько дотянете до пенсии, а, Майкл? Смотрите, только не вздумайте жениться на какой-нибудь туземке. Это будет скандал: Майкл Присман, резидент БОСС, — и женат на черномазой!

Крокодил захотел, но его маленькие глазки

неотступно сверлили Присмана, словно пытаюсь проникнуть в черепную коробку и узнать наконец, сколь сильно он ненавидит их всех, белых, богом избранных господ, одним из которых ему никогда не стать. Ибо Майкл Присман родился и умрет цветным. Правда, по его внешнему виду этого никто бы не сказал. Сухощавый и рослый, в меру загорелый шатен с едва наметившимися залысинами. Волевое лицо, карие глаза, чуть приплюснутый нос — еще в колледже, а потом в университете Майкл увлекался боксом. Тогда все и началось.

Как-то раз в комнату Майкла без стука ввалился грузный мужчина. В ту пору еще был жив отец, владевший небольшой фермой в Теслаарсдале, и Присман, учившийся в университете, где, конечно, считался стопроцентным белым, мог позволить себе роскошь снимать отдельную комнату в уютном домике на Лонг-стрит. Правда, не в нижней ее части, где стояли исключительно роскошные особняки с собственными бассейнами, но и не в верхней, где жили не только евреи, греки, итальянцы, мусульмане, но и — подумать страшно! — цветные. Присман обосновался посредине, будучи уверен, что со временем, после университета, тоже переберется в нижнюю часть Лонг-стрит.

Гость неторопливо оглядел комнату, а затем устался на хозяина.

— Я из Управления по делам регистрации населения, — начал он.

Присман ответил ему недоумевающим взглядом: он-то здесь при чем? Никогда не имел никаких дел с кадрами. Какое-то недоразумение.

— Сэр, должен сообщить вам, что наше бюро располагает данными, которые противоречат вашим показаниям в анкете, где вы утверждаете, будто бы являетесь человеком белой расы. После тщательной проверки я пришел к выводу, что в графе «расовая принадлежность» вам следует писать: «цветной»...

Тогда Майкл был настолько раздавлен свалившимся на него несчастьем, что долго не мог вымолвить ни слова. «Человек, который во внешности явно является белым, должен классифицироваться цветным, — он наизусть помнил эти роковые строчки «Закона о расовой принадлежности», — если один из его...»

— Кто? — едва смог наконец выдать Присман.

— Ваша бабка по матери была цветной. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

Да, Майкл Присман понимал это. Крах всех надежд и мечтаний. Гражданскую смерть.

— Я готов вам помочь, Присман. — Майкл боялся поверить: неужели в голосе страшного гостя проскользнули сочувственные нотки? — До того как я воспользуюсь правами, предоставленными мне § 5(1) закона о регистрации от 1950 года, хочу сделать вам одно предложение...

Так Майкл Присман стал агентом Крокодила, в ту пору лейтенанта политического отдела службы безопасности Кейптауна Фини ван Рина.

Работа на ван Рина оказалась не столь уж трудной. Присман стал посещать собрания студентов,

**ДОСЬЕ
ПРЕСТУПНИКОВ
ИМПЕРИИ ПУЗМА**

сочувствующих ПАК¹, запоминать, кто и что говорит на них, и потом писать отчеты для шефа. Постепенно Майкл и сам научился бойко разглагольствовать о несправедливости общества в ЮАР, где у подавляющего большинства людей отобраны элементарные права, где благополучие немногих строится на принижении тех, кто имел несчастье родиться с темным цветом кожи. То, что кое-кого из студентов потом арестовывала полиция, мало трогало его. Как это ни парадоксально, но Майкл считал, что именно черномазые виноваты в его падении, в том, что из господина он превратился в недочеловека. За это он мстил и им, и либералам-подстрекателям, которые предавали свою белую расу. Когда в марте шестидесятого Присман читал газетные отчеты о беспорядках в Шарпевиле и Ланге², он воспринял как нечто вполне естественное описание того, как полицейские сомкнутыми рядами шагали по телам убитых и раненых, как на пыльных пустырях под палящими лучами солнца выростали штабеля трупов. Жестокость была необходима.

Первым серьезным делом, которое Майкл Присман смог записать в свой актив агента политического отдела, было раскрытие группы саботажников, именовавших себя «Поко» — «Одиночка». Тогда он заканчивал последний семестр в университете. После нескольких месяцев Присман вывел агентов Крокодила, как называл он теперь шефа, на верный след. «Поко» оказалась твердым орешком. Эти дьяволы крали динамит из университетских лабораторий, на шахтах, провозили из Англии, а потом подрывали линии электропередачи, радиомачты. Причем взрыватели, которые их научил делать бывший офицер — англичанин Уотсон, срабатывали, когда все участники операции спокойно спали в постелях. Никаких улик. Да, Присману пришлось потрудиться, пока он сумел наколоть Уотсона и Лефтовича.

Жаль только, сам Роберт Уотсон ускользнул, провел шпиков Крокодила, как детей. Заметив слежку, Уотсон вылетел в Йоганнесбург, где остановился в отеле «Президент». Агенты сами видели, как он взял шикарный номер, заплатив за неделю вперед, купил снотворного и попросил порттье разбудить его в восемь утра. Через час в холле поднялась суматоха. Кто-то вызвал «скорую», сообщив, что прямо там рождает приезжая. Скорее всего это сделал Уотсон, под шумок скрывшийся из гостиницы. Никаких следов его найти не удалось.

Ничего не скажешь, проделано было чисто. Правда, это теперь Присман беспристрастно отдавал должное профессиональному искусству Уотсона. За прошедшие годы Майкл здорово изменился. За его внешностью улычивого интеллигента скрывалась электронно-счетная машина, способная ментально просчитать десяток вариантов и выбрать наилучший. Именно поэтому он не только сумел остаться в живых, но и успешно поднимался вверх по ступенькам служебной лестницы на сверхтрудной работе тайного агента БОСС.

Майкл Присман помнил даже день, когда он стал таким. Это произошло после того, как они взяли Лефтовича и ван Рин зверски бил «одиночку», добываясь показаний.

В конце концов Лефтович дал показания. Была

арестована руководящая двойка «Поко»: Джона Гарриса казнили, Реймонду Айзенштайну дали семь лет. Организация саботажников была разгромлена. Благодаря Майклу Присману.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Майкл уже не помнил, когда у него появилась привычка в трудные минуты мурлыкать зауценный в детстве псалом «Хотя прохожу по долине смерти...». Впрочем, в Тананариве таких ситуаций почти не было. Все складывалось как нельзя лучше. Присман снял двухэтажный особняк в центре города с видом на озеро, за которым справа расстилалась долина реки Икупы. Аккредитовавшись в качестве корреспондента южноафриканской газеты «Ди трансваалер», он принялся выполнять рутинные обязанности резидента БОСС: завязывал знакомства среди чиновников, активистов правящей социал-демократической партии, местных европейцев, опасавшихся алжирского варианта и мечтавших о варианте родезийском. Для вербовки агентов и осведомителей это был благодатный материал.

Единственно, что действовало на нервы, так это одиночество. В свое время Майкл вынужден был расстаться с Элли. Даже если его тайна никогда не выплывет наружу, в силу сложных законов генетики кто-нибудь из их детей мог родиться со слишком темной кожей. В таком случае даже ван Рин не спас бы Присмана от тюрьмы за умышленное сокрытие своего неевропейского происхождения при женитьбе на белой. О браке с цветной не могло быть и речи. Здесь в спокойном, немножко сонном Тананариве он почувствовал, что не прочь хотя бы на время отказаться от вынужденной свободы: ему до смерти надоело проводить уик-энды в пресс-клубе на Авеню Независимости, накачиваясь джином с тоником в космополитической компании таких же «профессионалов пера», как и он сам.

Да, Крокодил был прав, Мадагаскар не Замбия, где ему пришлось достаточно горячо. Хотя бы последний раз, когда Присман с шестью агентами проводил операцию «Импала». Их вооружили автоматами и гранатами и ночью высадили с вертолета на территории Замбии неподалеку от границы. К рассвету они вышли к водопаду Нгамбе и переправились на правый берег Замбези. Там-то группа и нарвалась на южноафриканский патруль. Когда их окружили, Присман лично пристрелил двух мулатов, которые от страха совсем ошалели и пытались оказать сопротивление. «Пленных террористов» здорово отделили, пока довезли до ближайшего полицейского поста. Позднее, в Претории, когда их представили журналистам, выглядели они вполне убедительно. Особенно белый «главарь» коммунистов — Майкл Присман. Неудивительно, что он все с готовностью выложил на пресс-конференции. И как его завербовали в Лусаке, и как готовили на Кубе для совершения диверсий на алмазных копях в Юго-Западной Африке. Исповедь агента БОСС вызвала сенсацию. Во всяком случае, правительство Хита немедленно согласилось продать ЮАР крупную партию оружия стоимостью в двести миллионов фунтов стерлингов.

Конечно, шеф уверен, что Присман получил назначение в Тананариве в качестве награды за «Импалу». Но, во-первых, вместо этого Майкл вполне мог получить пулю в лоб от замбийских

¹ ПАК — Панафриканский конгресс ЮАР — либеральная организация, выступающая против расистского режима.

² 21 марта 1960 года в рабочих поселках Шарпевиле и Ланге были расстреляны мирные демонстрации африканцев против закона о пропусках.

или южноафриканских пограничников или в затылок у себя в БОСС, после пресс-конференции. А вторых, Крокодил даже не подозревает, чему Присман обязан мадагаскарской синекурой. Ведь Майклу довелось однажды оказать услугу человеку, чьи пальцы пожать даже генерал Ван ден Берг, шеф БОСС, считает для себя великой честью...

Гарри Фредерик Оппенгеймер, как многие мужчины в годах, обожал молоденьких красоток. Одна из них, преподавательница колледжа в Претории, каким-то образом попала в список подрывных элементов, переданный в политический отдел БОСС полицией. Собственно, ничего из ряда вон выходящего за перечисленными в списке лицами не числилось. В основном это были либерально настроенные белые, метисы, африканцы. Но у БОСС на сей счет были свои планы. Список с помощью американского ЦРУ напечатали в США в левом университетском журнальчике под броским заголовком «Коммунисты Южной Африки продолжают борьбу». Дальше дело пошло как по маслу. Массовые аресты, громкий процесс с «неопровержимыми уликами», и в итоге несколько десятков приговоров на различные сроки. Присман, занимавшийся в числе других этим делом, случайно узнал от осведомителя о прелестной «смуглянке», пользующейся расположением любвеобильного Бриллиантового Гарри. Он тут же поспешил вычеркнуть ее из списка, заявив, что она его секретный агент. Позднее через одного из друзей тогда уже покойного отца, знавшего Оппенгеймера по учебе в Оксфорде, Майкл передал миллионеру почтительное письмо с просьбой дать указания, как ему поступить в этом щекотливом деле.

Ответа он, конечно, не получил, но преподавательница вдруг бросила колледж и спешно переехала в Кимберли, где, как выяснил Присман, купила небольшую виллу и жила, ничего не делая. Майкл тешил себя мыслью, что назначение на Мадагаскар было своеобразной благодарностью Оппенгеймера. Тем более что инициатива исходила не от начальника отдела внешних операций БОСС Фини ван Рина, непосредственного шефа Присмана, а от генерала Ван ден Берга.

15 апреля 1972 года резидента БОСС Майкла Присмана разбудил утром шум множества моторов. Он вскочил с кровати и подбежал к окну: мимо старинного дворца мадагаскарских королей к центру города спускалась колонна броневиков с закрытыми люками. Деревянные башенки дворца заметно подрагивали. Как было известно Майклу, никаких парадов или маневров на ближайшее время не намечалось. Неужели эпидемия переворотов, бушующая в Африке, пришла, наконец, и на тихий Мадагаскар?

Торопливо одевшись, Присман поспешил к ратуше, но у рыночной площади путь преградили солдаты. Улица, ведущая к Зуме, где обычно с раннего утра собирались торговки фруктами, овощами, цветами, ремесленными поделками, была перекрыта военными грузовиками. Вверх от Зумы по каменным лестницам в сторону ратуши время от времени пробегали группы жандармов с автоматами. Где-то вдали трещали выстрелы.

«Да, похоже на переворот, — с досадой подумал Присман. — Кажется, военные берут власть... Но тогда зачем здесь жандармы? Неужели они объединились с армией против личной гвардии старика Цирананы? Невероятно...»

Около грузовиков толпились штатские, главным образом мужчины, многие в пестрых националь-

ных накидках — ламбах. Все они сердито насканивали на солдат, требуя пропустить к центру города.

— Не скажете, что происходит, тумпуку? — вежливо обратился Присман к пожилому малагасийцу в шортах, которого рикша подвез вплотную к машинам.

— Студенты, тумпуку, — сердито пробурчал тот. — Объявили забастовку и безобразничают на Авеню Независимости. Ничего, их быстро приведут в чувство...

Прогноз чиновника не оправдался. Вслед за студентами выступили рабочие. Впервые за последнюю четверть века на улицах Тананариве пролилась кровь. Забастовки и демонстрации сотрясли остров несколько недель.

— Придется бросить туземцам большую кость, — признался Присману в пресс-клубе один из его осведомителей, чиновник-европеец из совета по делам безопасности. — Это просто какое-то стихийное политическое бедствие. Но что поделаешь, нужно исходить из того, что в политике нет правильного и неправильного, только целесообразное и возможное — последнее явно относилось к словам о «большой кости».

И «кость» была брошена. «Отец независимости» со всем кабинетом был вынужден уйти в отставку. Его заменило правительство генерала Рамануа, провозгласившее курс на проведение социальных реформ и пересмотр внешней политики. Присману дали понять, что вскоре последует полный разрыв всех отношений с Южно-Африканской Республикой. А поэтому ему лучше заблаговременно покинуть Тананариве.

На продаже особняка с видом на озеро Итаси Бюро государственной безопасности ЮАР потеряло двадцать тысяч рэндов. Но главное, считал Майкл, что сам он потерял с таким трудом достигнутый пост резидента. Сидя в салоне самолета, Присман меланхолично напевал свой любимый «Хотя прохожу по долине смерти...». Что толку, если он сохранил агентурную сеть в пяти крупных городах Мадагаскара. Все равно в Претории из него сделают козла отпущения: резидент БОСС обязан был вовремя узнать о готовящемся перевороте и постараться не допустить его. Неважно, что для этого у Присмана не было ни необходимых сил, ни времени.

Присману вспомнился давний случай, когда он разрабатывал студенческого лидера Яна Робертсона. Тот находился под домашним арестом, но все же сумел каким-то образом переслать письмо американскому сенатору Роберту Кеннеди с просьбой посетить ЮАР, чтобы убедиться в невыносимых условиях, царящих там. Американец приехал и, естественно, встретился с Робертсоном у того в квартире.

— Подслушивают ли здесь? — начал разговор гость.

— Конечно.

— Ничего, я постараюсь помочь, хотя бы временно...

И тут Кеннеди подпрыгнул и грохнул подошвами об пол.

— От таких трюков приборы, как мне известно, портятся. Можете не сомневаться, я ведь сам был министром юстиции... — это было последнее, что оказалось записанным на пленку.

Микрофоны действительно вышли из строя, и виноват в этом оказался Присман.

«Так будет и на этот раз, — невесело подумал Майкл, глядя в иллюминатор на быстро приближающийся бетон аэропорта.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Воздух дышал полуденным зноем. Справа растянулась унылая, выжженная солнцем саванна, откуда порывы ветра несли серую кисею пыли. Присман уже третий час разглядывал в бинокль одинокую ферму на опушке леса. Кажется, ничего подозрительного. Низкий вытянутый дом с верандой, затянутой сеткой от москитов, за которой невозможно было разглядеть, есть ли на ферме кто-нибудь посторонний. Во всяком случае, поблизости от дома Майкл пока никого не заметил.

Что ж. чему быть, того не миновать. Он решительно поднялся и вышел на пыльную дорогу, ведущую к ферме. Капрал Кроули со своими парнями так ловко замаскировались среди редких, почти безлистных юбернардий и усеянных колючками пепельно-серых брахистегий, что даже с расстояния ста метров Присман не мог обнаружить их. В крайнем случае они прикроют огнем.

Первым, кого Майкл увидел на веранде, был маленький невзрачный человек с клочками волос на затылке и заглубленной морщинистой кожей. Он сидел в низенькой качалке, держа в руках коротенькую трубку и пластмассовую табакерку. Его взор без всякого выражения остановился на вошедшем.

— Мистер Фолквин, если не ошибаюсь? — из предосторожности Майкл не выпускал в кармане рукоятки пистолета.

Человек пожевал губами, еще раз смерил вошедшего цепким взглядом водянистых глаз, словно бы выцветших от яркого африканского солнца, и только после этого удостоил Присмана ответом.

— Чем обязан?

— Мне вас рекомендовал мистер Ричардсон, если вы его помните... — каким-то деревянным голосом произнес Майкл первую часть пароля. В эту минуту он сам был себе противен. Неужели он боится какого-то замухрышку?

— А сам он не собирается приехать в этом году?

Майкл с облегчением вздохнул. Отзыв был правильным. Только теперь он позволил себе расслабиться и осмотреться. Мистер Фолквин оказался совсем не таким, каким он себе его представлял. Ничего героического, говорящего о том, что этот человек в выгоревшей рубашке и застиранных шортах является резидентом родезийской службы безопасности, вот уже двадцать лет работающим в самом опасном месте — среди черномазых в немислимой глуши. Интересно, что это, железные нервы или просто пришедшее с годами безразличие?

— Здравствуйте! Удивительно приятный сегодня день, — мягкий женский голос, прозвучавший за спиной, заставил Присмана обернуться. Из комнаты на веранду неслышно вышла седенькая румяная старушка с подносом в руках. — Сейчас я проведу вас умыться, а потом будем пить чай. — Она держалась так, словно давно ждала гостя и его появление было радостным событием.

— Благодарю вас, миссис Фолквин, — промямлил Майкл, соображая, как ему держаться в присутствии хозяйки. Он вопросительно посмотрел на ее мужа, но так ничего и не прочитал на его невозмутимом лице.

...Как и предвидел Майкл, по возвращении из Тананариве его ждали неприятности. Целый год Присмана держали в черном теле, поручая пустяковые дела, с которыми справился бы любой новичок. И лишь две недели назад его вызвал ван Рин. По тому, что шеф держался любезнее обычного,

Майкл догадался: предстоит какое-то ответственное задание. И не ошибся.

Крокодил сообщил, что генерал Ван ден Берг представляет Присману блестящую возможность реабилитировать себя за провал на Мадагаскаре. Ведь Майкл специалист по Замбии. Его с группой забросят, как и раньше, на вертолете через границу, там они проведут акцию против одной деревеньки, где обосновались беженцы из Юго-Западной Африки, и вернутся обратно.

Вначале Присман не понял, за каким чертом в карательные рейды посылать людей БОСС. С этим прекрасно справляются армейские группы из ЮАР и Южной Родезии. Но дальнейшие слова шефа кое-что объяснили ему:

— Учтите, Майкл, операцию нужно провести чисто. Если кто-нибудь из кафров сумеет ударить, пеняйте на себя. Рассказ для журналистов уже написан; и единственный уцелевший «очевидец» зубрит его. За достоверность деталей можете не беспокоиться. Ни один человек не усомнится, что именно замбийские солдаты из племени балози действовали там. Если подобные зверства будут повторяться, — Крокодил громко захохотал, — а почему бы и нет? — нам придется принять меры для защиты наших бедных черномазых, по неведению поселившихся в Замбии... Начинается «Грит трэк». Ясно?

Да, Присману все стало ясно. Он уже слышал об операции «Грит трэк», хотя и не был посвящен в суть дела. Значит, вот для чего бывший главнокомандующий генерал Мелвил прикомандирован к БОСС. Не иначе Дуглас Лорд, который командовал наемниками в Катанге, взят в штат инструктором для подготовки «добровольческих спецгрупп» тоже в связи с «Грит трэк». Ему же, Присману, отводится роль детонатора в этой операции...

Майкл настолько ушел в свои мысли, что перестал следить за инструкциями ван Рина.

— ...Ты что, оглох? — раздраженно рыкнул Крокодил. — Повторяю тебе еще раз. В округе Чирунда свяжешься с родезийским резидентом. Он тебя нацелит на объект...

Невзрачный мистер Фолквин оказался весьма знающим человеком. Без лишних расспросов, толково и ясно он рассказал Присману, как лучше всего добраться до деревни южноафриканских беженцев. И даже набросал небольшую схемку, которую, правда, тут же сжег над пепельницей.

— Может быть, пойдете с нами, мистер Фолквин? Наверно, надоело киснуть в этом райском уголке, — Майкл жестом указал на сад за верандой. Когда-то там пытались выращивать ирис и африканскую циннию, лук и капусту, но их заглушили буйно разросшиеся дикие растения.

Скрытая издевка Присмана не прошла незамеченной. Бесцветные глазки мистера Фолквина зло блеснули, но обратился он к Майклу все тем же спокойным, ровным тоном:

— Вы знаете, как ведет себя самка здешней осы? Нет? Тогда послушайте, любопытно... Она отыскивает крупного паука, оглушает его жалом, а потом перегаскивает свою жертву в специально вырытую в земле ямку. На теле потерявшего сознание паука она откладывает одно-единственное яичко. Потом оса забрасывает ямку землей и тщательно маскирует. Через несколько дней из яичка появляется ее чадо, а поскольку паук жив, то для молодой осы будет вдоволь свежей пищи... Так что не путайте эффективность с эффективностью...

Присману не оставалось ничего другого, как проститься с резидентом.

Рассвет — лучшее время дня в Африке. Воздух еще свеж и вливается в ноздри не раскаленной струей, словно из топки, а струится бодрящим родничком с целой гаммой запахов: тут и сладковатый запах лесной прели, и аромат цветов, и горьковатый привкус выжженной травы. Но Майклу Присману некогда было наслаждаться природой. Метрах в пятидесяти лежала конечная цель опасного сафари, которое началось двое суток назад на военно-воздушной базе Мпача, неподалеку от замбийской границы.

Присман мысленно еще раз перебрал, все ли он правильно рассчитал. Вроде бы да. Сектора обстрела точно указаны каждому. Через кольцо окружения из деревни не выскользнет и змея. Шеф может спокойно выводить на пресс-конференцию своего «очевидца». Майкл вскинул автомат — он предпочитал израильский «узи» — и тщательно прицелился.

Деревня Ндингга выглядела как любой другой южноафриканский крааль: круглые глиняные и плетеные хижины с коническими крышами. Развесистое дерево манго в центре небольшой площади, на которой, опираясь на мотыги, стояли несколько женщин. Перед хижинами пустые калесы, охапки сахарного тростника и каких-то сушеных диких фруктов. У крайней хижины в пыли копошилась кучка ребятни с тускло-рыжими волосами, какие обычно бывают у истощенных детей. Две девочки постарше тащили по улице на головах огромные охапки сухих ветвей, смешно семена тоненькими, словно отполированными, ножками.

Сухой треск автоматных очередей распорол мирную утреннюю тишину. Ведя мушкой вдоль деревенской улицы, Присман видел, как вслед за ней люди мягко оседали на землю. «День без событий. Мы встретили лишь одного туземца и одинокого павиана. Обоих застрелили», — пришли вдруг на память слова из дневника кого-то из первых белых поселенцев. В тот же момент взрывы гранат

взметнули в воздух остатки хижин вперемешку с каким-то мусором.

Через час, отирая пот со лба, Присман подал сигнал к отходу. Он был уверен: уцелевших быть не может...

В двадцати милях от границы они нарвались на засаду. Пулеметные очереди прижали к земле так, что невозможно было поднять головы. Первыми погибли дурбанец Спок и рыжий Пэт, который всю дорогу предвкушал, как погуляет дома, в Кейптауне. Капрала Кроули ранили в живот, и его пришлось пристрелить, чтобы не демаскировал остальных своими воплями. Присман с остатками группы затаился в зарослях низкой акации, изредка огрызаясь из автоматов. Только бы продержаться до вечера. В темноте можно попытаться прорваться.

Внезапно ветер донес запах дыма. Присман принюхался. Нет, он не ошибся, пахло горячей травой. Все. У Майкла внутри что-то оборвалось. Эти проклятые кафры подожгли траву вокруг. Ему вспомнилось, как африканцы добывают мед: вешают на баобаб свернутый в трубку кусок коры, в нем поселяются пчелы, а когда приходит время сбора меда, их просто выкуривают, поджигая вокруг дерева траву. Так будет и с ними.

Ветер гнал сплошную пелену дыма, из-за которой доносились громкие крики замбийцев: «Сдавайтесь, бандиты! Бросайте оружие! Спротивляться бесполезно».

Агент Бюро государственной безопасности ЮАР Майкл Присман оставил автомат на земле и осторожно встал. Высоко подняв руку, он бросился в ту сторону, где раздавались голоса.

«Не стреляйте! Я сдаюсь! Не стреляйте!» В горле першило от дыма, но Присман продолжал выкрикивать эти слова как магическое спасительное заклинание. Чувство самосохранения толкало его вперед. «Я сделаю заявление для печати... Я все расскажу... «Грит трэк»... Фолквин... Они не имеют права меня убивать».

«КАЛИПСО» СПАСАЕТСЯ ОТ АЙСБЕРГОВ

Сотни ледяных глыб окружили небольшое судно, ветер гнал его навстречу гигантскому айсбергу, и гибель, по-видимому, была неизбежной.

Айсберг натолкнулся на судно и пробил в борту полутораметровое отверстие. Казалось, это был последний рейс «Калипсо», судна известного французского исследователя морских глубин Жак-Ива Кусто. И только цепь счастливых случайностей спасла экспедицию.

Позже, на пресс-конференции в Вашингтоне, Кусто сообщил о всех перипетиях своего драматического рейса.

— Все беды начались уже по

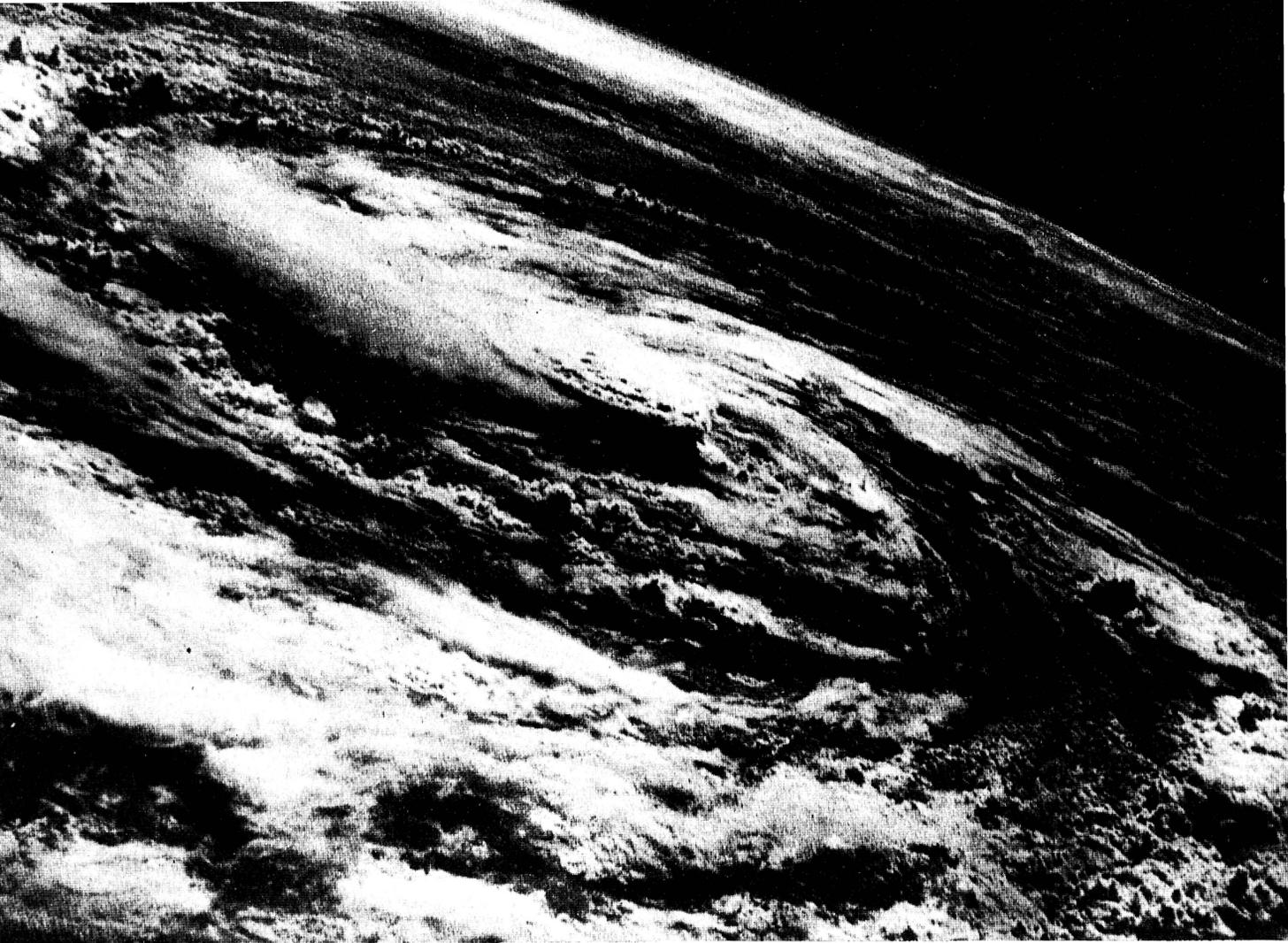
дороге в Антарктиду, куда «Калипсо» направлялась для океанографических и метеорологических наблюдений, — рассказывал Кусто. — Шестнадцатого января вышел из строя первый винт, и «Калипсо» до девятого февраля продолжала плавание только с одним винтом. Затем сломалась ось левого винта. К этому времени мы находились вблизи залива Хоп. Но самое худшее было впереди. Тяжелый шторм обрушился на потерявшее управление судно, и положение становилось опасным. Мы оказались у подножия гигантского айсберга, грозившего с минуты на минуту опрокинуться на нас. Бесчисленные айсберги по-

меньше увеличивали опасность. Осколки льда, подобно артиллерийскому обстрелу, градом осыпали «Калипсо».

При нулевой видимости беспомощное судно с трудом передвигалось между грозными ледяными горами. Вот тут-то и произошло столкновение с айсбергом.

К счастью, пробойна была над ватерлинией, и команде «Калипсо», мужественно борющейся со стихией не на жизнь, а на смерть, удалось кое-как ее залатать. Неожиданное улучшение погоды позволило судну с трудом добраться до острова Кинг-Джордж (на некоторых картах он называется островом Ватерлоо). Стоявший там на якоре чилийский корабль взял «Калипсо» на буксир и доставил в ближайшую южноамериканскую гавань Пунта-Аренас: Там «Калипсо» будет отремонтирована для новых рейсов.

М. ГАЙ-ГУЛИНА



Единство земной природы, общность планетарных связей, пожалуй, нигде так не ощутимы, как в метеорологии. Чтобы по-настоящему предвидеть, какой будет погода в том или ином районе, надо знать, что происходит в Арктике и Антарктике, над Сахарой и островами Тихого океана. Неделимость атмосферы выступает здесь наглядно и ярко.

Столь же един практический интерес всех стран к явлениям, происходящим в атмосфере, и одинаково велика их заинтересованность в своевременном и точном прогнозе этих явлений. Ибо такой прогноз — это залог успешной работы земледельца, это безопасность и четкость транспортных перевозок, это удачный отдых, это ускорение хода множества прочих важных дел. Здесь каждая страна зависит от той метеорологической информации, которую собрали другие страны. Этого мало: жизнь атмосферы нельзя понять в должной мере без объединения научных усилий разных стран, без работ, выполняемых по общей программе. Это требование объективной реальности.

Воплощение в жизнь Программы мира XXIV съезда КПСС, поездки товарища Л. И. Брежнева в ФРГ, США и Францию, документы, там подписанные, начало работы Общеευропейского совещания — все это сейчас заметно очистило небо международных отношений. Сейчас Москва стала местом проведения Всемирного конгресса миролюбивых сил. В 1977 году должны начаться работы по международной Программе исследований глобальных атмосферных процессов. На первый взгляд это совершенно разные, далеко удаленные друг от друга события. Но слово «климат» имеет и такое прилагательное — «политический». Совместные научные работы вести тем легче, и тем они успешней, чем лучше политический климат. В метеорологии интересы науки и интересы миролюбивой политики, интересы национальной экономики и интересы добрососедства связаны теснейшим образом, единство этих интересов прослеживается весьма наглядно. Подготовка к глобальным исследованиям атмосферы полным ходом идет уже сегодня, в дни конгресса миролюбивых сил, значит, политический климат добрососедства уже сегодня влияет на их результат.

К ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

РАЗГОВОР С МЕТЕОРОЛОГОМ, ИЛИ ПРОГНОЗ ПРОГНОЗА

ДЕВЯТЬ ПОПАДАНИЙ ИЗ ДЕСЯТИ

Древний старец на зава-
лилке, который по капри-
зу застарелого ревматиз-
ма мог оповестить, что ноют ста-
рые кости, а значит, к дождю
или к грозе, сделался почти обя-
зательным украшением любого
репортажа, очерка, статьи, посвя-
щенных метеорологии. Рядом с
дедом-«синоптиком» нельзя
изобразить старинный репродук-
тор. Игнорируя живую погоду,
он под струями ливня твердит о
ясной погоде.

Мы дружно и беззлобно руга-
ем синоптиков, особенно если
прогноз обманул наши ожидания.
Однако, признайтесь, часто ли вы
отправляетесь на работу, а тем
более за город, не прослушав
прогноз на сегодня?

Мы привыкли к сводке погоды,
и коэффициент доверия к ней
растет. А ведь десятилетиями она
была постоянной темой сатиры и

юмора, и ее составителям не
прощались заблуждения и прома-
хи. Например, если вместо обе-
щанного крепкого мороза внеза-
пно наступала оттепель или вместо
безоблачного неба откуда ни
возьмись горизонт заволакивали
тучи. Такое бывает и в наши дни,
но это ЧП.

Годы шли. Прогнозы совершен-
ствовались незаметно, упорно, хо-
тя и не так быстро, как ожида-
лось когда-то.

Когда-то думали: достаточно
быть в курсе того, что творится
в атмосфере в радиусе ста кило-
метров от избранного пункта,
чтобы предвидеть погоду на сле-
дующий день. Потом, увы, выяс-
нилось, что ни пятьсот, ни тысяча
километров надежно не гаранти-
руют от возможных ошибок.

А если иметь дело не с каким-
то районом-крошкой, а с терри-
торией Советского Союза, раски-
нувшейся на тысячи километров
с запада на восток, с севера на
юг?! Какой будет погода в стране
завтра, через три-пять дней?

Толково решить вопрос можно,
лишь располагая сведениями о
состоянии воздушной и морской
оболочек, по крайней мере, все-
го северного полушария, а луч-
ше — земного шара. В перспек-
тиве — Солнечной системы. Нет,
нет, без шуток... Ведь никто не
оспаривает важную, быть может,
главную для погоды роль нашего
дневного светила. Ведь мы жи-
вим в атмосфере Солнца!

Чем удачнее становился прог-
ноз, чем лучше он совпадал с ре-
альным «завтра», тем скупер
острили юмористы. А в послед-
ние годы они вовсе оставили по-
году в покое: неблагодарное за-
нятие! В самом деле — синопти-
ки научились намечать контуры
погоды будущего дня, не прибе-
гая к услугам уэллсовской «маш-
ины времени»: в восьми-девяти
случаях из десяти сводка торже-
ствует.

И если прогноз не достиг уров-
ня сигналов точного времени, то
в недалеком будущем начнет с
ними соревноваться. Станут удив-
ляться не тому, что синоптик ока-
зался прав, а тому, как он сумел
ошибиться.

КАК ПРЕДСКАЗЫВАЕТСЯ ПОГОДА!

Со времен глубокой древности
хорошо охраняемую крепость
редко удавалось захватить вра-
плох, овладеть внезапным уда-
ром: ее подвергали длительной и
упорной осаде, брали одно укреп-
ление за другим и наконец ре-
шительным штурмом принуждали
неприятеля сдаться.

Нечто подобное в наши дни
происходит с могучим противни-
ком — воздушной стихией. Иссле-
дователи не «ждут у моря пого-
ды», а прощупывают ее в гло-
бальном масштабе, изучают воз-
душную оболочку планеты от
нижнего до самого верхнего слоя
(если слоем можно назвать раз-
реженную ионосферу, где про-
странство объемом в один куби-
ческий километр содержит всего-
навсего шестьдесят граммов ве-
щества против одного миллиона
двухсот пятидесяти тысяч тонн на
уровне океана).

Метеорологи в век техническо-
го прогресса снабжены самой со-
временной техникой. Тут радиоло-
каторы, лазеры, компьютеры, те-
летайпы и другие приборы, аппа-
раты, механизмы. Математика во-
оружила метеорологов гидроди-
намическими уравнениями, кото-
рые составили основу численных
прогнозов, а им принадлежит бу-
дущее.

В Гидрометеорологический
центр СССР в Москве — один из
трех мировых центров (два дру-
гих — в Вашингтоне и Мельбур-
не) — по разнообразным линиям
связи непрерывно поступают дан-
ные со всех концов Советского
Союза, передаваемые синоптика-
ми. Кроме того, в труднодоступ-
ной местности, например на лед-
никах, вблизи вершин горных
хребтов Средней Азии, Восточной
Сибири и Дальнего Востока, на
арктических островах, установле-
ны автоматические «часовые» по-
годы.

В шестидесятых годах на по-
лярную орбиту было выведено
несколько искусственных спутни-
ков Земли с метеорологической
аппаратурой. Спутники системы
«Метеор», облетая за полтора ча-

са нашу планету, сообщают то, что «увидели» в воздушном океане: сплошную облачность над Западной Европой, чистое небо над Сахарой и Каракумами, рождение цепочки циклонов над Атлантическим и Индийским океанами, чудовищное завихрение — «глаз» тайфуна над Тихим океаном, паковые ледяные поля в Арктических морях, антициклон над Уралом, снежный ураган над Антарктическим континентом.

Весь этот громадный поток информации вливается в здания Гидрометеоцентра, расположенные в тихих переулках по соседству с прославленной Красной Пресней, поступает в каналы быстродействующих компьютеров, где обрабатывается по заранее заданной программе.

Однако до полной готовности еще далеко. Из компьютеров сведения передаются в отдел краткосрочных прогнозов. И, после того как они обсуждены, исправлены и дополнены группой дежурных синоптиков, во все концы Советского Союза и за рубеж летят свежие прогнозы.

Приведу один пример (по нему можно судить, какую огромную работу «проворачивают» советские синоптики). Аэрофлот ежедневно получает... пятнадцать тысяч прогнозов!

Служба погоды поставляет прогнозы, кроме авиационного, морского и наземного транспорта, энергетике, промышленности, городам и селам. И это не только прогнозы на завтра, на два-пять дней вперед, на следующий месяц и сезон. Тут и разнообразный ассортимент скоропортящейся информации: ожидаемый гидрологический режим речных и озерных систем, осенние ледоставы, весенние ледоходы, величина половодий, ледовая обстановка в Арктическом бассейне, агрометеорологическая сводка, штормовые предупреждения о вторжении атлантического или тихоокеанского циклона, внезапных местных шквалистых ветрах.

Никогда на протяжении столетней истории русской и советской метеорологии не выдавалось «нагора» столько продукции, оперативной информации, как в наши дни. По неполным данным, средняя годовая экономия, достигнутая благодаря одним лишь «штормовым предупреждениям», составляет семьсот-восемьсот миллионов рублей. А как подсчитать общую эффективность гидрометеорологических прогнозов?

СКОРОСТЬ — ЭТО ТОЧНОСТЬ

Чем скорее прогнозист получит в свои руки «живую» погоду, тем больше шансов, что его предвидение совпадет с реальным завтрашним днем.

— Да, главное сейчас это скорости, скорости и еще раз скорости, — говорит директор Гидрометеорологического центра СССР, лауреат Государственной премии, профессор Виктор Антонович Бугаев. — Достичь их можно, развивая, совершенствуя, автоматизируя всю технологическую схему выработки прогноза. Задача формулируется так: сжать, свети к минимуму временной разрыв между подлинной картиной атмосферных процессов на планете и ее доставкой, воспроизводством в зале краткосрочных прогнозов.

Проблемой номер один советской и мировой службы погоды стала организация сбора «небесной» информации. Скорость телеграфного обмена в пятьдесят бод — импульсов в секунду, — которая недавно вполне удовлетворяла синоптика, теперь постепенно уступает место тысяче — двум с половиной тысячам бод. Тем самым получение данных ускорится в десятки раз.

— В ближайшие годы, — продолжает мой собеседник, — когда метеорологический мир привыкнет к таким скоростям, положение в корне изменится, решится проблема «живой» погоды. Тогда-то прогноз сделается точнее, совершеннее. Губительные многочасовые ожидания, пока накопятся данные о событиях в атмосфере земного шара, навсегда уйдут в прошлое. Не часы, а десятки минут потребуются, чтобы собрать нужную информацию.

Не останутся в стороне и компьютеры. Нынешние миллионы операций в секунду хоть и не выглядят улиткой, но и не вызывают восторга. Здесь тоже ожидается скачок: переход на многие десятки миллионов, а возможно, и на сотни миллионов операций в секунду.

Именно такая перспектива встает перед оперативной службой погоды, перспектива надежная и твердая... Впрочем, вернемся к началу семидесятых годов. Главный синоптик Советского Союза, словно предчувствуя неизбежный вопрос, спрашивает:

— Когда мы улучшим наши прогнозы? Ответить нелегко: требования к точности не у всех одинаковые. Одни у человека, спешащего в магазин или на рынок, другие, например, у водите-

ля на международной трассе: есть продукты, весьма чувствительные к теплу или холоду.

Кроме того, с непостижимой быстротой растут и запросы...

Профессор Бугаев — убежденный сторонник численного моделирования прогноза, компьютеров и другой электроники. Метеоролог все больше напоминает вдумчивого, заботливого врача: не довольствуясь непосредственными личными впечатлениями, он требует данных о составе и давлении крови, рентгеновских снимков, электрокардиограмм. И в метеорологии подобные объективные показатели дают возможность нарисовать истинную картину того, что преподнесет небо.

Сейчас Гидрометеорологическому центру СССР под силу предвидеть погоду на полтора-три дня не только на обширной территории нашей страны, но и на необозримых просторах северного полушария планеты.

ВСЕМИРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Почему бывают неудачные прогнозы погоды?

Почему проблема прогноза на долгий срок — на неделю, месяц, сезон — до сих пор удовлетворительно, с достаточной точностью не решена?

— А ведь нет никаких сомнений в том, что исследователи не жалеют усилий, — подхватывает Виктор Антонович. — Они стремятся покончить с этими коренными проблемами, поставленными обществом перед метеорологами. К сожалению, пока ни одной стране не удалось обойти своих соперников-коллег в этой области, заблаговременно предупредить по сравнению с другими.

Метеорологи уверены: правильный прогноз погоды на длительный срок может быть подготовлен, если, как говорят, хорошо известны начальные условия на всей планете. В переводе на язык практики — в момент подготовки прогноза нужно детально знать, что происходит во всей атмосфере Земли, дабы не прозевать какие-то назревающие конфликты в погоде. Ведь они могут перерасти в атмосферные катастрофы, например, надолго заблокировать нормальный перенос воздуха, помешать ему переправлять влагу и осадки с запада на восток, с океана на континент.

Пока информация с океанических просторов явно недостаточна; весьма скудна с южного полушария. Это все равно, как если бы смотреть художественный кинофильм, где две трети кадров

испорчены или вовсе отсутствуют. Что может дать такой фильм, кроме ощущения горькой обиды?

Возникает множество и других вопросов: как часто делать наблюдения на протяжении суток? Какие элементы погоды и с какой детализацией нужно фиксировать в пространстве? Какой должна быть густота сети метеостанций? Надо их, скажем, размещать через каждые сто или через каждые пятьсот километров, чтобы детально прощупывать состояние атмосферного покрова?

— Эти кардинальные проблемы, — подчеркивает мой собеседник, — следует решать двояко. С одной стороны, теоретическими расчетами, где все права гражданства завоевало численное моделирование атмосферных процессов с помощью компьютеров. А с другой — одновременным наблюдением со станций; каждая такая станция своего рода клеточка глаза. Какова структура таких клеточек, таково и видение, без которого невозможен прогноз. На прочном фундаменте наблюдательных экспериментов можно построить теоретические расчеты и следить за тем, насколько предсказанная погода соответствует действительности. Вероятно, может оказаться, что таких наблюдений в одних случаях очень мало, в других — избыточно много. Словом, гладкой, по правилам инженерного искусства проложенной дороги нет и в помине: Поиск идет в дебрях, тумане, без ориентиров.

Видимо, задача заключается в том, чтобы выработать оптимальную систему наблюдений. Тогда мы сможем глубоко и надежно проникнуть в физику атмосферных процессов, создать более совершенную методику прогнозов погоды.

— Напомню, — подчеркивает ученый, — до сих пор проблему долгосрочных прогнозов пытались сепаратно решать в разных странах (и одинаково безуспешно, несмотря на все ухищрения). Теперь метеорологи всего мира пришли к убеждению, что такую крупную всепланетную (и сложную!) операцию можно осуществить лишь объединенными усилиями.

Иначе мы не узнаем нужного. Сейчас ученые разработали международную Программу исследований глобальных атмосферных процессов, сокращенно именуемую ПИГАП, или GARP. Эта совместная программа опирается на прогрессивную идею — последовательно проводить серии различных наблюдательных экспери-

ментов. Они станут базой дальнейших численных расчетов, позволят предвидеть, как разовьются атмосферные процессы на всей планете.

НЕ УЙТИ ОТ ПОГОНИ

Большинство метеорологических экспериментов имеют локальный характер; таков, к примеру, эксперимент, проводимый в экваториальной зоне Атлантического океана. Главный, глобальный (ПИГАП) впереди: он назначен на 1977 год. Продлится он год-полтора, как и его предшественник МГГ, Международный геофизический год.

— Времени на подготовку осталось совсем немного, — говорит профессор Бугаев, — хотя планета наша некоторым представляется маленькой, чуть ли не крошечной! Вспомните, площадь ее поверхности — свыше пятисот десяти миллионов квадратных километров. Таковы масштабы предстоящей «небольшой операции».

Необходимо снабдить точной аппаратурой и четкими планами бесчисленные группы исследователей. Создается не просто тот или иной научный прибор, а специальные наблюдательные системы, подготавливаемые для глобального эксперимента. Они будут работать, накапливая избыточную информацию, так сказать, про запас, чтобы определить, вернее найти, оптимальный наблюдательный вариант, рекомендовать его Всемирной метеорологической организации.

Какие же наблюдательные системы предполагается пустить в дело в 1977 году, который войдет в историю науки как глобальный, метеорологический?

— Их, по крайней мере, должно быть три плюс несколько подсобных, вспомогательных, — отвечает директор Гидрометеоцентра СССР. — Первая, действующая сейчас как в нашей стране, так и за рубежом, сеть метеорологических наблюдательных станций. К моменту глобального эксперимента они, безусловно, увеличатся в числе, их усовершенствуют и расширят.

Вторая — система орбитальных метеорологических спутников, поднятых на высоту в одну-полтора тысячи километров над планетой. Они два-четыре раза в сутки сделают полный обзор погоды на Земле из космического пространства, а также произведут зондирование атмосферной толщи, зафиксируют и передадут, каково вертикальное распределение температуры и влажности.

Третья — система геостационарных спутников в экваториальной плоскости планеты на высоте тридцати шести тысяч километров. Один такой спутник выведет над Индийским океаном Советский Союз, два — Соединенные Штаты, один — европейские страны (в складчину!), один — Япония с помощью американской ракеты.

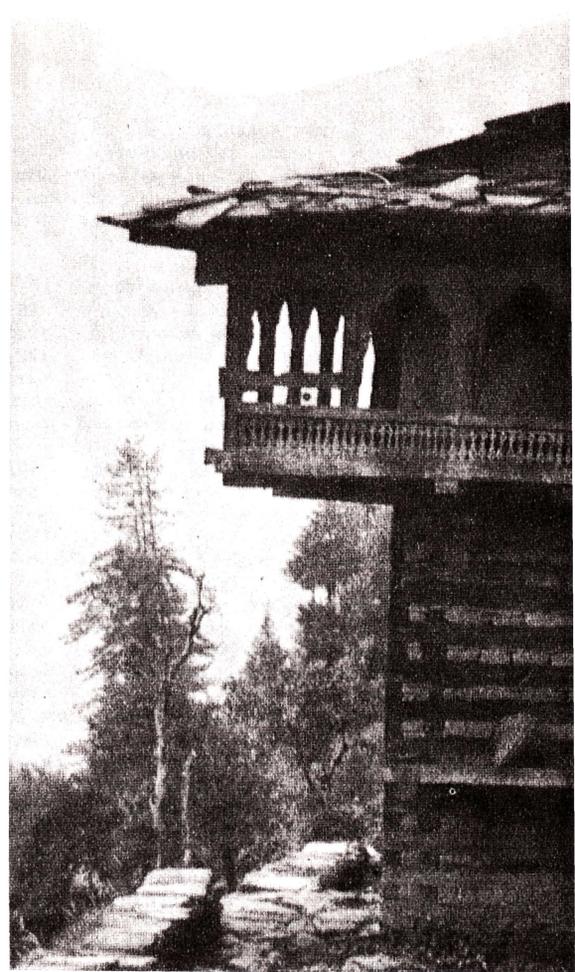
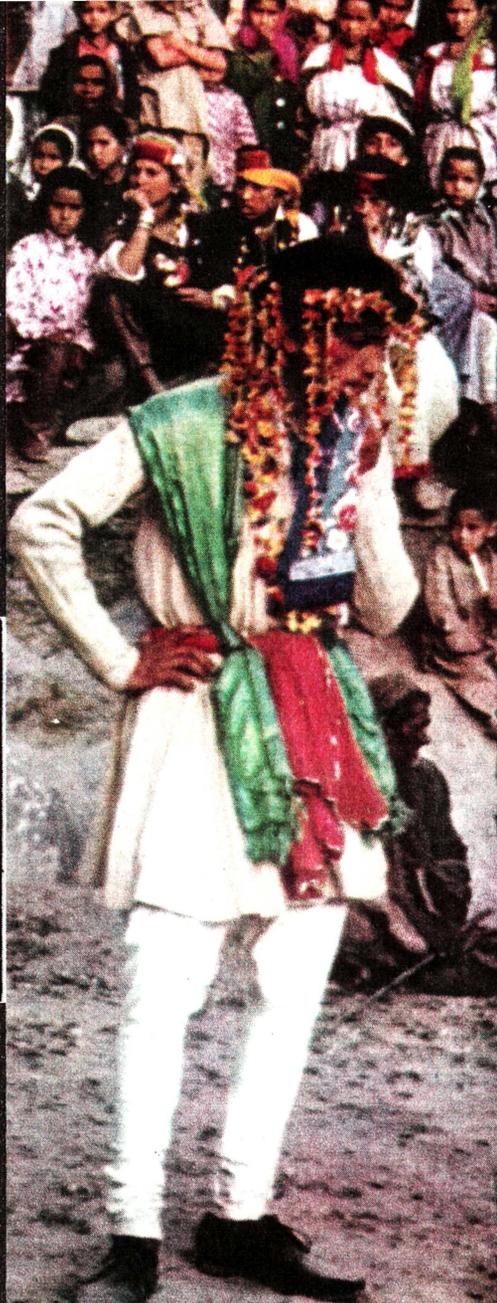
Неподвижные геостационарные спутники, фотографируя атмосферу, дадут синоптикам возможность, словно в креслах кино, в любой момент времени взглянуть на воздушный океан планеты. Взглянуть, подметить, выявить важные элементы погоды — облачные системы, их перемещение, а также определить направление главных переносов, оценить скорость ветра, что существенно для тропического пояса, где разыгрываются мощные атмосферные явления — тайфуны, штормы.

Кроме того, в экваториальной зоне и над морями южного полушария намечено запустить на высоту двенадцати-двадцати километров долгоживущие баллоны. По воле воздушных течений они способны примерно полгода дрейфовать вокруг земного шара, все это время автоматически производя измерения и передавая информацию сети земных наблюдательных станций.

Вторая вспомогательная система станций, подобно сети, накроет поверхность Мирового океана. Исследовательские суда — и среди них, конечно, советские — займут заранее избранные пункты. Наблюдения с судов дополнят расставленные во многих точках морских просторов автоматические метеорологические станции на буях.

Как видите, осада небесных бастионов благодаря сотрудничеству ученых разных стран и континентов задумана широко, во всеобъемлющих масштабах. Она детально проработана международной схемой Программы исследований глобальных атмосферных процессов.

— Эта программа коснется не только ученых всего мира, — замечает Виктор Антонович Бугаев. — Ее результаты ощутят все. Ведь надежно предвидеть завтрашний день, знать, что будет через неделю, месяц, сезон, — не самоцель, а средство, без которого не могут обойтись многие отрасли хозяйства, жители городов и сел. И чем точнее прогноз погоды, чем он ближе совпадает с действительностью, тем выше его научный и экономический эффект.



Л. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии им. Дж. Неру

ДОЛИНА

Фото автора

Казалось, этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигал глаза и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке нашего «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И редко-редко на обочине дороги возникали домишки с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к горячей ленте дороги. И миля за милей, час за часом — плоская желтая равнина, яростное солн-

це и буйство раскаленной пыли.

Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражем, пловшим над этой безлесной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже были похожи на мираж. Однообразие было таким одуряющим, что я не заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться вверх. Потом холмы сменились

невысокими горами, а кустарник — густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте на горах зевом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынная, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа был обрыв, который падал в темноту там, где шумела река. Временами я впадала в забытие,



ТЫСЯЧИ БОГОВ

тогда дорога и скалы сливались в зыбкий рисунок, дрожавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки справа и слева от дороги.

— Долина Кулу, — сказал шофер. — Теперь нам надо найти Наггар и этот дом.

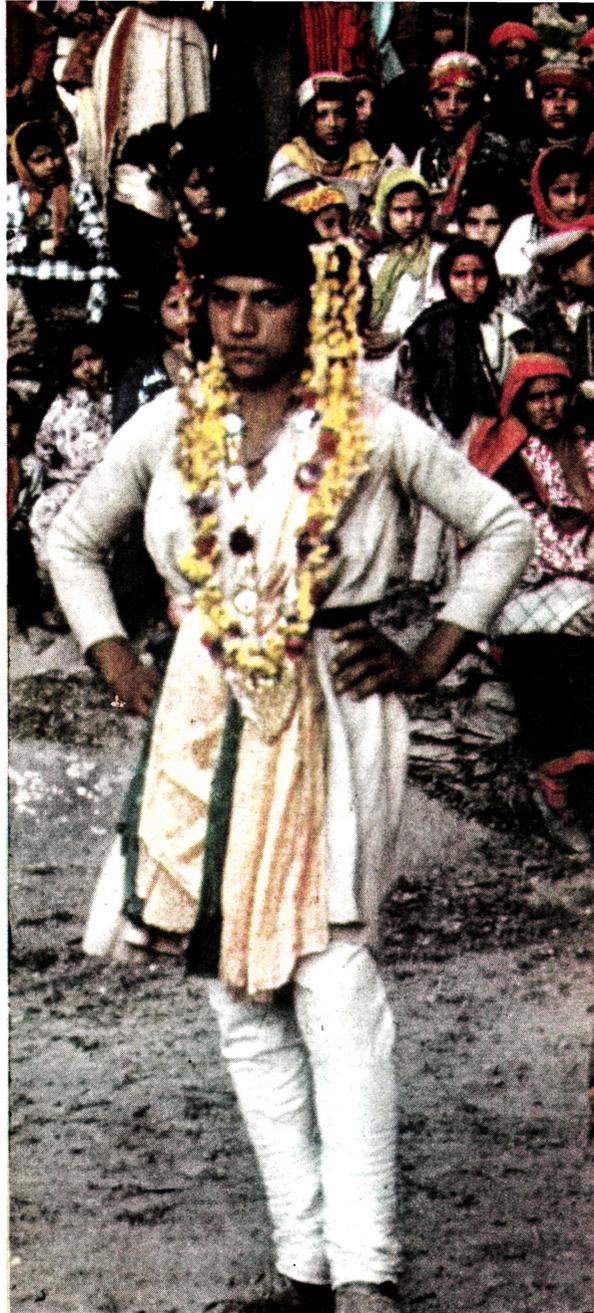
— Что, разве уже Гималаи? — спросила я.

— Теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла уставшие глаза, но в темноте, кроме редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, ничего не увидела. Река шумела где-то совсем рядом. Воздух стал чуть

прохладней, но машина была так разогрета, что это едва ощущалось. И вновь дорога поползла кверху, а машина, с трудом цепляясь за нее, с ревом карабкалась в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. А через несколько минут машина уперлась фарами в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени. Деревянные створки бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

— Рад вас приветствовать в долине Кулу.



Традиционный дом в долине Кулу (она показана на карте красной точкой).

Танцоры на празднике Трипурасандари.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты жена его, Девика Рани, сразу затормозила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух был свеж и прохладен, что звезды были низкими и яркими и что все вокруг виллы Рерихов было напоено запахом хвои и роз.

И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустила в мягкое кресло, и оно, ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где вилась раскаленная лента дороги по желтой и жаркой равнине.

КУЛУТА

Вы, конечно, помните картину Николая Рериха. Она называется «Кулута». Сине-белые изломы гор на ярко-голубом небе. Гряда облаков, лежащая в ущелье, и обрывистые берега текущей по узкой долине реки. Почти такой же я увидела долину Кулу в то раннее солнечное утро. Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала передо мной, прорезанная лентой бурного Биаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих роцц были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в изломах которых дробился голубой цвет неба. Внизу подо мной лежал древний поселок Наггар. Крыши, покрытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А на окраине Наггара странное сооружение, трехъярусная деревянная крыша и каменное основание. Где-то я уже видела нечто подобное. Но где? Память разворачивает свою киноленту. И я снова вижу горы, не такие высокие, как здесь, сосновые леса, и там, между деревьями, трехъярусную деревянную церковь. Да, конечно, это Карпаты. Но ведь это все так далеко... Другая страна, другой народ, останавливаю я себя. Предположения могут зайти слишком далеко. Внезапно какая-то тень набежала на долину, изменила оттенки зелени, легла на голубизну реки и замутила ее. Над горами поползли тучи. Тяжелые, с рваными краями. И четкие очертания снежных вершин стали расплываться, постепенно стираясь и исчезая. Над горами начался снегопад. А сюда, в долину, он ворвался теплым дождем, зашумел желтыми глини-

стыми ручейками по горным тропинкам... Щедрый и долгожданный дождь плодородной долины. К вечеру тучи преодолели снежные перевалы и уплыли куда-то на север. Небо очистилось, и над долиной и горами повисли колкие искристые звезды. Долина ответила им созвездиями желтых электрических огней.

Кулу... Острые пики снежных гор, плодородные поля, бушующий Биас, бурлящие потоки горячих источников, храмы, где обитают боги долины, священные роцц с тысячелетними дедарами, развалины старинных крепостей и дворцов, забытые погребения. Осколок жизни древней Индии, затерянной в Гималаях. Снежные вершины и перевалы, как стражи, охраняют тысячелетние тайны долины. Кто здесь жил, кто прошел, кто оставил своих потомков и старинный обычай? Кто населил долину богами? Кто строил трехъярусные лесные храмы? Чью одежду сохранили люди долины? Чьи легенды они рассказывают? Ответить на все это непросто. О Кулу мы знаем много, но в то же время очень мало. Легенда и вымысел тесно переплелись с реальными событиями далекого прошлого. И отделить их друг от друга часто бывает трудно. Легенды говорят о великих мудрецах — риши, которые обитали в пещерах Кулу тысячи лет назад. Легенды повествуют об Арджуне, о риши Виасе, который собирал Махабхарату и написал последнюю из Вед — Атхарва Веду. Из тьмы ушедших веков легенды доносят воспоминания о ранних ариях, о забытых завоевателях, о древних, осевших здесь племенах...

Веды повествуют о людях кунинда, или кулинда, которые были предками теперешних жителей долины. Старинное название долины — «Кулута» — было вычеканено на монетах I века. Кулута лежала на древнем караванном пути, ведущем из далекого Китая через заснеженные просторы Тибета в плодородную долину Инда. И ее камни, медные таблички и рукописи повествуют о стремительных набегах тибетцев, о кровавых сражениях у снежных перевалов, о вероломстве и предательстве правителей соседних Ладака и Чамбы и блистательных могольских императоров, подчинявших себе долину, о рыцарях-раджпутах, которые правили ею уже в средне-

вековье, о воинственных свободлюбивых сикхах, пытавшихся обосноваться здесь.

Волны завоевателей пронесли над долиной и откатывались, оставляя следы, как волны морские оставляют складки на песчаном морском берегу. Свои крепости, свое оружие, свою религию. Но эти «складки» оставались где-то на поверхности и не затрагивали глубин древней жизни долины. Поэтому ее жители продолжали подчиняться своим раджам, поклонялись своим богам, пели свои песни, рассказывали свои легенды, хранили свои тайны. В долине рассказывают о подземных ходах, высеченных в горах древними пришельцами, об исчезнувшем хранилище старинных буддийских книг, привезенных из Тибета и погребенных где-то в окрестностях Манди, о ламах-пророках, которые время от времени появляются в долине... Теперь в долине проложили современные дороги и провели электричество, построили отели и школы. Кулу превратилась в модный летний курорт. И кажется, что современная жизнь втягивает Кулу в свою орбиту. Но это только кажется. На долю современных пришельцев достается пока та же участь, что и прежних. Они как волны на поверхности прибрежного песка. А где-то в глубине остается и живет, как много тысячелетий назад, древняя Кулута...

О ТЕХ, КТО НЕ ИЗОБРЕЛ КОЛЕСА

В Кулу до сих пор не изобрели колеса. Не изобрели — и все тут. Просто, видно, было некогда. Слишком бурной была история долины. Гордый и независимый характер канетов, потомков древних кунинда, не позволил им до наших дней воспользоваться чужим изобретением. И хотя они знают, что существует такое приспособление, как колесо, и видят его на автобусах и машинах, но почему-то испытывают к нему необъяснимое отвращение. И поэтому на горных дорогах Кулу вы не увидите телег. Характернейшая деталь сельской Индии здесь по непонятным причинам отсутствует. Жители долины предпочитают носить тяжести на себе или навьючивать их на низкорослых лошадей.

Отношение к колесу не единственная историческая загадка Кулу. Сами жители тоже за-

гадка. Ибо они совсем не похожи на привычных нам обитателей Индии.

По горной тропинке среди сосен движется группа людей. Три женщины и два молодых парня. Их кожа смуглая, но не темная. Волосы прямые, губы тонкие. Носы с легкой горбинкой. Увидев меня, группа замедляет ход, люди вежливо здороваются, и какое-то короткое мгновение мы изучаем друг друга. Но потом высокий парень делает знак рукой, и все они, женщины и мужчины, легконогие, как все горцы, продолжают свой путь. А я еще долго смотрю им вслед. Меня поражают не только их лица, но и одежда. Здесь, в Кулу, вы не увидите традиционных дхоти и сари. Здесь все другое. На женщинах платки ярких, сочных тонов. Платки повязаны под подбородком или стянуты узлом на затылке. И в этом есть что-то славянское. Поверх блузки-камизы надевается платье, состоящее из единого куска шерстяной домашней материи. Оно называется «патту» и укрепляется на груди двумя большими булавками, соединенными серебряной цепочкой. Так скальвали когда-то плащи кельты, скандинавы или прибалты. На патту часто бывает выткан геометрический узор традиционных цветов: черный, желтый, красный, синий. И этот узор напоминает и наш украинский, и болгарский, и югославский. На ногах мужчины и женщины носят грубошерстные чулки до колен и обувь, похожую на наши закарпатские постолы. А однажды я видела, как через лесную поляну бежала девочка. На ней была красная косынка, она подбрала подол патту, и я с изумлением заметила, что на ногах у нее были лапоточки. Изящные лапоточки, сделанные, правда, не из лыка, а из какой-то травы. Видеть это было так же странно, как и кафтаны с кушаками на мужчинах. А их плоские круглые шапочки, украшенные иногда фазанными перьями, напоминали головные уборы европейских горцев.

Каждый день в долине полон неожиданностей. Раннее утро. На придорожных деревьях и траве лежит обильная роса. Контурные близких гор еле намечаются на медленно светлющем предзвездном небе. С реки Биас на дорогу ползут синеватые полосы тумана. Стоит удивительная тишина, как будто все замерло в ожидании рассве-

та. Я спускаюсь к дороге, лента которой пока еще только угадывается в предзвездной мгле. Никого. И только горы все четче проявляются на светлющем небе, и уже плывут над розовыми снегами розовые облака, подсвеченные золотом пока еще невидимого солнца. И мною овладевает какое-то странное чувство. Мне кажется, что время вдруг остановилось. Все то, что я вижу, было много тысяч лет назад. И эти горы, и деревья, и облака. И теперь остается только ждать чуда. И оно не замедлило явиться. Вдруг с каким-то печальным присвистом пропел скворец. За поворотом дороги раздался топот множества ног. Вырвавшийся из-за гор солнечный луч заплескал в золотистой прозрачной дымке. И в этой дымке возник человек. Не было сомнения, что это был очень древний человек. Неожиданная тень прошлого. Он был высок, горбонос и усат. Шерстяной, до колен кафтан стягивала обернутая несколько раз вокруг талии веревка. Мускулистые, с хорошо развитыми икрами ноги, обутые в тяжелые, странной формы башмаки, уверенно ступали по дороге.

— Ты кто? — оторопело спросила я эту «тень прошлого».

— Гадди, — густым басом ответила «тень» и смущенно затеребила длинный черногорский ус.

— Кто, кто? — не сразу поняла я.

Человек был терпелив и пояснил:

— Гадди мы, пастухи из Чамбы, вон из-за тех перевалов, — и показал на северо-запад.

А топот все нарастал и нарастал, и возникали еще какие-то странные звуки, сопровождавшие этот топот. И я приготовилась к лицезрению картины древнего переселения народов. Но тут из-за поворота дороги вырвалось стадо овец и коз. И я поняла, что странные звуки были просто их бляением. Стадо бесконечным потоком растянулось на дороге. А рядом с ним шагали эти древние пастухи — гадди, пришедшие сюда откуда-то из-за гималайских снегов. Вместе с ними шли женщины. На одних были легкие шерстяные свитки, на других — длинные, в мелкую складку юбки. Черные платки стягивали их головы, а нижняя часть лица была скрыта куском красной ткани. Видны были только брови и живые, любопытные глаза.

Их костюмы еще более усилили впечатление необычности происходящего. И когда на дороге вышел кельт в шерстяном плаще, я уже не удивилась. Завершая все происходящее, раздался призывный звук трубы. Я заставила себя обернуться. На дороге стоял автобус и сигнализировал овцам, древним пастухам, кельту и мне. И... очарование исчезло. Все стало на свои места. «Кельт» снял плащ, и под ним оказался кафтан жителя Кулу. Потом я узнала, что мужчины в Кулу так носят на плечах шерстяные одеяла в холодную погоду.

Казалось, все ушло, но тем не менее все продолжало существовать. Бок о бок. Как две реальности. Так же, как продолжала существовать в одно и то же время древняя и современная долина Кулу.

По долине и по склонам гор разбросаны зеленые квадраты полей. С рассвета до захода на них можно видеть работающих людей. Они пробираются к этим полям по крутым горным тропинкам. На полях выращивают пшеницу, ячмень и рис. К полям примыкают сады — вишневые и абрикосовые. На лесных травянистых полянах пасутся овцы, коровы, козы. Большинство жителей долины — земледельцы. Размеры их полей разные. Так же по-разному выглядят сложенные из грубо тесанных камней дома. Ибо здесь, как повсюду в Индии, есть свои бедные и богатые.

Но зажиточность земледельца Кулу — вещь относительная. Если есть теплая одежда и еда на каждый день — значит, человек богат. Если прочно стоят стены твоего дома, не протекает сланцевая крыша и есть на что посадить гостя — значит, в доме достаток. Весь день каннеты заняты. Мужчины несут из леса вязанки дров, женщины, плавно ступая, сгибаются под тяжестью заспанных корзин, наполненных свежей травой. Все пригодится в хозяйстве. И все они, бедные и зажиточные, легконоги и стройны. Слишком много приходится всем ходить по крутым горным тропам, слишком часто приходится преодолевать подъемы. И поэтому каннет ест всего два раза в день. Желудок должен быть легким. Утром можно обойтись пшеничными лепешками и молоком. Вечером — рисом с овощами и простоквашей. Над домами Кулу только два раза в день поднимаются синие дымки. Но это ко-

гда тепло. В зимние месяцы, когда долина завалена снегом, а по склонам мегут метели, огонь в очаге поддерживается целый день. И по древней традиции хранительницей этого очага является женщина.

Женщина... Здесь, в горной изолированной долине, ее участь оказалась несколько иной. Матриархальное прошлое дает о себе знать на каждом шагу. Мать, работница, жрица, глава семьи... «Женщина Кулу правит своим мужем», — писал один английский наблюдатель в прошлом веке. А в некоторых случаях, я бы добавила, и мужьями. Примеры полиандрии — многожества — сохранились и до сих пор. Сосед-

ний район Тибета, как известно, долго практиковал эту форму матриархального брака. Правда, со временем мужчины Кулу, добившись «освобождения», сумели заменить полиандрию полигамией — многоженством. Но они еще не посягнули на традиционную свободу своих женщин. И поэтому женщины здесь лишены некоторых качеств, присущих их цивилизованным сестрам. Они держат себя свободно и независимо. Сильные и смелые, они уходят далеко в горные леса собирать ягоды, корни, грибы, целебные травы. Они работают в поле, пасут скот, управляют семьей. Никто в Кулу не станет смеяться над мужчиной, спрашивающим со-

вета у своей жены. Не будут показывать пальцем на человека, покорно выполняющего ее распоряжение. Чисто мужская компания вызывает у каннетов недоумение. «А где же ваши женщины?» — интересуются они. Даже чакти или сур — местное пиво — пьют всегда вместе с женщинами. Такая привязанность мужчин к своим женщинам, однако, не убергает первых от измен последних. Свобода женщины, сохранившаяся от матриархальных времен, дает ей возможность и свободно распоряжаться своими привязанностями. Уход от мужа — событие, не влекущее за собой никаких особых последствий. Развод — процедура про-

Рога украшают вход в храм богини в Манами.



стая. Вдова может снова выйти замуж. Правда, часто вдовы предпочитают не вступать вновь в законный брак. Зато вдовцы стремятся вновь жениться, ибо, лишённые твердой женской руки и работницы на поле, они чувствуют себя крайне сиротливо и неприкаянно. Да к тому же мужчина без законной жены вызывает обидные насмешки товарищей и унижительное сочувствие родственников.

До сих пор среди каннетов сохраняется, хотя и в несколько изменённом виде, родовая организация. В Кулу каждый помнит свой род и его прародительницу. Касты в долине появились поздно. Кастовые запреты и ограничения здесь не соблюдаются, да и каннет нередко задумывается перед тем, как назвать свою касту. Но «низкие» касты тем не менее известны всем. Их называют даги или коли. Среди них каменщики, кузнецы, кожевники, рубщики леса. Они носят ту же одежду, что и остальные. Соблюдают общепринятые обычаи, посещают те же храмы, поклоняются тем же богам. От каннетов-земледельцев их отличает только тип лица. У них толстые губы, широкие носы, курчавые волосы. При взгляде на них вы вспоминаете племена джунглей Южной Индии.

Долина древняя и долина современная. Живущая своей жизнью на склонах Гималайских гор. И люди ее, так непохожие на остальных индийцев, с рассвета и до захода спуют по горным тропинкам, в лесу, меж полей. Те самые люди, которые так и не изобрели колеса и упрямо не желают до сих пор воспользоваться чужим изобретением...

БОГИ ЕДУТ В ГОСТИ

«Ревет музыка, льются песни, и они начинают дикий военный танец с мечами. Как кавказские горцы или мечники Курдистана, сыны древней воинственной долины вихрем, но грациозно кружатся в танце. Появляется старый жрец. Он берет две сабли у юных танцоров... и как будто происходит чудо. Согнутый старый жрец внезапно преображается и, как воин, кружит в диком священном танце. Изогнутые сабли сверкают. Тупой стороной сабельного лезвия старик наносит себе воображаемые

символические раны». Это опять Николай Рерих. Описание летнего праздника в долине Кулу. Летний праздник — одно из самых интересных и красочных зрелищ. Он начинается в середине мая, когда пшеница и ячмень уже созрели на полях долины. Мне повезло, потому что я приехала в Кулу в мае.

В этот день в долине гулко и тревожно забили барабаны. Сначала один, затем отозвался другой, где-то в противоположной стороне загремел третий. И вся долина наполнилась этим призывным боем. Я не сразу поняла, что происходит. Гулкое эхо перекатывалось по горам, и я подумала: может быть, на долину наступает неприятель? Потом на дороге, ведущей в Наггару, раздались крики, и я увидела группу празднично одетых людей, несущих на плечах паланкин под красным зонтиком. Они приплясывали, кричали и что-то пели. Я спустилась по склону к дороге. Когда процессия порвалась со мной, я спросила идущего впереди рослого мужчину:

— Что здесь происходит?

— Летний праздник, ты что, не знаешь? Идем с нами.

— Куда? — спросила я.

— В храм Трипурасундари. Мы идем туда. Наша богиня едет в гости.

— Как это в гости? — удивилась я.

— В гости к Трипурасундари. А потом Трипурасундари придет к нам.

Это было что-то новое. Я знала, что боги могут многое. Но никогда не предполагала, что они ходят в гости. Я искала глазами в толпе идущую в гости богиню, но не нашла и задержала взгляд на паланкине. Оттуда на меня глянула бронзовая маска. Маска улыбалась тонко и загадочно, как Джоконда. Оглушительно забили два барабана, люди закричали «Трипурасундари, Трипурасундари!».

А едущая в гости богиня в такт движению паланкина покачивала маской и, казалось, одобрительно кивала людям.

Дорога вывела меня к окраине Наггара, туда, где среди зеленых склонов стоял трехъярусный деревянный храм уважаемой в долине богини Трипурасундари. И по этим зеленым склонам, и на площадке перед храмом — везде сидели и толпились люди. Многоцветные пятна на яркой зелени травы. Шитые яркими узорами

патту женщин, красные бархатные, украшенные фазаньими перьями шапочки мужчин, лиловые и зеленые с серебряной отделкой платья лахулок, белые кафтаны пастухов-гадди — все пели, разговаривали, двигались. Яркое солнце заливало все пространство у храма, и над всем этим сверкали снега Гималаев. И только темные платья старух контрастировали с этим разноцветьем. На седых космах старух были черные платки, и они напоминали каких-то древних жриц. А может быть, они и были ими...

Люди теснились у храма и растекались цветной рекой по узким прихрамовым улочкам, где стоял чад над прокопченными харчевнями. Торговали сладостями и браслетами лоточники, вздымались вверх гирлянды цветных шаров. Вдруг золотыми молниями взметнулись к голубому небу две длинные медные трубы. Раздался рев, раздробился о горы и веселыми руладами пролился вновь на площадку перед храмом. Забили барабаны, и круг молодых парней задвигался в такт этому необычному аккомпанементу. Белые кафтаны, перехваченные зелеными, красными, оранжевыми кушаками. Черные фетровые шляпы, украшенные цветочными венками. Цветочные гирлянды как ожерелья на груди. Чуть приподняв головы, юноши легко и пружинисто печатали несложный узор танца, все ускоряя и ускоряя темп. В танце была воинственная четкость, но не было мечей, о которых писал Рерих.

Потом я узнала, что мечи превратились в реликвию, и их редко выносят для танца. Все быстрее и быстрее двигался круг танцующих, и вот уже яркие кушаки, цветочные гирлянды, слились в сплошной круг, и все это несло, несло куда-то, втягивая в вихрь танца все новых танцоров. Так же внезапно, как и началось, все кончилось. Круг остановился и распался, трубы и барабаны замолкли. А танцоры, поводя захмелевшими глазами, смущенно улыбались, слушая одобрительные восклицания присутствующих. И снова поднялись трубы, и снова загремели барабаны, и снова закружились новые танцоры... Уже солнце ушло за горы, ночь затопила долину, а у храма Трипурасундари со склона на склон блуждали огни факелов и металось пламя костров.

Третий день праздника был самым важным. Все приехавшие в гости боги и богини показали народу и приняли участие в торжестве. Их бронзовые маски плыли в паланкинах. В центре сама хозяйка, а вокруг высокие гости. Перед паланкинами шли три пророка-гура. Босые, в коротких кафтанах. Их длинные распущенные волосы падали на спину и плечи, растрепанные бороды прикрывали грудь. Они несли в руках чаши, над которыми вился голубой дымок благовоний. И снова ревели медные трубы и гремели барабаны. Но тут случилось непредвиденное. Неожиданно пошел дождь. Пророки пришли в замешательство, угольки благовоний намокли и не хотели больше дымить, многочисленные богини и сопровождавшие их боги запросились обратно в храм. По их серебряным и бронзовым маскам стекали струи дождя, и маски больше не улыбались. Пророки поцкали языками, смущенно потоптались на месте, повели зябло плечами и отменили прочество.

На следующий день я решила поближе познакомиться с Трипурасундари. Но ее не оказалось дома. Богиня под грохот барабанов отправилась в гости к своей соседке, где она рассчитывала пробыть не меньше недели... И еще долго богини и боги долины Кулу, сияя серебряными и бронзовыми масками, ходили друг к другу в гости.

Маски были древние, как и сами боги и те храмы, в которых они жили. И эти храмы не имели отношения к индуистским храмам, чьи каменные конические шикары самодовольно и кичливо вознеслись над священными лесами, заповедными источниками и волшебными полянами древней Кулу.

...Дорога упрямо карабкается вверх, куда-то на гору. Там, внизу, остался небольшой поселок Манали, раскинувшийся на берегу Биаса. Наконец дорога кончается и переходит в тропинку, которая петляет между замшелых огромных валунов. За валунами возникает кедровая роща. Солнечные лучи пронизывают кроны деревьев и янтарными бликами ложатся на мощные кряжистые стволы. Вокруг стоит тишина, и только время от времени нарушает ее. Сколько лет стоит эта роща? Тысячу или две? А может быть, и того больше... Роща постепенно ре-

деет, и открывается заросшая свежей травой поляна. Кедровки робко жмутся у ее края — кто-то все эти столетия оберегал поляну и не пускал кедровки на нее. Так обычно поступают со священными местами.

На поляне стоит трехъярусное здание древнего храма. Храм посвящен богине Хирман. Низкий деревянный фасад покрыт резьбой: воины, богини, олени, цветы, священные деревья. Над входом прибиты череп оленя и горного козла. Это настоящее лесное святилище. Я перешагиваю пороги храма и попадаю в полутемное помещение, напоминающее пещеру. Противоположная стена образована огромным валуном. Земляной пол неровен, и от него тянет сыростью. Проконные массивные балки крыши уходят куда-то ввысь, теряясь в призрачной темноте, паутине и лохмотьях пыли. Летучие мыши срываются с балок и с писком носятся низко над полом. В земляном полу яма, прикрытая большим плоским камнем. В яме стоят две бронзовые фигурки богини и лежат крупные красные цветы. Откуда-то сверху свисает тяжелая медная цепь. На цепи колокол. Мне становится не по себе. Хочется выйти на солнечный свет, но в то же время что-то притягивает к этому месту, и я остаюсь. Таких храмов в Индии я еще не видела.

— Наш храм древен, очень древен... — раздался хриплый голос.

От неожиданности я вздрагиваю и поворачиваюсь на голос. В полутьме различаю фигуру старухи. Седые пряди ее волос стягивают красный платок. На груди серебряная цепь «бумни». Старуха зябло кутается в шерстяное одеяло, похожее на длинный старинный плащ. Я невольно делаю шаг назад, и старуха предупреждающе вскрикивает:

— Осторожно! Упадешь в яму. Осквернишь кровь жертв. Вся земля здесь пропитана кровью. Священной кровью жертв человеческих.

Час от часу не легче. Хрипловатый голос старухи звучит как будто издали, сквозь время прошлых веков.

— Теперь эта кровь всходит на нашей земле красными цветами.

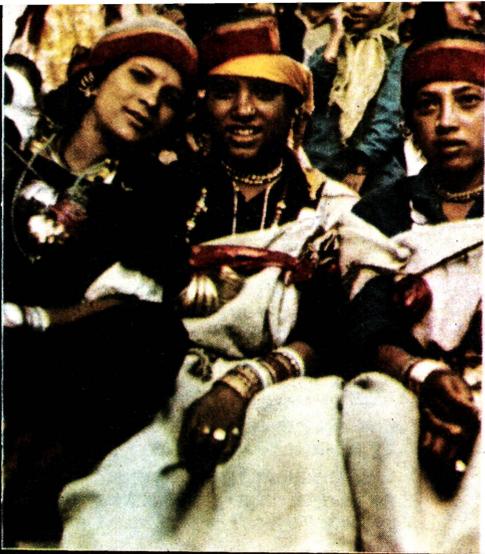
И мне кажется, что лежащие в яме цветы набухают кровью. Я стряхиваю с себя оцепенение.



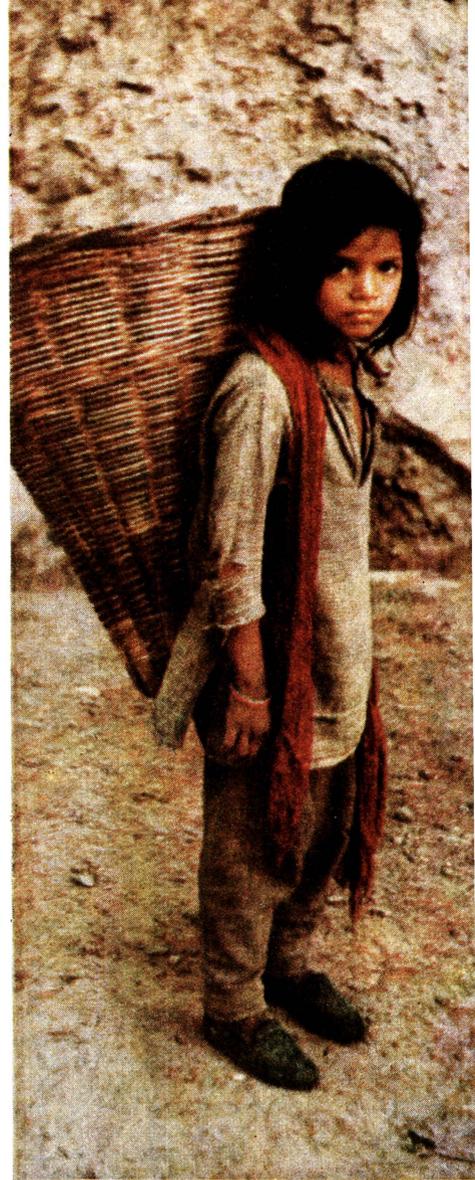
— Как тебя зовут? — спрашиваю старуху.

— Матаджи. Я жрица в этом храме. Самая главная жрица.

— Но вы ведь приносите в жертву коз и овец. При чем здесь человеческая кровь?



Кулуты на храмовом празднике.



Грузы в долине Кулу переносят в огромных заплечных корзинах.



Барельефы из храма Шивы в Наггаре.



— Ты права, это сейчас. А было время, когда на этом камне — видишь его над ямой? — умирали люди, принесенные в жертву богине Хирман. И их жертвенная кровь стекала в яму.

— Когда же это было?
— И давно и недавно, — философски отвечает жрица. — Пять тысяч лет назад богиня Хирман подарила землю нашему королю, тогда и построили этот храм.

— А почему именно здесь?
— Потому что здесь священная роца и священный жертвенный камень. Он лежит здесь с тех пор, когда был сотворен мир. И тогда мы приносили человеческие жертвы.

И я вижу, как исчезают, растворяясь в ночной тьме, стены храма. Над головой шумят тысячелетние кедры. Низкие звезды застряли в их ветвях. Мечуся огненные языки священного жертвенного костра. Огонь освещает стволы деревьев, красными бликами скачет по лицам людей и по связанной жертве, лежащей на плоском камне. Как черные, зловещие вороны кружат вокруг камня в ритуальном танце старухи жрицы. Из-под черных платков развеваются седые космы, темные балахоны подпоясаны веревками, звенят мониста. Старухи машут крыльями-руками, и неумолчно звучит их песня во славу богини Хирман.

Суровы лица мужчин. Их длинные волосы, перехваченные тесьмой, спадают на глаза, бороды отбрасывают причудливые скачущие тени. Круг жриц-ворон движется все быстрее и быстрее. Затем он внезапно распадается, и старшая жрица, взмахнув руками, кричит в иступлении: «Жертву, жертву благословенной богине, жертву нашей заступнице и защитнице!» Коротко и пронзительно вскрикивает человек, лежащий на плоском камне. Алая струя бьет по стенкам ямы.

— Вот так это происходило, — слышу я голос жрицы.

И вновь появляются надомной прокопченные балки храмовой крыши, возникают стены, и летучие мыши шумят перепончатыми крыльями. Золотой луч низко стоящего солнца врывается в дверь и освещает часть храма. Я вижу вдоль стен грубо сколоченные полки, на которых лежит храмовая утварь: флаги, колокола, медные трубы, барабан. Рядом с плоским камнем в зале вырыт очаг, где зажигают до сих пор священный огонь в честь богини Хирман Деви.

Мы выходим на воздух, и жрица Матаджи как-то сразу утрачивает свои зловещие черты и превращается в приветливую обычную старушку.

— Хочешь видеть Хирман Деви? — спрашивает она. — Приходи сюда как-нибудь лунной ночью. — Матаджи переходит на шепот. — И когда услышишь, что кто-то скачет, спрячься за деревом и смотри. Верхом на белом льве появится Хирман Деви. Очень красивая, очень богато одетая. Все на ней сверкает. И золотые браслеты, и драгоценные камни, и красные волосы.

...У меня не было в запасе лунной ночи в долине Кулу, и поэтому моя встреча с богиней не состоялась...

Богини долины Кулу — Трипурасундари, Хирман Деви, Батинда... Они царят и правят в своих храмах. Изваяния богинь смотрят в дверные проемы на северо-запад, а индуистские боги — на юго-восток. До сих пор в древних храмах по праздникам и торжественным дням приносят в жертву коз и овец и хранят память о человеческих жертвоприношениях. Каменные храмы пришлых браминов с затейливо украшенными башнями-шикарами таких ритуалов не знают. В древних храмах до сих пор сохранились жрицы, и пророки нередко играют роль жрецов. В каждом таком храме хранятся бронзовые маски богинь и их многочисленных родственников. Говорят, в Кулу 360 богов, но на самом деле больше. Эмблемы этих богов-прародителей вышиты на храмовых флагах. В индуистских храмах бронзовых масок нет, а стоят традиционные изваяния Вишну, Шивы, Кришны, Ганеши и их жен, одетых не по сезону, с обнаженными торсами. Боги жарких долин. И только один бог одет должным образом. Это Сурья — бог Солнца. Древний ведический бог, которому поклоняются и брамин из каменного храма, и гур-пророк. Однако Сурья долины Кулу явно носит на себе следы чужеземного происхождения. Он гордо восседает на лошади, выставив ноги в сапогах до колен. Арийский Сурья — наездник и кочевник, заставивший жителей Кулу забыть имя и облик своего более древнего собрата.

В древних храмах поклоняются змеям — мудрым нагам. И их еще более мудрым женам — нагиям. Наги имели непосредственное отношение к демонам. Сама богиня Хирман Деви — прародительница теперешних жителей.

Кулу была сестрой демона Танди. А наиболее почитаемые наги были рождены прекрасной женщиной из деревни Гошал от могучего Басу Нага. Примет древней религии Кулу можно найти немало в поздних индуистских храмах, тех храмах, которые с арийскими браминами пришли с равнины. В деревеньке Тхаве, на зеленом холме, среди сосен и деодаров стоит индуистский храм, посвя-

щенный богу-пастуху Кришне. Стены храма сложены из крупных камней, укрепленных кедровыми балками. Каменная башня-шикара покрыта искусной резьбой. У входа в храм меня встречает жрец.

— Меня зовут Джайядева, — вежливо представляется он.

— Вы брамин? — спрашиваю я его.

— О конечно. В наших храмах жрецами могут быть только брамины.

Джайядева, прищурив от солнца выцветшие старческие глаза, обводит рукой горы, холм и лес.

— Это все очень древние места, — начинает он. — А наш храм был построен пять тысяч лет назад.

— Так давно? — удивленно спрашиваю я. — Но ведь храм Хирман Деви тоже пять тысяч лет. А шикара вашего храма поздняя.

Старик задумчиво глядит на меня, потом на шикару, но упорно стоит на своем.

— Шикара, может быть, и поздняя, — приводит он последний аргумент, — но храм древний. Он стоял здесь еще во времена Махабхараты, когда Пандавы, наши правители, сражались с Кауравами. Может быть, в то время и не было шикары.

Я обхожу храм и замечаю, что он стоит на старинной каменной платформе, такой, как и храм Хирман Деви. Платформа под тяжестью каменного здания ушла в землю, но отдельные камни проступают сквозь траву. По-видимому, размышляю я, храм Кришны был построен на месте древнего святилища. Но чье это было святилище? Вряд ли жрец брамин об этом знает... Я поднимаю голову и рассматриваю каменную шикару. Вот оно что! На меня сверху, улыбаясь длинными губами, смотрят три богини. На них остроконечные короны, длинные серьги. Видимо, местный зодчий, помня о хозяевах святилища, увековечил их на шикаре храма бога-пастуха.

Жрец смотрит на солнце и вдруг спохватывается.

— Время, время, — говорит он. — Надо совершать пуджу в честь бога Кришны.

Я иду за жрецом. В помещении храма сумрачно. У противоположной от входа стены стоит небольшой каменный алтарь. На нем лежат цветы и стоит медный колокольчик

с длинной ручкой. Все предельно просто. Нет сложной процедуры ортодоксального индуизма. Джайядева брызгает водой на цветы, звонит в колокольчик. И поскольку я единственная, кто присутствует на пудже, протягивает мне на раскрытых ладонях цветы. Пуджа кончена. Джайядева провожает меня.

— Вы удивлены? — неожиданно спрашивает он меня.

— Почему?

— Ведь на пудже не было людей. Но вы не удивляйтесь. Здесь еще не привыкли к нашим богам.

Сколько столетий прошло, а люди еще не привыкли к чужим богам... Свои боги проще и ближе. Они почти родственники. Заболел сын, пропала в горах овца, не уродило поле, поссорился с женой, обнаружил пропажу денег — со всем этим можно обратиться только к своему богу.

Но униженные просьбы и жертвоприношения — это отживающие формы обращения к богам. Современная жизнь диктует свои нормы. И поэтому гербовая бумага кажется жителю Кулу более солидным аргументом в отношениях с богами. На этой гербовой бумаге заключается письменный контракт между крестьянином Шамграмом и богом гор Джамлу. В соответствии с вышеозначенным контрактом бог Джамлу обязуется регулярно поставлять воду из своих снежных запасов на поле Шамграма. Если бог Джамлу будет отлынивать от взятых на себя обязательств, Шамграм знает, что делать. Он подает на бога в суд. Джамлу там не поздоровится. А древний и наивный Джамлу даже не подозревает, в какую ловушку он попал, подписав контракт на гербовой бумаге...

Каждый древний храм имеет свою сокровищницу. Там хранятся тайные реликвии и ценности, накопленные веками. Жрецы говорят, что в сокровищницах спрятаны богатые одежды богов, жемчуг, золото и серебряные маски. Если это так, то очень много интересного еще ожидает исследователя.

Но Кулу такое место, где реальность всегда переплетена с легендой. И трудно определить, где кончается одно и начинается другое...

Окончание следует



ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Фантастический рассказ

Движение урагана мангры уловили, как всегда, вовремя, хотя, казалось, вокруг ничто не указывало на его близость.

Если бы мангры могли облечь свои ощущения в слова, то, верно, сказали бы: «Что за жизнь! Вечно природа гонит нас прочь от накрытого стола, когда мы еще не насытились!» Но мысль и слово отсутствовали. Просто ноготки стали поспешно вытягиваться из земли, а черно-фиолетовые листья поднялись и выгнулись по ветру, как натянутые паруса. Безжалостная эволюция прочно закрепила в манграх суровое знание кочевника: кто медлит, тот рискует погибнуть под ураганом, как бы стойко он ни цеплялся за почву.

Прошло немного времени, и по равнине, все убыстряя ход, двинулась слитная масса темных парусов, подгоняемая ветром и усилившем сотен тысяч щупальцеобразных ног. Безошибочный инстинкт наилучшим путем вел мангров к месту, которого в ближайшее

время не коснется буря, месту, где можно спокойно пасться.

В тот же самый момент, находясь в сотнях километров от мангров и обозревая все с высоты орбиты, такое же место искал усиленный всей мощью машин человеческий разум. Электронные и лазерные импульсы, взаимодействуя со скоростью, немислимо не только для мангров, но и для самого человека, обшаривали полярную область, рассчитывали кривую движения многочисленных бурь, хаос завихрений, удары бешеных воздушных потоков — всю ту головоломку атмосферных явлений, которую едва осиливала земная математика, с единственной целью найти клочок поверхности, где можно было высадить десант, не опасаясь немедленного буйства инопланетных стихий.

Поскольку истина объективна, нет ничего удивительного, что разный, ни в чем не схожий поиск дал один и тот же результат: десантный бот землян устремился туда же, куда стремились и мангры.

Движение прекратилось, едва мангры достигли котловины, где они могли безопасно пастись. «Паруса» поникли, их плоскости легли горизонтально, вбирая скупой свет далекого светила, и шупальца врылись в землю, чтобы дать разветвленному на многие гектары телу питательные соли и удержать его от шальных порывов ветра.

Теперь уже ничто не говорило, что мангры — кочевники; казалось, они всегда росли и будут расти на этом пологом склоне холма. С ними вместе успокоилась и принялась за дело вся та живность, которая неизменно сопровождала мангров и не могла без них обойтись, как, впрочем, и они без нее.

Грохот с неба, нарастающий звук, сильная ветровая волна застигли мангров врасплох и заставили крепче вцепиться в почву. Из-за облаков скользнуло чечевицеобразное тело, оперлось на огненный столб и медленно опустилось.

Органы чувств мангров отметили всю картину прибытия человека, кроме самого последнего мига, который был скрыт вершиной холма.

Ветер стих, и они успокоились. То, что случилось, не было внезапным смерчем, который мог причинить им вред. Мангры продолжали спокойно пастись, блаженствуя в холодных лучах своего солнца, наслаждаясь пищей и безопасностью. Все, что было сопряжено с появлением человека, находилось далеко за гранью их смутного сознания, и, хотя жизненный путь мангров уже пересекался с путем человека, для них все оставалось таким, каким было всегда.

И люди тоже ничего не предвидели, хотя они-то знали, что мангры существуют, и даже питали к ним интерес. Хозяева и гости, как ни странно, находились почти в равном положении: люди не существовали для мангров, но и мангры существовали для людей лишь как загадка, ибо что можно увидеть с орбиты? Только то, что какие-то пятна, очевидно растительности, или меняют свой цвет (традиционная, а потому наиболее правдоподобная гипотеза), или закапываются при ненастье, или перемещаются непонятным образом. Автоматы разведки в чужой и бурной атмосфере работали плохо: порой их несло и кружило, как осенние листья.

Да какое, в сущности, мангры имели значение? Они были мелким камешком, очередной пылин-

кой на великом звездном пути человека. Пылинкой, которую следовало рассмотреть мимоходом, — не более.

Когда посадка была закончена, дно десантного бота раздвинулось, выпустив якорные лапы, которые тотчас ввинтились в почву на случай непредвиденного урагана. Что такое здешний ураган, люди, не испытав его, абстрактно знали не хуже мангров. А вот полагаться на свои расчеты, когда и куда двинется ураган, они не могли с той же уверенностью, с какой мангры полагались на свой инстинкт.

Когда пыль улеглась, из открывшегося люка опустилась аппарель, и по ней съехал вездеход. Люди вступили еще на одну планету.

Вездеход перевалил гребень холма, и тогда они впервые близко увидели мангров. Точнее, то, что им было знакомо и привычно, — кустарниковую рощу. Не совсем, разумеется, обычную, но все же рощу, то есть низкий полог густых и голых ветвей, многие из которых заканчивались веером продолговатых и темных листьев, чья плоскость была строго перпендикулярна лучам солнца. Двух мнений о том, что это такое, быть не могло, и водитель направил вездеход через кустарник, поскольку объезд был далек и неудобен.

Гусеницы подмяли тугой матрац ветвей, даже не заметив препятствия. В крошево были размолоты первые листья; вездеход шел, оставляя за собой мессиво.

— Очередная маршрутная точка — в середине рощи, — не отрываясь от окуляра съемочной камеры, сказал биолог. — Надо взять образцы и изучить этот кустарник.

Однако вездеход остановился несколько раньше, чем было намечено. И не по воле людей.

Край плоти мангров ощутил боль, которая распространялась по мере того, как вездеход взрезал живое тело. Но мангры не спешили — их жизнь была непрерывной борьбой за существование, они знали, что и как надо делать. Чудовище они заметили издали. Отождествление тоже было делом нескольких мгновений. Ничего нового мангры для себя не обнаружили — просто очередное нападение их исконного врага урбана. Бесчисленные поколения урбанов питались манграми, вступая с ними в жестокий бой, и бесчисленные поколения мангров либо побеждали, либо гибли в этих схватках. Гиб-

ли менее приспособленные, а сильные и изворотливые выживали и сами губили менее удачливых урбанов. Так они взаимно выпальвали слабейших. И эта нескончаемая битва смертельных врагов была залогом прогресса как тех, так и других, поскольку совершенствование урбанов влекло за собой совершенствование мангров.

Низкий и массивный вездеход, конечно, лишь отчасти походил на урбана, но он походил на него в главном — он нападал. И если бы мангры были способны рассуждать, они с удовольствием отметили бы, что враг им попался нахальный, но глупый и что, следовательно, победа над этим урбаном останется за ними.

Но рассуждать они не могли, они действовали.

Вездеход плавно качнуло. Так плавно и мягко, что иная неровность дала бы куда более ощутимый толчок. Никто из людей, понятно, ничего не заметил.

Расчет, который бессознательно провели мангры, сделал бы честь земной математической машине. В нужный момент к нужной точке, как по команде, стянулось множество ногокорней. Едва вездеход очутился над этим участком, незаметно скопившиеся над листовой ногокорни одним касанием чуть-чуть уперлись в его днище. Неощутимый толчок никак не мог насторожить предполагаемого урбана, а манграм он давал бесценную информацию о весе противника.

Вездеход снова и уже резко качнуло. Одновременно его скорость упала так внезапно, что люди клонули носом. Машинально водитель затормозил. Вездеход тут же выровнялся. Поскольку впереди не было никаких препятствий и — быстрый взгляд на шкалу донного локатора — никаких трещин, водитель, смутно удивившись, тут же прибавил скорость.

Но вездеход и не подумал рвануться. Было видно, как ползет лента гусениц, слышно, как шумит мотор, но и только. Столь же машинально, как он действовал за секунду до этого, водитель дал полную мощность. Вездеход содрогнулся, стремительно замелькали гусеничные траки, двигатель, перед силой которого, казалось, ничто не могло устоять, взвыл, словно от ярости. Но ма-

шина не сдвинулась и на миллиметр.

Она и не могла сдвинуться, потому что мангры, упершись в днище, приподняли ее, и гусеницы теперь молотили воздух.

Реакция зрага, обладая мангры способностью удивляться, изумила бы их своей замедленностью. Все складывалось на редкость удачно: нерасторопный противник был оторван от почвы, лишен возможности двигаться, и его гибель была теперь лишь вопросом времени.

Мангры испытывали удовлетворение — это неосознанное чувство им было знакомо.

— Алло, бот, мы подверглись нападению, смешно сказать, кустарника!

— Точнее.

— Гусеницы вращаются вхолостую, очевидно, кусты лишили их опоры. Их ветви — или щупальца — оплели кузов так, что мы не можем открыть дверцы и пустить в ход оружие!

— Опасность?

— Прямой опасности нет, кусты больше ничего не предпринимают, но положение нелепое: мы пленники, и непонятно даже чьи. Сами мы пока не видим выхода.

— Ясно. Минут через десять мы атакуем вашу «растительность».

— Биолог возражает: второго вездехода нет, а атаковать без него рискованно, так как неясен характер противника.

— Позитивная программа?

— Надо взять образцы этого кустарника и точно установить, что же это такое.

— Мы это тоже сообразили. Но можете вы поручиться, что с вами тем временем ничего не произойдет?

— Нет, конечно, хотя, повторяю, кустарник прекратил атаку. Очевидно, не знает, что с нами делать.

— Тогда наш план остается в силе. Ждите.

Люди ошибались, думая, что мангры не знают, как поступить с пленным чудовищем. Они также ошибались, полагая, что мангры ничего не предпринимают. Мангры действовали. В тот самый момент, когда шел разговор, они пытались разорвать вездеход, как разрывали попавших в их объятия урбанов.

Конечно, у них ничего не получалось, да и вообще все было как-то не так: враг не рвался из

пут, а ветверуки, которые должны были стиснуть опасные стригали урбана, вместо этого стискивали пустоту.

Последнее обстоятельство повергло в недоумение не только мангров, но и людей, которые непонимающе следили, как слева и справа от кузова, обнимая пустоту, качались пучки щупалец. Что бы это значило? Все прочие поступки мангров, едва прошло ошеломление первых минут, были поняты людьми, хотя и поверхностно. Этот же не имел очевидного объяснения и заставлял предполагать худшее — некий дальновидный и пагубный умысел.

Оставив на борту дежурного, трое людей быстро достигли вершины холма. Они были вооружены плазменными винтовками — оружием неодолимой силы. Но, как им сразу стало ясно, даже с его помощью здесь нельзя было рассчитывать на быстрый успех. Одно дело какие-нибудь бронированные чудовища, которых плазменный выстрел мог пронзить насквозь, и совсем другое — обширные заросли кустарника, в которых требовалось прожечь ход к победенной машине.

Но, в конце концов, что мог противопоставить кустарник оружию, которое исправно прокладывало человеку путь во всех, без исключения, мирах?

Убедившись, что разорвать жертву не удастся, мангры привычно изменили тактику: ветверуки стиснули вездеход, сжали его так, что никакому урбану не поздоровилось бы.

Спектральный колпак вездехода, однако, даже не скрипнул, и люди не заметили этих новых могучих усилий мангров.

Кустарник следовало выжигать постепенно, метр за метром, и атакующие методично принялись за дело. В успехе они, понятно, не сомневались.

Конечно, мангры не осознали, что эти издали жалающие их тело фигурки и пойманный гигант — звенья одной цепи. Перед ними оказался новый враг — вот и все. С таким поражающим изданием противником они еще не имели дела, но страх перед неизвестным, вообще страх, им был неведом. Пока урон был невелик, они могли и должны были бороться, иначе, как говорил им миллионелетний опыт, выжить невозможно.

Люди с удовлетворением отметили, что первые же выстрелы заставили кустарник попятиться. Он отступал по всему фронту, но вместе с собой он волочил и вездеход.

Враг бежит, надо преследовать! Вне зависимости от этого старинного правила ничего другого людям не оставалось делать, так как расстояние ослабляло силу огня.

Преследование началось.

Манграм была неведома такая абстракция, как понятие «ловушка». Но ставили они именно ловушку, поскольку такой прием был в арсенале их средств борьбы.

Они отступали не целиком. Отдельные зарывшиеся в почву ногокорни оставались там, где были, и ждали, когда их верхние отростки почувствуют тяжесть атакующего противника.

Даже такая борьба, как расстрел кустарника, порождает азарт, и люди, мечущие молнии, понятно, не обращали внимания на обугленную выстрелами почву.

Западня сработала мгновенно. Люди не успели понять, что случилось, как их ноги уже были схвачены рванувшимися из-под земли щупальцами. Еще мгновение — и их тела очутились в воздухе, а новые щупальца охватили руки.

Это было так страшно — рванувшиеся из-под земли щупальца, — что люди упустили драгоценное мгновение, когда их оружие еще могло освободить их.

Конечно, мангры, как полагают, сразу же стиснули своих новых пленников, но сил одиночных ногокорней, которые так блестяще справились со своей задачей, не хватило, чтобы одолеть жесткий скафандр.

Но это было лишь временной отсрочкой. Едва прекратились выстрелы, как уже вся масса мангров двинулась к трем беспомощно повисшим в воздухе пленникам.

Чем это грозит, те поняли сразу. Их руки и винтовки были схвачены самым причудливым образом, так что двое могли шевельнуть кистью руки и ограниченно использовать оружие для дальнейшей стрельбы. Но такую мишень, как кустарник, мог поразить и неприцельный огонь.

И на мангров снова обрушились молнии.

То был поступок отчаяния! Люди ждали, что щупальца в ту же секунду схватят, прижмут, вырвут оружие. Но, к их изумлению и облегчению, ничего этого не произошло.

Опаленный огнем фронт мангров замер. Люди тут же прекратили стрелять — в их новом отчаянном положении был дорог каждый заряд.

Мангры двинулись снова. Выстрелы опять их остановили. Так повторилось еще несколько раз. Наконец — людей словно отпустил кошмар — мангры уже не сделали попытки двинуться.

Мангры, хотя их организация была примитивной, умели учиться. Выстрелы быстро выработали в них условный рефлекс, но дальше дело пошло туго. Мангры, если можно так сказать, были поставлены в тупик, ибо бой развертывался «не по правилам».

И тогда, когда программа инстинкта была исчерпана, включился механизм метода проб и ошибок.

— Да сделайте же что-нибудь!

Крик напрасно звенел в наушниках. Люди в вездеходе предпочитали не глядеть друг на друга. Их положение было ужасно, потому что им, защищенным броней, но беспомощным, предстояло увидеть агонию друзей, которые хотели их выручить и стали пленниками сами. Даже если кустарник больше ничего не предпримет, кислород в скафандрах иссякнет раньше, чем вездеход успеет оказать помощь.

Оставался, правда, еще один свободный человек — дежурный покинул свой пост, и теперь его одинокая фигура маячила на вершине холма. Но стрелять он не мог — нельзя было поразить щупальца, не поражая людей. Подойти с резаком? Но это уже был бы отчаянный шаг, и решиться на него следовало только в критическую минуту.

Внезапно вездеход трянуло. Борт его резко накренился, люди едва успели ухватиться за поручни. Нет, мангры не забыли о своем первом противнике! Они его переворачивали вверх гусеницами.

Зачем? Этого не знали не только люди, но и мангры.

С вездеходом, даже поставленным вверх ногами, мангры заведомо ничего не могли поделать,

но с остальными они могли расправиться по меньшей мере тремя способами: убить резкими ударами о землю, скрутить их тела винтом, что вызвало бы разрыв скафандра, или, как вездеход, перевернуть людей вниз головами.

Второй маневр хранился в наследственной памяти мангров, но, к счастью для людей, сама эта программа уже столь явственно дала осечку, что инстинкт самозатормозился. Точнее, одна инстинктивная программа «делай, как всегда» была ослаблена другой программой: «пробуй, если не получается, как всегда». А поскольку люди с молниями и вездеход представлялись разными врагами, то и пробы оказались разными: щупальца всего лишь выпустили сок, которым они разлагали минералы почвы. При этом щупальца стали потряхивать людей теми же движениями, какими, выпустив сок, рыхлили почву.

Нельзя сказать, чтобы это было приятно, но потряхивание ничем страшным не грозило. Что же касается белой жидкости, которая заструилась по скафандрам, то тут можно было подозревать самое худшее. Враг, столь быстро и умело нанесший людям поражение, казался теперь воплощением коварного и расчетливого ума. К счастью, не всем.

У людей в вездеходе при всех их переживаниях была возможность подумывать. Сидя на том, что недавно было крышей, они следили за кустарником, и привычка сопоставлять, анализировать понемногу брала верх. Процесс этот, в общем бессознательный, был следствием огромного опыта человеческой культуры, который подсказывал, что все победы предreshал творческий подход, а там, где этого не было, не было и успеха.

В беду их ввел привычный стереотип мышления, но второй такой же ошибки им удалось избежать. Целенаправленные, точные, а потому внешне разумные действия кустарника лишь на миг поколебали убежденность биолога, что они имеют дело с примитивным, хотя и своеобразным существом. Эта убежденность не была слепой, ибо основывалась на знании общих законов эволюции жизни, знании, что содержание определяет форму. То, что кустарник не парализовал оружие, не нашел верного способа убийства беспомощных людей, окончательно развеяло сомнения. Их противник не был ни умнее, ни глупее, как не была умна или глу-

па какая-нибудь земная росляк; он был отлично приспособлен к строго определенным условиям и ситуациям, только и всего.

Когда это было осознано, требовалось уже немного, чтобы увидеть выход из безвыходного, казалось бы, положения.

В подсказке недостатка не было. На тех участках, где не кипел бой, листья мангров мирно продолжали вбирать свет. Там, едва стихли выстрелы, объявились похожие на мокрицу крупные существа, которые безбоязненно сновали меж ветвями и — более того — поедали листья!

Конечно, эта идиллия скользнула мимо оглушенного событиями разума, но в сознании она запечатлелась. До вывода оставалось полшага, но сначала человек должен был расстаться с предвзятыми установками и кое-что сообразить. А именно: всеислие человека отнюдь не в мощи покоренной энергии, не в изощренности построенных им машин, даже не в знаниях — оно в гибкости, широте и дальновидности мышления! Еще: тактика, успешно сработавшая пусть тысячу раз, не обязательно оправдывает себя в тысячу первый. И еще: человек убежден, что он всегда разумен; на деле же он разумен только тогда, когда способен подметить, оценить новое и, перестроив прежнюю картину мира, действовать в соответствии с реальностью, какой бы она ни была.

Незаметно для себя (необходимость — лучший учитель!) биолог проделал весь этот путь. И тогда он понял, что надо делать.

Понял в тот самый момент, когда в наушниках раздался отчаянный крик:

— Их жидкость разъедает скафандр!

Так наступила критическая минута, и биолог понял, что его открытие бесполезно: события опередили работу разума.

И все же...

— Откуда вы заключили, что сок разъедает силикет?! — Шелушится и опадает его верхний слой!

«Сок был выпущен полчаса назад, — мгновенно пронеслась мысль. — А слоев три...»

— Ни с места! — закричал он. — Есть другой способ!

Поздно! Единственный оставшийся на свободе член экипажа уже подбегал к пленным. Сверкнуло лезвие резака...

Прежде чем резаком успел отсечь



второе щупальце, несколько других, соскользнув с пленников, схватили смельчака. Секунда — и он оказался в том же положении, что и остальные.

Ужас не помешал биологу отметить, что его план блестяще подтвердился в самом уязвимом пункте. Теперь он твердо верил в успех. Если, конечно, новый

Рисунки Н. ГРИШИНА

случайный поступок кустарника не сделает его невыполнимым. Этого, однако, можно было

не бояться. Мангры знали, что корневой сок действует медленно, и не спешили пробовать что-нибудь другое. Что же касается первого врага — вездехода, то все его поведение убеждало, что он мертв. Значит, оставалось лишь ждать, когда разложение размягчит ткани этого странно твердого урбана. Все было не так, как всегда, и все-таки шло как надо.

Донный люк откидывался внутрь. Первым вылез биолог. Люк за ним тотчас захлопнулся — как ни убедительна была теория, рисковать всем не было смысла.

Перевернув вездеход, мангры сами облегчили выполнение плана, ибо теперь у человека был широкий простор для маневра, который отсутствовал бы, если бы донный люк остался внизу.

Ползком, стараясь без нужды не касаться щупалец, человек скользнул с брони вездехода и так же ползком двинулся сквозь сплетение страшных отростков.

Даже смотреть на это было невозможно! Состояние же биолога, сколь ни был он уверен в своей правоте, приблизилось к обморочному. Самым пугающим было касание этих бледно-маслянистых щупалец; и знание, что им ничего не стоит схватить и удушить... Вопреки всему воображение невольно наделило их раскусом, который способен преодолеть шаблон инстинкта. Ведь это же ясно как день, что крадется враг!

Манграм, однако, было совершенно ясно, что сквозь сплетение их ветверук ползет нечто безвредное или даже скорее полезное. Никакое другое существо просто не могло вот так сразу очутиться в самой сердцевине их организма: оно было бы задержано, опознано и истреблено на границе тела. Мангры не разбирались, кто копошится в них, не обращали внимания на тварей, которые поедали большую листву, обирали вредных насекомых или питались отмершими тканями. Ведь даже человек без помощи тех подчас крупных и вредных существ, которые гнездятся в его организме! Поэтому смельчак, пока он себя вел так, как вел себя биолог, был в безопасности, словно прогуливался по парку.

И это вскоре всем стало ясно.

Биолога могли погубить лишь две ошибки, но он их учел. Он не двинулся напрямик, так как пришлось бы проползть через

опаленные выстрелом участки, а это могло вызвать у мангров болевое ощущение, которое, вероятно, включило бы защитную реакцию. Он, хотя это намного удлиняло его путь, выбрался наружу там, где мангров ничто не беспокоило. И, выйдя наружу, он не встал и не побежал, прекрасно сознавая, что противник скорей всего уже научился отождествлять фигуру идущего человека с опасностью.

Экипаж вездехода в точности повторил его маневр. Нельзя сказать, что люди проделали это без содрогания, но успех был достигнут. И вовремя!

Скафандры пленников, как и предполагалось, еще противостояли разрушительному действию сока. Пока еще противостояли...

Схватка одиночки со щупальцами, которая закончилась столь плачевно, тем не менее наглядно подтвердила то, о чем биолог догадывался. Пучок щупалец исчерпал все свои резервы настолько, что нового пленника они уже не могли поднять над землей. Возможно, они еще могли скрутить одного-двух, но теперь в борьбу вступали уже четверо. Подхода же подкрепления можно было не опасаться — «рефлекс выстрелов» не должен был исчезнуть так быстро.

Все, что произошло потом, сильно напоминало ожившую скульптуру битвы Лаокоона со змеями...

Спустя несколько минут щупальца были рассечены резаками, и люди поспешно отступили к боту.

Теперь оставалось лишь отбить вездеход. Но мысль об избитии уже беззащитного, когда стали ясны его слабые стороны, хотя по-прежнему загадочного, кустарника претила людям. И они охотно пришли к выводу, что мангры сами оставят вездеход, едва почувствуют приближение бури.

Тут они ошиблись. Инстинкт повелевал манграм не упускать добычу, и, когда приблизилась буря, они поволокли вездеход.

С их стороны это был роковой просчет. Вездеход в отличие от урбана нельзя было разодрать на клочки; его машина затруднила движение мангров, и буря их настигла.

А что такое здешние бури и почему мангры стали кочующими полурастениями — полуживотными, людям сказали обломки вездехода, рассеянные на пространстве многих километров.

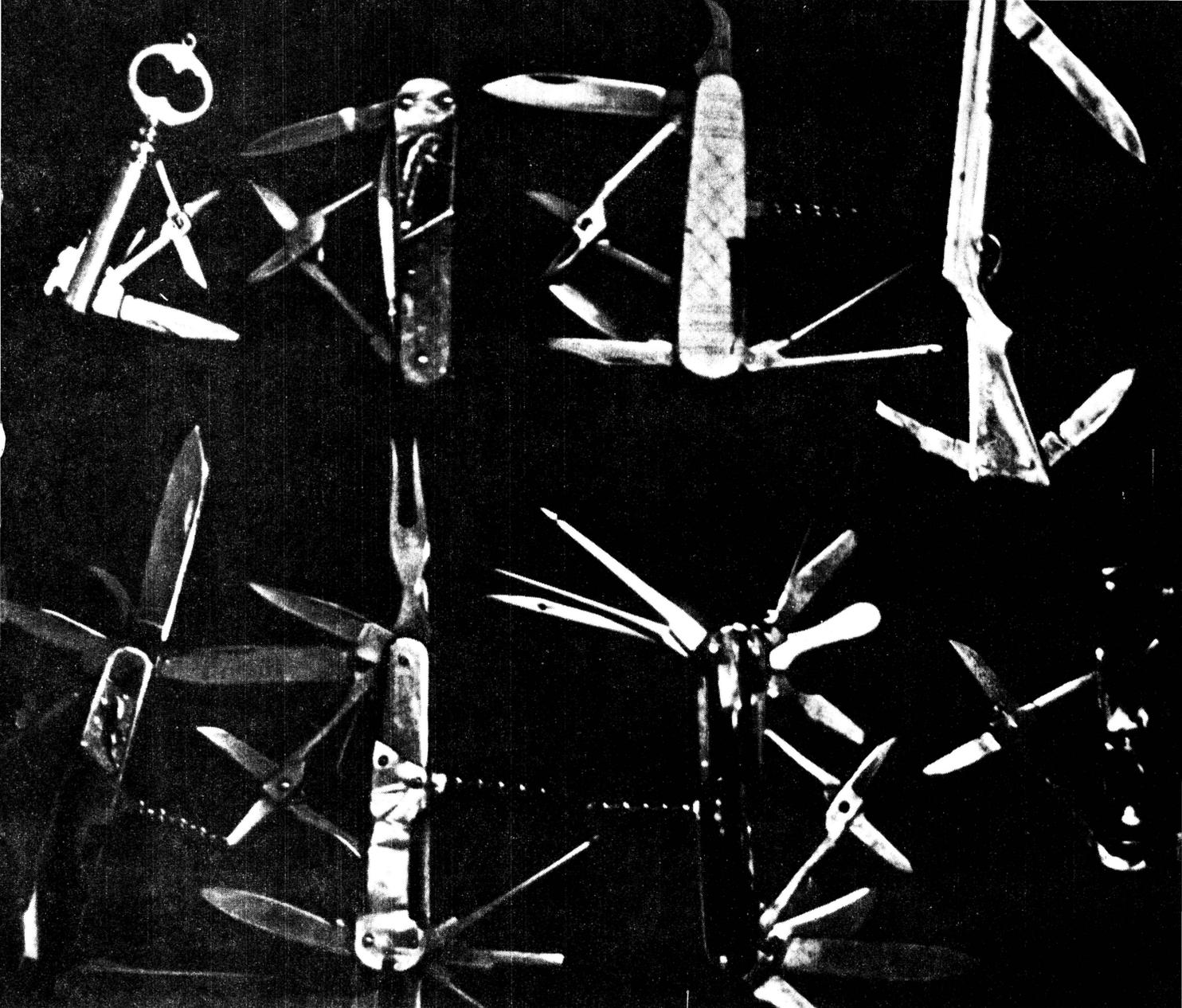
Красивое место выбрал человек, чье имя носит город. По преданию, полтыщи лет назад здесь были сплошные леса, дремучие и девственные. Такие, что войдешь — не выйдешь. Но однажды сюда, в заокские дебри, забрался беглый мужик Павел. Места глухие — не выдадут, сказал он себе. И основал через Оку перевоз. Первое время у весел он еще сидел сам, а потом передоверил их своим захребетникам, вернее, прыгам. Захребетник — это батрак сухопутный. Так уж устроен дикий человек — сбросив ярмо с себя — норовит тут же накинуть хомут на шею ближнего: тащи, дескать, теперь, Емеля, ты — и за себя, и за меня, пока не перекинешь лямку на плечи брата-битюга. В челобитных того времени так и называли селение — Павлов перевоз... Уж потом оно стало — Павлово.

С одной улицы я нырял на другую, с другой — на третью. Острожная, Стрелецкая, Конопляная, Бабья горка, Кузнечная... Это как раз в нагорной части Павлова, там, где находились острог и стрелецкое село. Здесь проходил торговый тракт из Нижнего Новгорода в Москву. Дорога эта пересекала Оку как раз там, где стоял Павлов перевоз. По ней шли обозы с товарами, а по Оке уже ходили суда. И на этом бойком перекрестке дорог, водной и сухопутной, расположился стрелецкий пост: для охраны торговых путей от разбойников. Их тогда в соседних лесах было гибель, под каждым кустом по «небритой харе». Стрельцы охраняли от разбойников дорогу, а их защищал острог...

Когда я стоял на Стрелецкой, ко мне подошел древний старец. На палку старик опирался сильнее, чем на ноги.

Р. САРИМОВ,
наш спец. корр.
Фото автора





НОЖ ДЛЯ РОБИНЗОНА

— Приезжий, видать, будешь? осведомился он так, что было слышно в другом конце города.

— Приезжий! — крикнул я так, чтобы слышно было и ему. — Интересуюсь ремеслом и... откуда пошло.

— Отсюда прямо и пошло, — махнул старик палкой. — Потом уж разлилось на всю округу.

Мы некоторое время стояли беседуя. Он подставлял вплотную к моему рту свое сморщенное ухо и кричал:

— Ась?

Мы беседовали с таким надры-

вом, что прохожие замедляли шаги и бросали на нас испытующие взгляды, не драка ли назревает. Впечатление это усиливалось еще оттого, что старик имел привычку, разговаривая, размахивать палкой. Я решил отказаться от услуг добровольного гида. Может, дед и знал всю историю от начала, но вытянуть ее у него было невозможно. Да к тому времени я уже успел расспросить менее дряхлых жителей.

У перевоза купцы останавливались на отдых. В небольших избах-харчевнях, площадью в «три сажени с локтем», подкреплялись перед даль-

ней дорогой и даже «баловались брагой». Тем временем местные жители за умеренную плату оказывали им различные услуги: ковали лошадей, ремонтировали повозки, оружие...

Так мало-помалу павловцы пристрастились к металлу. Начали с замков. На них тогда был большой спрос. Товары купцы возили в сундуках «под семью замками», деньги в шкатулках-подголовках, опять же под замками. Замки шли хорошо.

Пионерами металлического промысла, полагают, были стрельцы. Впервые, по роду занятий они уже умели обращаться с металлом. Потом, за службу платили им больше привилегией, так что деньги они вынуждены были добывать сами. Главное — они имели право торговать своими

изделиями беспощадно. Но стрельцов стояло здесь мало, всего десятка два секир. Поэтому судьбу ремесла решили в конечном счете не они, а ремесленники по нужде.

Уже в то время к Павлову было приписано десятка два деревень. О них можно и не рассказывать, за них говорят названия: Завалище, Нетесово, Заплатино, Хреново... Дальше тоже не слаще. Пришельцы хоти и жили у земли, но земли не имели. И кормились исключительно ремеслом. Между кустарями существовало своеобразное разделение труда. В самом Павлове делали в основном замки и ружья, в Ворсме — ножи и тесаки, в Тумботине — ножицы.

Я видел много уникальных вещей, многие из них сработаны уже в наше время. Власов из деревни Грудино сделал как-то ножичек-блоху. Тогда, чтобы «оперировать» власовскую «блоху», Кумохин из деревни Рыбино смастерил складной ножичек весом... 0,02 грамма.

Среди работ мастеров Павловского района есть ножик-конь и ножик-пистолет, ножик-петушок и ножик-автобус... Говорят, среди предметов, сработанных павловскими мастерами, есть складной нож со ста сорока предметами. Такого ножа увидеть мне не довелось, но нож стопредметный я видел. Называется он «Свинка», а сотворил его знаменитый ворсменский мастер-ножовщик Алексей Васильевич Ананьев. Каких только там нет предметов! На все случаи жизни. Если имеющий такой нож поселится на необитаемом острове, он вполне может обойтись без помощи Пятницы.

Вообще старожилы очень придирчивы к творениям своих коллег, да и друг к другу. Мало кто всем нравится. Но об Ананьеве все отзывались с уважением. Этот, говорили о нем, зря напильником водить не будет.

— Как мне его там найти? — спрашивал я у павловцев, знавших Ананьева. — На какой хоть улице живет?

— Зачем улица? Там его дом любой мальчишка покажет. А если встретите старика на улице — узнаете по бороде. Другого носителя такой бороды в Ворсме нет. Борода в его жизни занимает второе место после ножа. Очень старик холит ее.

И вот я в Ворсме. Простецкий город, одноэтажный, деревянный. Похож на Павлово. Все «павловские деревни» похожи между собой тем, что дома непохожи друг на друга.

Сначала я решил заглянуть на завод складных ножей. Потом уже посетить мастера Ананьева. Предприятие работает в определенные часы, а старика я мог навестить и вечером, если не хватит дня. На заводе мне посоветовали непременно

во встретиться в Ворсме с Логищевым, который лет десять назад ушел отсюда на пенсию.

— Мастер, что ли, хороший? — поинтересовался я.

— Мастер тоже хороший. Хорошие мастера у нас не редкость... Интересуетесь много, много знаете.

Когда я пришел, хозяин под строжайшим надзором своей старушки уписывал творог с молоком. Был он в теплой клетчатой рубашке и при подтяжках. Что мне еще бросилось в глаза, это его голова, большая и угловатая. В профиль она казалась почти квадратной. Был старик очень мил. И держался молодцом, хотя ему шел уже восьмой десяток. Говорил он не спеша, но ровно. Не «строчил», говорил цепко и как-то бесшумно. Точно из уст его лились не звуки, а выкатывались слова зримые. Слушать его было не утомительно.

— Ну как, понравилось на заводе? — спросил он, покончив с едой.

— Понравилось, — ответил я.

— Вот был здесь до революции Тарасов, — продолжил хозяин, — вот это был мастер. Работал над стодвадцатипредметным ножом... Не закончил, помер.

Как-то было непривычно слышать это о ноже и ножовщике. Обычно так говорят о больших писателях, художниках или ученых: умер, не закончив... Я сказал об этом Михаилу Алексеичу.

— Да ведь это какой нож, — возразил старик. — Иной нож — тоже, как ты говоришь, произведение. Раз в жизни такое удаётся. Делает человек черную работу, а свое таят... Такое можно и не закончить.

Хозяин пошел ставить чай. А когда вернулся, сказал:

— Слышал, как туляки подкова-ли английскую блоху?

— Слышал.

— Наши предки потом сделали для этой блохи наборный ошейник.

— Да?

— Да. И посадили ее, тварь эту, на павловскую цепь... Да! А цепь закрыли на павловский замочек-невидимку. Его почти не видать было. Маленький очень был. Но был не простой, а с секретом, с часами, с музыкой...

— Это, конечно, легенда.

Старик прищурился:

— А видел в местном музее замки с секретом?

— Видел.

— А с часами и музыкой?

— Тоже видел.

— А замочек-зернышко?

— Видел.

— А чего же тогда?

Я растерялся.

— А про это слышал? — дразнил меня старик. — Шел однажды павловский мужик в Нижний на ярмарку и в тумане забрел в Англию... Не растерялся кустарь. Зашел в ихнем столичном городе в торговый ряд, разложил свои изделия.

«Товар твой неплохой, — говорит ему англичанин, — но мой лучше».

Не полез мужик драться, только улыбнулся. А потом взял у него один нож и показал на острие лезвия:

«Читай, если грамотный. Там фамилия». — «Чья? Не вижу, — говорит островитянин. — Он очень острый». — «Острый, конечно. Я чтоб резать, его делал. Гляди лучше...» — «Не вижу», — говорит купец опять. «И не увидишь. Даже мне непросто было поставить на такой малости свою фамилию».

Кончив говорить, старик остановил на мне выжидающий взгляд.

— Не больно ваши кустари любили англичан, — сказал я.

— А за что им было их любить? — опять прищурился дед. — На нижегородских и столичных ярмарках павловские ножи торговцы выдавали за «аглийские». Обидно же, поди, было. Потом уже мастера стали клеймить свои изделия...

Но создавали эти «аглийские» ножи и «шведские» замки павловские кустари в жутких условиях. Вот еще откуда обида шла.

— Было мне лет шесть, — рассказывал хозяин. — Работали мы тогда с отцом в подполье... Комната-то была на всех одна, да и то крохотная. Вот и творили под полом. И темно, и сыро... Но больше всего доставалось глазам.

— При керосинке работали?

— Нет. Где возьмешь столь керосина? Он денег стоил. Прорубили во двор окошко. Через него разве что можно было узнать, ночь или день во дворе. А в зимние дни, как жаловался поэт, проглянет солнце, как будто поневоле, — и скроется... А продавать изделия ходили пешком в Павлово. А ты говоришь — любили...

От Логищевых я пошел к Ананьевым.

Старик сидел за небольшим верстаком у окна и что-то обтачивал. Он был в очках и фартуке. «А похож на мастерового», — подумал я. Увидев меня, хозяин вдруг засуетился. Точно застали человека врасплох. Мой взгляд упал на верстак. На нем лежали простые однолезвиевые складные ножи, такие можно увидеть в любой табач-

ной лавке. Все ясно. Застали мастера не за своим делом.

— Работаю вот по наряду завода складных ножей, — сказал он, как бы оправдываясь. — Дают детали, а я им собираю ножи. Но какие это ножи... руки скачуют. А на тонкое дело уже не годятся. Уходят силы-то, — с грустью сказал мастер. — Да и глаз не тот стал.

— Вы, наверно, очень любили свое ремесло?

— Любил потом. Я ведь его не выбирал. Оно мне по наследству досталось. Отец, дед, дед деда — все были ножовщиками. И инструмент делали себе сами. Это были мастера. И железо чувствовали, как свое сердце. Прибор не было, а ошибок не делали. Накалят, к примеру, металл, проведут по острию молотком — и по искрам узнают, хорошо ли он накалился. Твердость определяли по цвету: металл темно-синий — значит, еще мягкий. Нужно держать дольше. Вот он светло-синий стал, тверже, значит. Желтый станет — будет средней твердости. Серый — очень твердый, а белый — это уж и совсем как стекло, его и напильник ни один не берет. Стало быть, надо отпускать...

— А какой твердости должен быть хороший металл?

— Это смотря что задумал. Все твердости хороши.

Старик забил в ручку ножа стержень, срезал конец, сплющил, удалил напильником «грубость» и встал. Обтер о передник руки, погладил бороду и пригласил меня в «гостиную» — чистую и светлую комнату. Я не пожалел, что старик так скоро покинул свою «мастерскую», все равно это была не его работа.

— Сам я в людях не был, — сказал он, когда мы уселись. — В этом смысле мне повезло. Мастерство я получил от отца из рук в руки, когда было девять годов мне. А сверстники мои, которые в людях обучались, ходили в учениках пять-шесть годов, а соединять лезвие еще не умели. Мастерской не хотел, чтобы ученик быстро получил ремесло. Выгодно было ему иметь дарового работника.

— У вас ведь, говорят, и братья были ножовщиками?

— Это так. Старшие были, Константин и Владимир. Работали вместе с отцом в «Товариществе» Завьялова. Я до девяти годков работал дома, а потом, когда возмужал, тоже пришел к своим.

— Это что за «Товарищество» такое было?

— Да фабрика. Просто вывеска такая была.

— Это не тот ли Завьялов-фабрикант, который сам был захребетником мастера Хабарова?

— Он.

Старик сплел пальцы рук и положил их перед собой на стол. И я в упор разглядел его руки — жилистые и осунувшиеся пальцы, век без четверти мявшие железо, у кончиков утолщались как набалдашники. И были исполосованы мелкими изрезами.

Немало тонких вещей создал на своем веку мастер. Многие из них разошлись уже по музеям и стали их создателем памятником при жизни. Достоянием павловского музея стала и его «Свинка». Видел я его ножи в Горьковском музее-заповеднике.

— Раньше ведь карманные часы заводились ключом, — продолжал хозяин. — Делал я для этих часов складные ключики-ножички. А самый маленький ножичек у меня «Брелочек» был.

Он стал показывать свои последние работы. Нож-самовар из тридцати двух предметов, складной нож из пятидесяти. В нем, кроме разных лезвий, есть расческа, бритва, пила, вилка, буравчик, печатка... Отделан нож так чисто, что весь горит. Между пятьюдесятью его предметами, когда нож закрыт, не может просочиться даже вода. Самые ревивные ножевых дел мастера не могут найти в работе Ананьева изъяна. Даже скупой на похвалы старик Логищев расхваливал его.

Вернувшись снова в Павлово, я решил напоследок посетить художественное профессионально-техническое училище. По словам павловцев, такое училище одно на всю Россию. Здесь готовят граверов по художественной обработке металла и штампу. Отсюда молодые художники расходятся потом по городам и весям, по заводам и фабрикам и «разглашают» вековые тайны павловских кустарей.

Иван Федорович Гришаев, преподаватель по рисунку и директор музея училища, показал мне, на что способны «неуверенные» руки учеников. Чего только нет среди экспонатов! Металлические шкатулки, кубки, значки...

— Талантливо сработаны, — искренне восхищался я.

— Ученики есть талантливые, — сказал директор. — На заводе «Сувенир» еще не были? Там в экспериментальной группе работает Володя Почурин...

— Видел, хвалят, — сказал я.

— Это ведь мы здесь его скоблили.

Мне вспомнился разговор с Володиной.

— Почему ты решил посвятить себя металлу? — спросил я его тогда.

Он улыбнулся и не спеша ответил:

— Обычно такой вопрос задают у нас, когда кто-нибудь идет не в металлостроение... Но кому-то надо идти и в шоферы. Предприятий много, ткни пальцем в бывший пустьрь — попадешь на завод «Росинструмент». Их ведь надо кому-то и обслуживать. Это предки наши таскали руду в передниках...

Руда пряталась хотя и неподалеку, но в лесных болотах, и давалась в руки с великим трудом. Таскать ее домой на много верст тоже было нелегко. Пробовали ставить на месте железоплавильный завод, но всякий раз лесные разбойники оставляли от него мокрое место на болоте. Разрушить — это было их ремеслом. Тем жили. Но кому-то надо было и создавать. И создателей не останавливали ни топоры разбойников, ни топи, ни дебри. Они царпались лесными тропами, скакали по болотным кочкам, ныряли пятернями в дрожачую трясику за бурой рудой. Таскали ее в чем попало к себе. Дома в крохотных горнах каждый делал себе железо. Эта местная руда давалась кустарю так, что многие уважаемые мастера для своих редкостных творений собирали на дорогах «обломки подковные и гвоздяные».

Я и в последний день все бродил по городу... Нет здесь одинаковых строений. Что ни дом, то выдумка. Над одним башенка металлическая, над другим какой-то сказочный домик... Даже водосточные трубы, и те у всех разные. Казалось бы, не все ли равно, по какой трубе течет дождевой воде. Но нет! Края верхов обязательно в узорах. А над всем этим колыхается «ландыш серебристый» или раскачивается «гвоздика» — в общем, цветок. Если не цветок, то быстрый олень, вставший на задние ноги. Не олень, так птичка, готовая вспорхнуть. А то и охотник, целящийся в перелетную птицу, рядом — гончая. Под став водосточным и трубы дымовые.

— Какая разница дыму, из какой трубы ему виться, из той, которая с орнаментом или без? — не удержался как-то я.

— Дыму, может, и без разницы, откуда ему дымить, — ответил случайный мой знакомый, — но мастеру — нет. Ему от этого упоение выходит.



Сто профессий

В другой ситуации мы наверх хохотали бы до упаду, глядя друг на друга. С завязанными на затылке носовыми платками, прикрывавшими нижнюю часть лица, подпрыгивая на ухабах, стараясь не поднимать глаз и не разжимать рта, мы, наверное, напоминали передвижной гарем или участников заговора на жизнь падишаха. Не хватало, быть может, только евнухов и ятаганов. Не было, впрочем, и верблюдов, но их с успехом заменял караван «тойот», надсадно завывавших на подъемах.

Я жалел, что не сел в первую машину. Песок, поднимаемый колесами передних машин, окутывал желтой тучей всю дорогу, скрывая отвесный обрыв с левой стороны, пробивался под брезент, лез в нос и трещал на зубах. Было раннее утро, но солнце уже давало себя знать. Дорога была безлюдна. Иногда мы нагоняли неторопливую повозку, запряженную парой горбатых быков. В Бирме такие повозки встречаются, как только выезжаешь за пределы города. Услышав рев автомобильной сирены, погонщик — он же хозяин быков и глава семьи, восседавшей, как правило, рядом с ним, — тыкал в них острой палкой, и повозка, скрипя своими громадными, обитыми железом деревянными колесами, медленно шарочивала на обочину, прижи-

маясь к склону горы. Длинными хвостами с кисточкой на конце быки отмахивались от мошкар, а возница — в тюрбане из простого полотенца — пыхтел гигантской сигарой-самокруткой. Такой же сигарой дымила, я заметил, и его жена, сидевшая позади мужа, подвернув под себя ноги. Поймав мой взгляд, У Тун Аунг пробубнил сквозь платок:

— Эти сигары называются чируты. Их скручивают из высушенных кукурузных листьев.

— Женщины тоже курят? — спросил я. — Или это исключение?

— Почему? Наши женщины курят чируты, как и мужчины, а мужчины, как и женщины, носят лонжи¹.

— Не все, не все, — вмешался У Со Лвин, гидролог. — Не забывайте, что мы в Шанском государстве. Посмотрите на дорогу.

Навстречу нашим машинам цепочкой двигались черные буйволы с тяжелыми острыми рогами и розовыми ушами. Верхом на одном из них, улыбаясь во весь рот, ехал мужчина в черных развевающихся штанах.

— Это национальный костюм шанов, — сказал У Со Лвин. — Шаны, быть может, единственные

мужчины в Бирме, которые носят брюки.

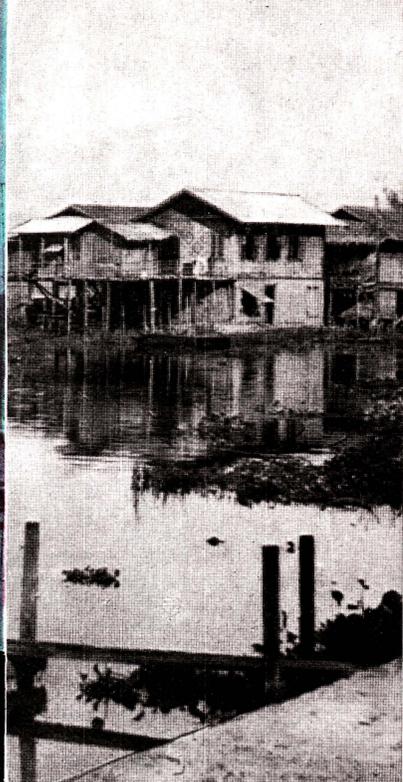
— Не считая У Тейн Шве. С тех пор как он приехал из Японии, он не признает ничего, кроме брюк.

Все рассмеялись. У Тейн Шве и его пятилетняя учеба в Японии были неистощимым поводом для шуток.

— Япония — маленькая страна, — нимало не смущаясь, ответил У Тейн Шве сквозь платок. — Там живут только японцы. А у нас сто национальностей. И у каждой — своя одежда.

Этот разговор происходил на высоте нескольких тысяч футов над уровнем моря. Топографы, ехавшие впереди, могли бы, наверное, назвать точную отметку. Река Зоджи с ее заросшими берегами, по которым удавалось прокладывать дорогу лишь с помощью да — тяжелого бирманского ножа, напоминающего серп, — осталась далеко внизу, под обрывом. С утра мы съездили в последний раз к колоссальному баньяновому дереву толщиной в четырнадцать обхватов, чтобы сфотографировать, как мы его обнимаем и никак не обойдем. Под его сенью разместились весь наш отряд изыскателей и четыре машины — впрочем, там оставалось место еще для целого дома. А теперь наш путь лежал к озеру, о котором бирманцы со сдер-

¹ Национальная бирманская одежда, состоящая из куска ткани, обернутого вокруг талии.



озера Инле

А. ДРАНОВ
Фото автора

жанным восторгом говорили, что его нельзя не посмотреть.

Бирманцы вообще народ сдержанный, спокойный; европейцам иногда даже кажется, что чересчур. Но спокойствие это чисто внешнее. Оно оболочка. Жизнь в стране нелегка. Источников трений и неудовольствия сколько угодно. И спокойное добродушие, готовность к шутке позволяют не доводить трения до конфликта. «Мы как бамбук, — сказал мне У Тейн Шве. — Мы можем расти где угодно. Нам нужны только солнце и свобода».

Любовь бирманцев к своей стране такая же сдержанная и глубокая.

— Хотите, мы покажем вам озеро Инле на обратном пути? — спросил начальник отряда У Маунг Маунг. — Это красивое озеро.

И вот, закончив работу в поле, где проектировалось перекрытие русла реки Зоджи, катившей свои воды через заросшие джунглями предгорья Шанского плато, мы, советские инженеры-ирригаторы, отправились к озеру.

Воздух был здесь такой вкусный, что после удушливого Рангуна, после долгой пыльной дороги наши легкие заработали, как мехи. Озеро, точнее канал, ведущий к нему, возникло сразу. Дорога спускалась к пристани. Прямо в канале на сваях стояли

домики. Казалось, они бредут по воде, подобрав лонжи.

У пристани покачивались узкие длинные лодки с подвесными моторами. Вся наша ватага — человек двадцать пять — разместилась в двух таких лодках.

Инле. Горы и облака отражаются в воде зеркально. А вокруг такая тишина, что мы кажемся себе единственными людьми, бог знает как попавшими в этот край.

Но нет, мы не одни. Навстречу движется лодка. Ее края выступают над водой тонкой полоской, кажется, будто одинокая фигура гребца стоит прямо в воде. Приблизившись, мы видим странную картину. Кормчий стоит на одной ноге, а другой загребает высоким веслом, едва придерживая его рукой. Что за чудо акробатики? Мы раскрываем рты. Бирманцы улыбаются.

— Это знаменитые гребцы озера Инле, — говорит У Тун Аунг.

Мы хватаемся за фотоаппараты. В лодке, доверху нагруженной илом, спиной к гребцу-акробату сидит бирманка в чалме из полотенца, не обращая ни малейшего внимания на искусство своего кормчего. Он гребет спокойно, стройный, темнокожий, блестя на солнце голым мускулистым телом, ни на секунду не теряя равновесия, держась лишь на одной ноге, как бы вырубленный с лодкой из одного куска дерева.

Чуть дальше мы увидели целую

стаю таких лодок с их одноногими гребцами. Они стояли, как черные аисты, почти неподвижно, и только высокие шесты то и дело наклонялись, погружаясь в воду. На лодках шла какая-то напряженная и тихая работа.

— Что они делают?

— Добывают ил.

— Зачем?

— Чтобы увеличить свой остров. Они везут ил домой и прикрепляют к острову. Ведь там умещается всего несколько бамбуковых хижин. А надо еще сеять рис, кунжут, бобы. Эти люди все время плавают, даже когда сидят дома.

— Как это? — не понял я.

— Острова плавучие. Инле — озеро плавучих островов. И каждая пядь земли засеяна. Когда дочь выходит замуж, родители отрезают ей в приданое кусочек своего острова, и она везет его в дом жениха. Эти люди живут на воде, но знают цену земле.

Лодочник выключил мотор, и лодка плавно заскользила. Я опустил глаза и увидел дно озера. Казалось, рыб можно достать рукой, перегнувшись через борт. Водоросли мягко покачивались на дне. Лодка продвигалась вперед среди кувшинок и водяных лилий. На листьях сидели лягушки.

Тростниковые заросли незаметно вытянулись в берега, и мы снова оказались в канале. Бамбуковые шесты и изгороди удерживали

тростник на месте, чтобы сохранить проход между искусственными берегами. Лодочник то и дело поднимал мотор из воды, чтобы освободить лопасти винта от водорослей.

Плавающая деревня приближалась. На крохотных островках густо росли помидоры и цветная капуста. А сами острова тихо качались на воде, напоминая бабочек в коллекции натуралиста.

Остров становился все больше. Теперь мы уже плыли не по озеру, а по деревенским улочкам. Женщины стирали белье, окуная его в воду прямо с порога своих жилищ. Лодки были повсюду — в них плыли женщины и совсем маленькие дети; еще немного — и от скопления лодок на улицах возникнет пробка: все это движение, естественно, никак не регулировалось. Где-то неподалеку была, видимо, школа — то и дело навстречу нам плыли ребята в одинаковых зеленых лонжах, с шанскими сумками на плече. И точно, вскоре мы увидели ее: это было длинное бамбуковое строение на многочисленных сваях. Шумные ватаги выскакивали из дверей школы и плюхались прямо в лодки с шумом, возней и смехом. Если бы дом не стоял на воде и если бы я сам не сидел в лодке, можно было подумать, что все это происходит на обычном московском школьном дворе во время большой перемены.

— Эта деревня славится своими ткачами, — сказал У Маунг Маунг. — Лодочник говорит, мы можем посмотреть, как делаются лонжи.

Лодка вошла в небольшой переулок и остановилась у порога одной из хижин. Схватившись за бамбуковый шест, У Маунг Маунг легко выпрыгнул вверх. Последовать его примеру оказалось не так-то просто. Наверно, мы немало позабавили обитателей улочки, пытаясь взобраться на бамбуковые ступени, не потеряв равновесия и достоинства.

Пол в доме представлял собой настил из бамбуковых палок, зазоры между которыми были, на наш взгляд, слишком широки. Ходить по такому, я бы сказал, редкому полу было весьма тревожно. Это был наглядный пример экономного использования строительного материала. К нашей радости, в гостиной — то есть в самом большом из помещений хижины — на полу лежали плетеные маты, на которые можно было благополучно усесться. Там же стояли два деревянных ткацких станка; за ними работали женщины. Они почти не обратили на нас внима-

ния, поглощенные своим делом, зато мы с восхищением смотрели, как с валиков плавно течет вниз прихотливый узор яркой шанской лонжи. Это были те самые лонжи, в которых шеголяли рангунские красавицы.

Тем временем хозяйка уже несла традиционный чай.

— Сахар! — воскликнул наш геолог Ширяев. — Тей каунде! Правильно?

— Это не сахар, — спокойно ответил У Со Лвин. — Это соль.

— Соль? — не понял Виктор. — То есть как соль?

— Очень просто. Здесь, на Инле, зеленый чай пьют с солью.

Ну что ж, соль так соль. Между прочим, очень вкусно.

Я осмотрелся. На стенах комнаты, сплетенных из бамбуковых полос, висели фотографии, календари, рыболовные крючки, корзинки и прочая утварь. Мой взгляд упал на странного вида бамбуковый шест с крючками.

— Это шанские весы, — заметил мой взгляд У Со Лвин. — Они устроены так, что не нужны ни гири, ни чашки, ни пружина.

— Как же так?

— Одна сторона шеста тяжелее другой. Видите, на легкой половине укреплены крючки. Они расположены неравномерно. Понятно?

— Нет, не понятно.

— Ну что вы! Это же простая физика. Каждый крючок соответствует мере веса. Чем ближе к ручколке, тем больший вес необходим, чтобы привести шест в горизонтальное положение. Вот это — один висс, это — полвисса, это — двадцать пять тикал, это — десять, это — пять. Предположим, вам надо взвесить полвисса. Вы вешаете корзинку вот на этот крючок и наполняете ее до тех пор, пока другая половина шеста не уравнивается.

— Господи, до чего просто! Кусок бамбука!

— Да, кусок бамбука. Но бамбук — универсальный материал. Из него делают все. Вы сидите на бамбуковом полу, на бамбуковой циновке и едите лепешки из бамбуковой тарелки.

— Из бамбука делают посуду, коробки, корзины, — сказал У Вэ Пью.

— Подносы, ведра, зонтики, шляпы, удочки, ловушки для рыбы и колокольчики для коров, — добавил У Вин.

— Плетеные стулья, шторы, чернильницы, трубки, веера, гребенки, игрушки, — сказал У Маунг Маунг.

— Бумагу, — отозвался У Тейн Шве.

— Мачты, мосты, плоты, водопроводы.

— Молодые побеги идут в пищу, из семян делают хлеб, из стеблей — сахар.

— Ну и дома — крыши, стены, пол, потолок, окна — все это бамбук.

Хозяин говорит, что напротив как раз дом, где продают бамбуковые стены.

— Как их продают? — заинтересовался Витя Ширяев. — Целиком или частями?

— Рулонами, — ответил У Со Лвин. — Кому сколько надо.

Мы спустились в лодку и, оттолкнувшись от бамбуковых ступенек, подплыли прямо к противоположному дому. Нам даже не пришлось вылезать: в доме было только три стены — как на сцене, — и мы могли видеть все, что в нем происходит.

Парень брал бамбуковый швол толщиной в руку и двумя ловкими ударами небольшого топорика расекал его с торца. Затем клал дольку на пол и частыми-частыми ударами топорика покрывал всю полосу ровными рядами насечек. В результате долька окончательно распрямлялась и превращалась в ровную тонкую планку. Тогда он снова брал ее левой рукой и точным ударом топора отделял от нее тончайший миллиметровый слой. Из этих-то гибких полос женщина сплетала быстро и ловко широкое, как ковер, полотно, которое, по сути дела, и было уже готовой стеной — еще не покрашенной, не потемневшей от времени стеной дома. Оставалось только натянуть ее на опорные столбы. Позади женщины стояли колоссальные рулоны плетеных стен — из такого рулона можно было, наверное, сделать не один дом. Я перевел глаза с матери на сына, с сына на мать и не мог определить, кто из них работает быстрее. Виктор засек время: на превращение одного ствола в шестнадцать тонких полос у мальчишки уходило двенадцать минут. Он поглядывал на нас, улыбаясь, но ни на минуту не прекращал работы — казалось, он может делать ее с закрытыми глазами.

— В каждом доме своя профессия? — спросил я, когда лодочник завел мотор и лодка снова понесла нас по узким улочкам поселка.

— Нет, как правило, целая деревня живет каким-то одним ремеслом. Это деревня ткачей. А рядом — деревня кузнецов.

— Кузнецов? Что же они делают, если все вокруг изготовлено из бамбука?

— Много чего. Чайники, ножи,

всякие сельскохозяйственные орудия да ножицы, утюги. Но в каждом доме, кроме того, занимаются и побочным ремеслом.

— Что же, каждая деревня живет сама по себе?

— Зачем? Они торгуют между собой — для этого на озере собираются большие базары, как в Рангуне... Я думаю, эта девушка как раз собирается на базар.

Мы оглянулись. Справа от нас, легко лавируя между встречными лодками, плыла очаровательная девушка в желтом. Ее лодка была доверху нагружена связками разноцветных сандалий.

— Скажите, а какой смысл торговать сандалиями на озере? — спросил я.

У Со Лвин рассмеялся.

— Здесь спрос на сандалии не меньше, чем в Рангуне, если не больше. Не забывайте, что без сандалий бирманский костюм не полон. А ни один уважающий себя бирманец не отправится в гости или по делам не одетый по всей форме. Ну и потом, сандалии необходимы, когда вы отправляетесь в пагоду, хотя бы для того, чтобы снять их у входа... Что вы делаете в Рангуне, если уронили что-нибудь? Подбираете — и все. А если вы обронили что-нибудь здесь, на воде? То-то и оно. Уверю вас, на дне озера больше сандалий, чем у этой девушки.

Наши лодки снова вышли на простор. Мы плыли мимо уже знакомых нам одиноких гребцов, мимо пучков тростника, проткнутых бамбуковыми шестами. Я обратил внимание, что эти покачивающиеся на воде пучки травы расположены правильными рядами, уходящими вдаль, насколько хватал глаз.

— Границы рыболовных полей, — пояснил У Со Лвин. — Каждая деревня ловит рыбу только на своем поле. Эти вешки пересекают все озеро. Видите, сколько рядов!

Около одной из «вешек» стояла лодка, на корме ее сидел рыбак. Он с силой пригнул к воде высокий бамбуковый шест, воткнутый, по-видимому, в мягкое дно озера. Когда он отпустил его, шест резко разогнулся, вытащив из воды полный невод рыбы.

— Чудеса, да и только! — воскликнул Рубен Энтзарьян. — Сидишь, бывало, на Севане целое воскресенье с удочкой — и хоть бы хны, только друзей смешишь. А тут вон что делают!

...Впереди показалась пагода Фаунг-До. Каменные ступени ее спускались прямо в воду. Возле них покачивалось несколько лодок. Мы тоже причалили и разулись. Я взял фотоаппарат, ступил на замшелые ступени — и поскользнулся. Не окажись рядом У Тейн Шве, я наверняка оказался бы в воде.

— Похоже, вы чем-то прогневали Будду, — сказал он, улыбаясь. — Наверное, носками.

Пришлось снять и носки. Оставив все в лодке, мы поднялись по лестнице на просторную, выложенную плиткой площадку — нечто вроде открытой залы, в конце которой снова поднимались каменные ступени. По обеим сторонам ее сидели шаны — мужчины в черных штанах и женщины в ярких лонжах. Как и во всех пагодах, здесь шла оживленная торговля. Нас тут же стали звать продавцы красочных шанских сумок — лучших в Бирме, как сказал мне У Тейн Шве. Мы уже знали, что они удобнее, чем порт-

фели: их носят на плече, и руки остаются свободными. Здесь продавались нарядные лонжи — изделия тех самых ткачей, у которых мы гостили. Наши бирманцы явно не могли пройти мимо них равнодушно и почти все купили себе по лонже.

— Идемте, идемте, — торопил нас У Тейн Шве, признававший, как известно, только брюки.

Мы спустились на площадку, где торговцы вновь встретили нас ликующими криками. Но внезапно их перекрыла оглушительная музыка. Все обернулись к озеру. По его безмятежной глади к пагоде двигалась цепочка разукрашенных лодок. На носу передней стоял репродуктор, и раздававшаяся из него музыка была, наверное, слышна во всех концах озера. В первой лодке под высоким золотым зонтиком сидел мальчик лет двенадцати, одетый, как сказочный принц.

— Это шинпью, — сказал У Тун Аунг. — Обряд посвящения в монахи. Самое важное событие в жизни бирманца.

Лодки причалили к пагоде, и сверкающая процессия начала подниматься по лестнице.

— Если вы хотите постричься в монахи, то оставайтесь, — пошутил У Тун Аунг. — А нам надо спешить.

Облака и горы темнели, темнели тонкие пальмы, как бы вырезанные на еще светлом фоне неба; все больше краснело и росло неумное солнце. Замерли проплывавшие мимо деревни с их водными переулками и бамбуковыми хижинами, замерли плавучие сады и беспокойные острова. Было совсем темно, когда наши лодки причалили к пристани.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

НОВЫЕ ГОРЫ В ОКЕАНЕ

...обнаружены были учеными научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» во время экспедиции, изучавшей геологическое строение дна восточной части Тихого океана и его геологическую историю.

Путь, пройденный кораблем, составил 25 660 миль. Проведены комплексные геолого-физические и геохимические исследования большого малоизученного района. Раньше советские экспедиции не работали в этих местах. Впервые геолого-геофизические исследования велись на «меридиональном разрезе». Это значит, что по одному (127-му западному) меридиану от 30° северной до 30° южной широты судно пересекло основные климатические зоны.

Проведена также геологическая разведка на островах Восточно-Тихоокеанского поднятия — Галапагосских, Пасхи и Сала-и-Гомес.

Один из основных научных результатов экспедиции — близ Восточно-Тихоокеанского поднятия обнаружены рудоносные осадки с высоким содержанием железа, марганца, меди, никеля, цинка, бора и других элементов. Кроме того, исследовано, как распределяются осадки на дне океана и как шел процесс рудообразования в течение 20 миллионов лет. Это дает ключ к познанию ряда теоретиче-

ских и практических проблем морской геологии. Изучена одна из крупнейших рифтовых долин — впадина Хесса, расположенная на Галапагосском разломе, в ней ученые отметили неизвестную ранее максимальную глубину 5270 метров.

После рейса «Дмитрия Менделеева» большие изменения внесены на карту рельефа дна Тихого океана. Севернее острова Пасхи обнаружены многочисленные крупные подводные горы, названные именами академиков Губера, Вавилова, Белоусова, Петелена, а также подводный хребет, параллельный Восточно-Тихоокеанскому поднятию, — хребет Института океанологии.

Е. СУЗЬОМОВ



ЛЕОНИД БАСКИН

Фото В. ОРЛОВА

ОПАСНОЕ ПАСТБИЩЕ

Мы выехали из кишлака около десяти часов утра. Овазбек не торопясь трусил впереди на черном жеребце, что-то напевал, а умокнув, поворачивался ко мне и спрашивал: «Ну как? Не устал?» Черные усы словно перечеркивали его лицо, придавая выражение лихости и уверенности в себе. Овазбек возвращался к своему стаду яков. Я еле уговорил его взять меня с собой. Теперь я старался быть ему как можно более легким спутником.

Солнце пригревало все сильнее и сильнее, сгоняя со склонов свежесвалившийся снег. На крутых подъемах наши кони скользили по узкой тропе, так что я инстинктивно клонился в сторону от обрыва. Часа через три мы добрались до большой поляны, где за большим глиняным дувалом были сложены кипы прессованного сена. Здесь же одиноко стоял верблюд. Однообразная верховая езда уже порядком наскучила мне, и я с радостью принялся помогать Овазбеку вычистить верблюда сеном, которое нужно было, чтобы прокормить лошадей высоко в горах. Лишь яки могут довольствоваться редкими пучками травы, пробивающейся между скал.

Снова мы потянулись вверх. Верблюд тихонько постанывал, однако на удивление бодро тянул сено в гору.

Уже довольно высоко, на небольшом уступе, обложенном по краю камнями, мы разгрузили сено и, оставив возле него верблюда, продолжили путь. Груза прибавилось — каждый взял с собой по тюку сена, чтобы покормить лошадей ночью. Прямо по каменной осыпи челноком — вправо-влево, но все время вверх, мы забирались выше и выше, а конца подъему не было.

Уже малые отроги остались далеко внизу, и сам Большой Алай — хребет, напоминавший зубчатую стену, — встал рядом. Оглядываясь, я видел далеко внизу просторную Алайскую долину с редкими кишлаками у реки. По глубоким ущельям Большого Алая параллельно друг другу к долине спускались ручьи. Сейчас о них напоминали лишь наледь, голубыми линиями перечеркнувшие заснеженный хаос гор.

Там, где подъем к гребню Алая переходил в крутую стенку, в заснеженном цирке Овазбек натянул палатку. Рядом из камней выходил ручей. Пока я привязывал коней, Овазбек долго рассматривал склон и гребень хребта в бинокль. Наконец он увидел едва заметных отсюда яков. Я тоже стал рассматривать черные и пестрые точки, медленно ползавшие по отвесным с виду стенкам. Ради них я столько пролетел и проехал за последние дни!

— Вчера я оставил стадо правее, — говорит Овазбек. — Старался подальше отогнать от перевала на Сары-Бука. Пусть здесь едят. Корм есть.

Прикидывая, сколько еще нужно подниматься до яков, я вдруг вспомнил, как неделю назад, в первый день приезда в совхоз «Чон-Алай»¹, бежал стометровку: «Задохнусь или нет?» Тогда все оказалось в порядке — три тысячи метров высоты ощущались не слишком сильно. Здесь уже было четыре, а мне не хотелось осрамиться перед Овазбеком.



¹ Чон-Алай — Большой Алай (киргиз.).

След в след, экономя силы, я тянулся за па- стухом, повторяя каждое его движение. Часа через полтора мы выбрались на гребень отрога. Теперь уже некоторые из яков были на одной с нами вы- соте. На шум сорвавшегося из-под моей ноги круп- ного камня животные, как по команде, подняли головы. Ближние к нам, недовольно взмахнув хво- стами, прыжками присоединились к стаду.

Присев на камень, я осмотрел стадо в бинокль. Яки широко разбрелись по крутому южному скло- ну, некоторые из них поднялись почти к гребню хребта. Там не было заметно ни травинки. Не знаю, чем привлекала их высота.

Переводя взгляд с одного яка на другого, я не- вольно отметил, насколько они непохожи ни на один из других видов быков. Головы их были малы в сравнении с туловищем, но рога длинные и острые. За короткой шеей круто вздымался загривок. Центр тяжести был сильно смещен вперед, как, впрочем, и у других горных животных. Очень длинная, у большинства черная шерсть покрывала грудь, ноги, живот и хвост, делая яков удивительно мохнатыми и приземистыми. У более старых яков длинный шлейф волос спускался с боков почти до земли, словно на них была надета юбка. Легкость движе- ний, укороченность туловища и головы скрадывали величину животных.

Осматривая стадо, я не заметил ни одного ново- рожденного.

— Как бы узнать, какая из маток будет скоро тельиться? — спросил я у Овазбека. — Для меня очень важно понаблюдать за ячком с первых ми- нут жизни.

— Наверно, никак не узнаем. Если только сле- дить все время. А ночью нельзя — холодно и темно.

Овазбек полез вверх — собирать яков, подтян- шихся на каменные зубы хребта, а я остался на- блюдать, кое-как укрепившись на склоне. Для меня, зоолога, изучающего поведение животных, был ин- тересен буквально каждый шаг, каждое движение яков. Пока что они мало известны науке, хотя жи- вотноводы проявляют к ним все больший интерес. Возникают даже специальные совхозы, занимающие- ся разведением яков. Ведь в суровых горах Цен- тральной Азии их нельзя заменить ни одним жи- вотным. Яки проводят жизнь среди пустынных гор, находят корм на почти голых скалах и дают пре- красное мясо, кожу, шерсть. (Модницы даже делают из шерсти яков шиньоны.) Наблюдая за животны- ми в естественных условиях, высоко в горах, в са- мый ответственный момент их жизни — появления на свет детенышей, можно получить очень интерес- ные сведения. Впоследствии они должны обернуться практическими рекомендациями для животноводов.

Бросалось в глаза своеобразие повадок яков, рож- денное жизнью в горах. Они почти не боялись кри- ков и свистов Овазбека, но случайный камень, сорвавшийся из-под его ноги, вызывал немедленную реакцию. Видимо, это следствие близкого знаком- ства с лавинами и камнепадами. Ударяя, яки свечой задирали хвосты и, смешно взбрыкивая, прыжками спускались по каменным осыпям. Пасшился внизу часто воспринимали такой спуск как сигнал нападе- ния и встречали беглецов широким лбом и рогами. Столкнувшись с глухим стухом, яки несколько ми- нут бороздили склон широкими округлыми копыта- ми, пытаясь потеснить друг друга. Ни крутизна, ни высота несколько не смущали их. И вверх и вниз они двигались одинаково легко, так что трудно было поверить, что в каждом животном по пятьсот килограммов.

Уже поздно вечером мы спустились к палатке и

впервые с раннего утра поели и напились зеленого чая. Так началась для меня жизнь топос-чу — яко- вода, как говорят по-русски. Дважды в день, утром и вечером, мы поднимались к стаду, проверяли, все ли животные на месте, возвращали тех, которые ушли слишком далеко. Я помогал Овазбеку соби- рать стадо. Это приносило мне куда больше знаний, чем если бы я тихо наблюдал со стороны. Днем мы поочередно спускались к верблюду, поили и кор- мили его, привозили к палатке тюк сена для ло- шадей.

Иногда Овазбек уговаривал меня вернуться в де- ревно.

— Напрасно здесь сидишь, — говорил он. — Скоро приедет Аким, спустим стадо вниз. Там есть кошара, кибитка, будет много ячат. Тебе легко бу- дет смотреть. А здесь если и родятся, то один- два. Холодно, есть нечего. поезжай в кишлак.

Мне казалось, что глаза его в этот момент чуть- чуть смеялись, словно он испытывал меня.

— Нет, Овазбек. Мне важнее понаблюдать рож- дение ячат именно здесь, где яки ведут себя, как их дикие предки. Надо узнать, какое место для отела выберет ячиха, как она отнесется к ячонку, чему будет прежде всего учить...

— А зачем это тебе?

— Разве у тебя в стаде ячихи никогда не бро- сают малышей? Если бы знать, от чего зависит ма- теринская любовь, такую беду можно было бы всегда отвести. И еще — важно сравнить отношения матери и детеныша у разных животных — яков, оле- ней, коз, овец. Чтобы разобраться в сущности ма- теринского инстинкта.

И удача, и беда пришли к нам одновременно, на восьмой день моего пребывания в стаде. Рано утром Овазбек, осматривая, как обычно, в бинокль склоны, заметил ровную цепочку следов.

— Волки, — сказал Овазбек.

Яки спокойно паслись на старом месте. Наверно, волки еще не успели их напугать. Увидеть волков днем нам не удалось, но по следам мы поняли: их два.

Уже под вечер Овазбек замахал мне рукой, при- зывая подойти поближе. По тропе я пробрался к нему. Неподалеку от Овазбека паслась ячиха. Она часто ложилась: у нее начались предродовые схват- ки. Насколько можно быстро я запустил секундомер и начал наблюдения. К несчастью, темно. Овазбек оставил меня наблюдать, а сам вернулся к стаду. Яков надо было спустить к палатке, где запах жилья и голоса людей отпугивали бы волков.

Через полчаса, когда ячонки появились на свет, было уже темно. Я с трудом различал малыша, сла- бо блестящего мокрой шерсткой. Ячиха без устали вылизывала его. Оба молчали, хотя большинство копытных в первые часы после отела ведут между собой шумный «разговор». А яки словно боялись привлечь волков, серыми тенями бродивших где-то вокруг нас.

Первым моим желанием было остаться возле но- ворожденного на ночь. Но через полчаса усилив- шийся мороз заставил меня усомниться — досижу ли до утра. К тому же ячиха мало-помалу сводила ячонка вниз, ближе к основному стаду. Отправил- ся домой и я. Овазбек развел возле палатки костер. Он очень хорошо был виден сверху, так что найти дом было нетрудно. Но спуск дался мне тяжело. На рыхлых осыпях, где ноги по колено уходили в мелкую щебенку, я спускался довольно лихо, усе- вшись на свою палку, словно ведьма на помело. Но раза два по скальным склонам пришлось спол- зать на животе, ноги болтались в воздухе, не нахо- дя опоры.

Ночь мы спали тревожно. Несколько раз Овазбек стрелял в воздух, кричал, отпугивая волков и ободряя яков.

— Ничего, если волки напугают яков... Стадо само к палатке прибежит, — успокаивал он и меня и себя.

Едва рассвело, мы вылезли посмотреть, где стадо. Но яков нигде не было.

— Неужели волки угнали в Сары-Бука? — вслух думал Овазбек.

По следам мы довольно быстро убедились в этом. Волки, как видно, напали на стадо снизу, отрезая ему путь к палатке. «Моей» ячихи тоже не было видно. Что стало с ячком, мы не знали.

Вернувшись к палатке, наскоро позавтракали и собрались в дорогу. Овазбек взялся нести кинокамеру, так что я смог прихватить с собой рубашку на меху. Подъем на перевал дался нам, в общем-то, легко. За перевалом мы спустились по отрогу к небольшому ручью. Прямо над ним возвышалась высокая гора. Снег на ее склонах почти желтобелая стая, и гора сияла на солнце красными скалами и желтыми осыпаниями, вполне оправдывая свое название (Сары-Бука — желтый бык).

Как видно, сильно напуганные волками, яки собрались вместе, едва мы приблизились. Овазбек пересчитал их. Увы, новорожденного ячонка и его матери не было. Яки, успокоившись, разбрелись на выпас.

Овазбек облазил близлежащие ущелья, осмотрел все вокруг в бинокль. Вероятно, он искал останки пропавшей ячихи с малышом, но я не стал его спрашивать.

Около часа дня Овазбек показал мне на ячиху, отошедшую далеко в сторону от стада.

— Наверное, собралась телиться, пойдём к ней.

Мы приближались насколько могли осторожно, но все же ячиха пыталась уйти дальше, оглядываясь на нас, недовольно взмахивала хвостом. Потом ей, очевидно, стало не до нас. События разворачивались очень быстро. Стараясь быть проворнее, я то записывал наблюдения, то щелкал секундомерами, то брался за кинокамеру. Овазбек молча и с большим вниманием следил за моей работой. Через двенадцать минут новорожденный попробовал подняться на передние ножки, а еще через минуту уже целых двадцать секунд простоял. Пятнадцати минут от роду ячонек, словно заведенный, бродил вокруг матери. Еще плохо слушавшиеся ноги часто относили его на несколько шагов в сторону, и тогда ячонек, забеспокоившись, убыстрял поиск, пока перед ним не оказывалась темная громада матери. Я чувствовал, что он не знает еще образа матери и видит в ней лишь большой движущийся предмет. Им, вероятно, управляла врожденная реакция следования, но проверить это в эксперименте я не решился. Не хотелось нарушать естественного хода событий.

Оказавшись под ячихой, малыш тотчас же задира голову, а прикосновение длинной шерсти заставляло его чмокать губами. Мать неумоимо вылизывала его и словно подталкивала к вымени. На двадцать пятой минуте после рождения ячонек стал сосать.

Между тем Овазбек начал беспокоиться. Ведь дорога к нашей палатке была неблизкой.

— Что будем делать? — спросил он. — Наверное, давай домой, лошадей проверь, а я подежурю в стаде.

Я наотрез отказался.

— Как же будешь ночевать без палатки? Замерзнешь.

— Ничего, не в первый раз. Рубашка меховая есть — скоротаю ночь.

Овазбек пробовал меня уговорить, но я и думать не мог прервать начатое наблюдение. Тогда чабан неуверенно спросил:

— А не побоишься остаться один ночью? Я к палатке пойду. Нельзя лошадей на ночь оставить одних, да и Аким должен приехать. Завтра погоним стадо вниз, к кошаре.

— Езжай, езжай, — согласился я. — Буду здесь, никуда не денусь.

Овазбек ушел, а я остался возле новорожденного и его матери. Постепенно все стадо приблизилось к нам, и мне снова повезло. Совсем неподалеку начался отел еще у одной ячихи.

Я хотел проверить свои наблюдения: действительно ли ячонка в первые минуты после рождения привлекает любой большой движущийся предмет, существует ли у него врожденный рефлекс следования, рефлекс поднимания головы при затемнении сверху? Едва ячонек научился ходить, я отогнал мать. И что же — малыш следовал за мной, словно просил его вылизать. Правда, когда я наклонялся над ним, он поднимал голову неохотно.

За этими занятиями я почти не замечал, как шло время и ко мне вплотную приблизилась тень горы. Начало быстро темнеть. Срочно выбрав площадку поровнее, я набросал на нее лап арчи. Ночлег был готов, и я после отлично проведенного дня лег. Лишь мысль о погибшей ячихе и ее малыше огорчала меня. Ночь выдалась звездной, показались и луна. Алай стоял передо мной, словно старая крепостная стена, сильно разрушенная, но еще высокая и грозная. Жаркий день — пожалуй, первый со дня моего приезда — сильно поубавил на горах снегу, но в ущельях и ложбинах его еще осталось немало. Эти белые полосы, словно незагоревшие морщины, светились на темном лице гор. Почему-то мне вспомнилось лицо Овазбека. Я подумал, что он, наверное, сейчас варит на костерке чай, в палатке тепло и уютно. Поначалу я тоже не слишком мерз и поэтому быстро заснул.

Разбудил меня топот стада, фыркание, стук падающих камней. Я закричал, не столько боясь за яков, сколько за себя: казалось, стадо раздавит меня. Вплотную окруженный почти невидимыми в темноте животными, я выстрелил в воздух. Яки не тронулись с места, но их возбуждение постепенно улеглось. Вероятно, напуганные волками, они долго не решались отходить от меня далеко. Почему-то я вспомнил, как они тянулись ко мне в первый день черными носами, словно знакомясь и запоминая мой запах. И мне было приятно, что яки уже начали признавать меня своим.

Остаток ночи я спал мало. Близкие шаги тяжелых животных немного смущали меня. В это первое мое самостоятельное дежурство я не только охранял, но и побивался своих подопечных.

Утром, когда пригрело солнце, а яки разошлись на выпас, я снова «поработал» с ячатами. Старший уже не хотел ходить за мной, четко отличая мать. Он уже хорошо знал и ее внешний облик, и голос. Около одиннадцати на перевале показался як, а за ним две фигурки людей. В бинокль я заметил и маленького ячонка.

— Нашли! Нашли! — издали закричал мне Овазбек.

Оказывается, старая ячиха уберегла малыша от волков, отстоявшись на узкой скале, вход на которую волкам преграждали ее рога.

У ручья мы разложили костер и вдоволь напились чаю. А еще часа через два мы погнали стадо вниз на более безопасное пастбище.

Мы предлагаем вниманию читателей два тагальских мифа. Тагалы, самая многочисленная народность Филиппин, живут в северной части страны — на островах Лусон, Шиндоро и других.

Луна и Солнце

В начале мира у Солнца было много детей — звезд. Звезды эти были золотистые и жаркие, как огонь. Много детей было и у Луны, но ее дети были серебристые и холодные. Однажды Луна увидела, что еще немного, и ее дети погибнут от жгучих лучей Солнца и его детей. Она сказала Солнцу:

— Солнце, ты очень жаркое, и мои дети-звезды не могут выносить твоих лучей.

— Как же нам быть, Луна? — спросило Солнце.

— Давай, чтобы ни тебе, ни мне не было обидно, уничтожим каждый своих детей, — сказала Луна.

— Хорошо, — согласилось Солнце. — Я съем своих детей, а ты съешь своих.

Солнце сразу съело своих детей, но Луна своих есть не стала, а спрятала серебристые звезды за облаками. Иногда дети Луны появлялись из своего убежища. Солнце увидело их, поняло, что Луна его обманула, и очень рассердилось.

— Она обманула меня, чтобы спасти себя и своих детей! — сказала Луна. — Ну что ж, она дорого заплатит за это.

Оно тут же погналось за Луной, чтобы отомстить ей, но Луна была ловка и увертлива, и Солнцу не под силу оказалось ее поймать.

С тех пор и началась вечная погоня Солнца за Луной. Когда Солнцу удастся догнать Луну, оно ее кусает. Тогда на Земле становится темно, и люди говорят, что наступило новолуние. Рана Луны заживает, и Луна снова появляется в ночной темноте. А когда Солнце возвращается, чтобы съест детей Луны или хотя бы прогнать их с неба, наступает день. Днем Луна прячет своих детей и выпускает только тогда, когда старшая дочь ей скажет, что Солнце уже далеко и не может их съест.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ



Птица питло

Когда рис созреет и близится время жатвы, над полями можно увидеть множество одинаковых порхающих птиц. Питло — предвестница скорой жатвы. И деревенские дети, чтобы сберечь от птиц урожай, ставят на них силки и ловушки.

Рассказывают, что птица питло произошла от одной девочки, которая очень любила есть сырой рис. Каждый раз как ее мать принималась его рушить, девочку, бывало, не отгонишь от ступы. Она подбирала все вылетавшие из ступы зернышки риса и съедала их.

И вот случилось однажды, что ее мать была сердитая — дело шло к вечеру, а она только начинала рушить рис. Девочка, как всегда, вертелась около ступы и мешала матери. Мать рассердилась еще больше, закричала:

— А ну-ка отойди от ступы! Не хватаю только, чтобы про нас стали говорить, будто мы едим сырой рис.

Девочка очень испугалась, потому что никогда прежде не видела мать такой рассерженной. Однако она была очень упрямая — мать продолжала рушить рис, а она хныкала и хныкала неподалеку от нее. Не выдержала мать, побила девочку и посадила под манговое дерево, росшее рядом. Девочка притихла, и мать снова принялась за дело — порушила рис, отвела мякину, а очищенные зерна пересыпала в один бакол¹ и прикрыла сверху другим.

Пока мать это делала, девочка прилегла под манговым деревом, под которое ее посадила мать. Закончив, мать взяла кувшин, чтобы пойти на речку за водой,

¹ Бакол (тагал.) — большая квадратная корзина. (Прим. перев.)

но девочка даже не пошевельнулась. Мать удивилась: до этого дочка, когда видела, что мать идет за водой, сразу бросала все и бежала за нею следом. Женщина подумала, что дочь, наверное, обижается на нее за то, что она ее побила, и потому не идет. Так и пошла она за водой одна.

Однако мать не знала, что, как только она ушла, дочка вскочила на ноги, подбежала к баколу и запустила в рис обе руки. Но, когда она погрузила их глубже, какая-то сила стала втягивать ее в большой бакол. Девочка старалась вырваться, но так и не смогла.

И, когда ее всю втянуло в бакол, случилось чудо. Ее маленькие ручки исчезли, а вместо них появились крылышки. Ножки ее превратились в птичьи лапки, тело покрылось перьями, а рот сузился и превратился в клюв.

Мать вернулась с речки, увидела, что дочери под деревом нет, и бросилась ее искать. Искала-искала она в хижине и во дворе, но так и не нашла девочки. Наступил вечер, устала она искать дочь и решила приготовить ужин, а потом продолжить поиски дочери — она думала, что та просто обиделась на нее и спряталась. Она подошла к баколу, в который ссыпала очищенный рис, и вдруг услышала там шорох и птичье щебетанье.

Мать подняла верхний бакол, и из риса вылетела маленькая птичка кофейного цвета. Она закружилась над головой женщины и пропищала тоненьким голоском: — Прощай, мама! Не послушалась я тебя — уж очень люблю я сырой рис! Я улетаю, и теперь моим домом станут поля — там риса у меня будет вдоволь.

Мать услышала это, осмотрелась вокруг, стараясь понять, откуда доносится этот голос, но так и не поняла. А птица все кружила над ее головой, а потом камнем упала вниз, еще раз сказала: «Прощай, мама, прощай», взмыла в небо и улетела прочь.

Перевел с тагальского РОСТИСЛАВ РЫБКИН



АНГЛИЯ У БЕРЕГОВ ФРАНЦИИ





ДЖЕЙМС ЧЕРРУТИ,
американский журналист

Здоровье королевы — нашего герцога!

Согласитесь сами, тост небанальный. Впрочем, без игры слов никак не обойтись при описании парадоксальных Нормандских островов, лежащих в Ла-Манше. Они составляют часть Великобритании, но по старой традиции жители островов пьют за здоровье герцога Нормандского — вне зависимости от его пола, хотя куда логичней им было бы чествовать Елизавету II как герцогиню Нормандскую; но ни за что на свете островитяне не поднимут бокалы за нее в качестве королевы Англии.

— Не вздумайте называть нас англичанами! Англичане никогда не завоевывали нас! Это мы завоевали Англию, — заявила мне рыжеволосая и очень независимая Дженни де Сосмаре, дочь одного из островных феодалов, вызвавшаяся быть моим гидом.

У Дженни это пунктик.

— Когда Вильгельм, герцог Нормандский, в 1066 году завоевал Англию, острова в Ла-Манше уже более столетия принадлежали Нормандии, — терпеливо втолковывала она мне. — В XIII веке французы отобрали Нормандию у Иоанна, короля Англии, но отобрать Нормандские острова им не удалось. С тех пор британские короли носят еще и титул герцога Нормандского.

«Мы с Англией являемся равноправными частями, — утверждают жители островов, — разве что Англия чуть больше по территории». Члены местного самоуправления носят феодальные нормандские титулы: бейлиф, сенешаль, графье, конетабль, дузеньё. Посетив сессию генеральных штатов на острове Джерси, и поныне открывающуюся молитвой на французском языке, я обратил внимание на пустой трон напротив места, где сидел бейлиф.

— Это для губернатора провинции, — пояснил мне служитель. — Он представляет королеву, но роли в наших делах не играет. Главой острова яв-

Замок Монт-Оргей построен в 1200 году (фото вверху). Шесть веков он защищал восточный берег острова Джерси. Сегодня в его стенах расположился местный музей восковых фигур, иллюстрирующий славную историю острова.

Песчаный пляж Джерси, омываемый теплыми водами Гольфстрима, привлекает 820 тысяч туристов ежегодно. Таким пустынным он бывает только в четыре часа утра...

ляется бейлиф. Чтобы не было ошибки, кто же все-таки главный, мы делаем кресло бейлифа на два сантиметра выше, но королева присылает нам таких высоких губернаторов, что разницу уловить трудно...

Тем не менее разница между ними есть. Во многих случаях законы, принимаемые парламентом Великобритании, не распространяются на Нормандские острова. А некоторые распоряжения бейлиф издает самостоятельно. Житель ла-маншского острова, который посчитает себя несправедливо обиженным, может требовать правосудия именем короля Хрольфа, основавшего Нормандскую династию в 911 году. В этом случае жалобщик падает на колени и восклицает: «На помощь, государь! Меня обижают». Последним таким делом, «должным образом возбужденным», было предотвращение разрушения садовой ограды 4 июня 1970 года на Олдерни.

Всего островов шесть — Джерси, Гернси, Олдерни, Сарк, Херм и Джету. В любой кристально чистый день лета (за которым, как утверждают островитяне, следуют шесть дождливых недель) все острова можно охватить невооруженным глазом, включая самые отдаленные — Джерси и Олдерни, расстояние между которыми равно 31 миле. Населяют архипелаг 120 тысяч человек, принимающие в течение года миллион гостей.

СОЛНЕЧНОЕ ТЕПЛО ИМЕЕТ РЫНОЧНУЮ ЦЕНУ

С каждого нормандского острова можно разглядеть Францию. Быть может, это обстоятельство и привлекает англий-





ских туристов. Надо сказать, туризм приносит солидные доходы: на Джерси они составляют более половины годового бюджета. В летнее время во всей Великобритании только Лондонский аэропорт принимает больше самолетов. Для всех мерзнущих англичан основной соблазн — это, конечно, прекрасный климат архипелага. Теплые воды Гольфстрима смягчают даже зиму. На Джерси рекордное число солнечных дней в году. На широте Ньюфаундленда здесь буйно произрастают цветы, папоротники и субтропические пальмы. Даже прохладные воды Ла-Манша имеют здесь изумрудный оттенок Карибского моря.

Налоги на Джерси столь же умеренны, как и погода. Таможенный сбор небольшой, и алкогольные напитки ненамного дороже безалкогольных. Все это, понятно, увеличивает притягательность островов.

Но туристы приезжали на острова Ла-Манша еще задолго до появления налоговых льгот, да и самих налогов. Как установили археологи, возле высокого мыса, который вознесся над восточным берегом Джерси, жили в пещерах неандертальцы, а сам остров был частью материковой Франции. Люди из пещер Джерси бесследно исчезли во время оледенения.

В последующие века колони-

зация архипелага пошла довольно быстро и завершилась приходом викингов-норманнов, чей предводитель Лонгеворд присоединил острова к Нормандии в X веке.

Мне сказали, что потомков норманнов легко отыскать здесь, хотя отличить джерсийца от француза, живущего в нескольких милях на другом берегу пролива, по-моему, невозможно. Поиски человека, говорящего на франко-норманнском языке, я начал со столицы Джерси Сент-Хелиера. Город, расположенный вокруг гавани, настолько тесен, что трудно даже вообразить, как он переносит десятикратный приток приезжих в летний период. Поиски нужного мне норманнского субъекта не увенчались успехом. Толпы людей говорили о выгодных сделках или судачили о погоде, но отнюдь не на франко-норманнском, а на британских диалектах, о существовании которых, признаюсь, я и не подозревал.

Видимо, коренные норманны упрямо прятались, дожидаясь, пока не уедут восвояси сезонные англо-саксонские захватчики. Казалось, город переживает нашествие. Машины с трудом пробирались сквозь толпу покупателей, тесня друг друга. А появление стайки девушек-островитянок немедленно вызвало уличную «пробку».

Для джерсийцев машина — это механизм, предназначенный исключительно для металлолома, а не для отдыха и экскурсий. Недавно жители ближайшего брата-соперника Джерси — острова Гернси устроили состязание старых развалин. Гонки проходили по песку вперемежку с илом — так выглядит пляж в период отлива; колымаги передвигались со скоростью черепахи, теряя при этом всевозможные детали, а иногда даже загораясь. Была надежда, что подобным способом можно будет наконец убрать эти развалюхи с дорог, но, увы, подобного не произошло. Средняя ширина дорог Джерси и Гернси не превышает полтора машин; по обе стороны расположены дома и прочая недвижимость жителей, которую они норовят приблизить вплотную к обочине. Благодаря этому дороги не только извиваются, но совершенно неожиданно расширяются и сужаются, как змея, заглотнувшая кролика.

ДЖЕРСИЙСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Итак, я рыскал по всему Джерси, зорко вглядываясь в лица 64 тысяч его обитателей. Наконец — это случилось в Ашли — я нашел своего ти-



Что делать со старыми автомобилями, загромодившими узкие дороги Джерси и Гернси? Решено было устроить гонки на полный износ по отмени. Этот гонщик выскочил из рассыпавшейся на ходу машины благополучно.

пичного норманна; он стоял возле высокого, вместительного дома из гранита постройки XVIII века. Звали его Филипп Ле Корню, а манеры были настолько французскими, что мне, право же, захотелось называть его «мосье». Среднего роста, солидный, краснощекий в свои 60 лет, мосье Ле Корню носил белую широкополую шляпу со множеством украшений. «Этому шляпу 75 лет, а называется он «пудинг», — пояснил он мне на языке, которым пользовался при разговоре с иностранцами. — Он принадлежал моему дяде, и я получил его по завещанию». Вместе с сыном Филиппом-младшим он показал мне очаровательную ферму в старинном нормандском стиле. Здесь жили и работали три поколения Ле Корню.

Я последовал за хозяевами во двор фермы. Большой белый гусь, воинственно загоговав, вытянул шею и посмотрел на меня. «Это Старый Дик, — пояснил мне хозяин, — прекрасный сторож». Когда мосье Ле Корню окликнул его, гусь понял, что планы его расстроены, а посему ретировался на пастбище, где уцлинул за ногу одну из коров джерсийской породы. Мы двинулись следом, и к нам тут же подошли несколько коров для более близкого знакомства. Это самая женственная,

а следовательно, и самая подзрительная порода коров. Их поведение нельзя предугадать. Одну корову привели в восторг мои ручные часы, и она неотступно следовала за мной, облизывая их шершавым языком.

Известно, что даже жители Гернси, острова, отличающегося большим поголовьем снобов, и те признают, что лучшая в мире порода коров все же выращивается на Джерси. Некрупные, с оленьими ногами, плоской мордочкой, элегантно загнутыми рожками и безмерно влюбчивыми глазами, словно подведенными черной краской, они выглядят как кукольные коровы в фильмах Уолта Диснея.

— Наша джерсийская порода держит мировой рекорд по жирности молока, — скромно похвалился мосье Ле Корню и неохотно добавил: — Следом за ней идет гернсийская. Но наша сметана такая густая, что мы ее не переливаем, а перекалываем лопаткой.

Олдерни, как Джерси и Гернси, имел свою собственную породу коров, но, к несчастью, она вымерла во время второй мировой войны. А с тех пор как Олдерни (равно как Сарк и Херм) стал административной частью гернсийского округа, там выращивают только гернсийскую породу, ни в коем случае не джерсийскую.

Закончив осмотр, мы спустились в темный каменный погреб, заставленный бочонками и пыльными бутылками. Мосье Ле Корню раскупорил бочонок и угостил меня (и еще трех соседей, появившихся словно по волшебству) бокалом мягкой, восхитительной янтарной жидкости.

— Это, — сказал он, любовно поднимая свой бокал, — еще не есть сидр. Это сок. Фил, возьми, пожалуйста, тот, что мы разлили в бутылки из-под шампанского.

Филипп-младший повернулся к нам с огорченным лицом: в руках у него была пустая бутылка, хотя пробка была еще перевязана проволокой. «Все вытекло сквозь пробку!» — расстроено воскликнул он.

Мосье Ле Корню, на которого большее впечатление произвела необычность этого факта, нежели потеря, зачмокал языком:

— О, вот это сила! Представляете, ведь некоторые заказчики покупают у нас именно этот сорт, считая, что он здорово торموшит гостей. Ладно,

придется вам попробовать другой!

Другим оказался сок ревеня в смеси с соком черной смородины — напиток, достаточно быстро растормошивший присутствующих. Сделав несколько глотков, я поинтересовался у мосье Ле Корню, предпочитают ли островитяне подобные соки алкогольным напиткам. Но тот оживленно беседовал с друзьями об утрате старых джерсийских обычаев и потому не ответил на мой вопрос. Я присоединился к общему разговору, пытаясь коверкать язык на джерсийский лад.

— Вообще-то мы не любим разговаривать на нашем языке при посторонних, — мягко остановил меня мосье Ле Корню. — На Джерси сейчас говорят по-английски; есть, правда, у меня друг, человек моего возраста, который со своей женой-иностранкой говорит только по-нашему, авось она меньше поймет... Это наш фамильный язык. Мы всем говорим только «ты» и зовем друг друга по имени. Такое у французов и англичан допустимо только в разговоре с друзьями и детьми. Но мы не такие официальные, как французы и англичане, мы скорее похожи на вас, американцев. Быть может, именно у нас вы и переняли свои обычаи. Вам известно, что в свое время мы владели штатом Нью-Джерси?

В этом вопросе Ле Корню был прав. Когда Карл I потерял английский трон, а вслед за тем и голову, только Джерси и Вирджиния из всех принадлежавших Стюартам доминионов остались верны монархии. Во время правления Кромвеля управляющий островом Джерси сэр Георг Картрет дважды предоставлял убежище изгнанному наследнику Карлу II. Подобная любезность не могла не быть вознаграждена после реставрации монархии. Сэр Георг и другой фаворит — лорд Берсели — стали владельцами земель в Америке между Гудзоном и Делавэром. А именно эта часть доминиона была названа впоследствии Нью-Джерси.

Лояльность Джерси была целиком в духе традиции ламаншских островов, кровнотельственно относившихся к британским монархам. Когда в XIII веке французы отобрали Нормандию у короля Иоанна, архипелаг сохранил верность Британии. Правда, Иоанн взял

оттуда заложников для пущей уверенности, что их отношение к английской монархии не изменится. Но правда и то, что позднее он в благодарность дал островам право на самоуправление. Французы, недовольные таким оборотом дела, пытались несколько раз присоединить их к Нормандии. Несмотря, однако, на все свое могущество, Франции не удалось этого сделать.

Во время второй мировой войны острова подверглись тяжелому испытанию. На следующий день после поражения Франции в 1940 году британское правительство, предвидя вторжение немцев на архипелаг, эвакуировало 1500 человек, почти все население Олдерни и около трети населения других островов. Действительно, острова оказались единственной частью Великобритании, которую оккупировали захватчики.

Островитяне не пожелали ни в какой форме сотрудничать с оккупантами. Джерсийские каменщики, переделывая тротуары, выложили гранитными плитами большое V, заглавную букву слова «виктори» (победа). Рыбаки пустились через Ла-Манш, чтобы передать разведданные о немецких батареях, но были схвачены и расстреляны. Я говорил с джерсийским рыбаком Сесилем Дори, единственным, которому удалось тогда спастись.

КАМЕНЬ И ВЯЗАНИЕ

Сес посадил меня на Экреу — голый, усыпанной галькой скале, расположенной в пяти милях северо-восточнее Джерси. Этот клочок суши не принадлежал ни Франции, ни Англии. Единственным постоянным жителем его является Альфонс Ле Гастелуа, которого называют «королем Экреу». Седобородый Альфонс объяснил:

— Теперь уж точно я принадлежу Британии. Международным суд так и постановил в 1953 году. А спорили из-за меня Англия с Францией крепко...

Когда я вернулся на Джерси, лодыжки у меня ломило от гальки на скале Экреу, и я с наслаждением выгнулся на мягком песке. Пятимильная дуга пляжа давала ясное представление о действиях волн. Во время прилива воды плещутся под стеной за пляжем, а во время отлива мне пришлось пройти целых 400 мет-

ров до кромки воды. Для мореходов такие отливы — большое подспорье; в старых гаванях Джерси, когда отхлынет накат, пришвартованное судно с грохотом садится на дно, и владельцы приступают к починке.

Большинство рыбаков до сих пор носят традиционное «рыбачье джерси» — свитер, который, естественно, на соседнем острове называется «гернси». Однако вязальная промышленность архипелага начинала не со свитеров, а с чулок. Елизавета I облакала свои августейшие конечности в джерси ручной вязки, а ее кузина Мария, королева Шотландии, даже на казнь отправилась в джерси. (На Гернси категорически утверждают, что она была в изделии гернсийской выделки.) Торговля фирменной продукцией оказалась настолько выгодной, что фермеры-островитяне массами бросали свои поля и уходили работать в вязальную промышленность. В 1608 году совет Джерси издал декрет, согласно которому любому жителю острова старше 15 лет, застигнутому за вязанием во время уборки урожая, грозила тюрьма.

Начиная с XVI века «джерси» стало общим названием прекрасных вязаных вещей, так что джерсийцы обошли в этом гернсийцев, хотя те и заявляют, что дух соревнования чужд им: «Мы просто не знакомы друг с другом».

Соперничество, обуявшее население двух самых больших островов, распространилось и на жителей меньших участков суши, окружающих водой. На Сарке мне говорили: «Зачем вам ездить на Олдерни? Там всего одна улица, да и на той каждый второй дом — пивная». На Олдерни же меня спросили: «Вы приехали с Сарка? Как вы смогли прожить там? Они же не говорят ни о чем, кроме родственных браков». Сарканцы уверяли: «Херм вам не понравится. Там не продохнуть от туристов, их там как кроликов — миллион». Жители Херма предупреждали: «Не езжайте на Джету, это проходной двор». А на Джету настолько не любят Херм, что, хотя расстояние между ними всего 400 метров, катер туда ходит только один раз в неделю.

Вражда между маленькими островами кажется смешной по сравнению с «дружеским соперничеством» между Джерси и Гернси. «Гернсийцы — ос-

лы!» — утверждают на Джерси. «Уж лучше быть ослом, чем жабой», — отвечает гернсийцы, намекая на редкую разновидность жабы, найденную на Джерси. Кроме того, гернсийцы порицают суматоху, царящую, по их мнению, на Джерси. «Мы здесь никуда не торопимся, — гордо заявил мне гернсийский феодал де Сосмаре. — Вот почему англичане любят приезжать к нам: чтобы отдохнуть от спешки».

Сеньор де Сосмаре — живое воплощение феодального покоя в сочетании с демократизмом. Унаследованный титул позволяет ему взимать «долю посредника» в размере двух процентов при продаже земель. На эти деньги он обязан содержать по статуту войска для защиты острова, готовые выступить по приказу королевы, приказу, которого он, кстати говоря, не ожидает.

Будучи ценителем покоя, я получал истинное наслаждение, живя на Гернси. После Сент-Хелнера, шумной столицы Джерси, столица Гернси Сент-Питер-Порт казалась тихим курортным городком.

На берегу высился замок Корнет, похожий на беспорядочную кучу гранита. Эта постройка XIII века выглядит театральной декорацией к исторической драме. И эта драма имела место в действительности.

Во время гражданской войны в Англии, когда Гернси объявил себя сторонником парламента, роялисты долго еще отсиживались в замке Корнет. В результате Гернси оказался последним оплотом королевской власти на Британских островах, павшим под натиском сил парламента. Это вызвало страшное негодование на Джерси, оказавшемся вторым в очереди.

В XVIII веке Корнет стал базой английских каперов, выходивших отсюда в море за добычей. Оговорюсь сразу, это не были пираты, а вполне достойные капитаны, вооруженные каперскими свидетельствами, которые уполномочивали их грабить врагов королевства. Трудились они прилежно: в 1800 году, имея дюжину кораблей, Гернси захватил добычу на сумму два миллиона фунтов.

Из Корнета я наблюдал великолепную панораму Сент-Питер-Порта с его ярусами разноцветных домиков. Мне удалось рассмотреть и знаменитый дом Виктора Гюго. Писатель работал там над «Отверженными»,

будучи высланным из Франции за то, что прозвал Наполеона III «Маленьким Наполеоном». Впрочем, вскоре его выслали и отсюда за то, что он вступился за местную газету, напечатавшую непочтительное обращение к королеве Виктории.

— Сейчас я говорю! — такими словами Гюго обыкновенно осаживал человека, который осмеливался прервать его застольную беседу. Это «я» отразилось и в отделке дома, снизу доверху украшенного инициалами «ВГ».

Как и большинство местных жилищ, дом Гюго выстроен из знаменитого гернсийского гранита, добыча которого идет по сей день: за два века каменотесы выдолбили добрую часть острова. Гернсийцы необыкновенно горды тем, что ступени собора святого Павла в Лондоне привезены отсюда.

Правда, разработка карьеров постепенно пришла в упадок, поскольку стоимость перевозки урезала доходы от экспорта этого тяжелого продукта. 20 тысяч тонн гернсийского гранита в два с половиной раза превышают тоннаж экспортируемых помидоров, которые приносят во много раз больше прибыли.

Ранние парниковые помидоры — основная отрасль производства на Гернси. Джерсийцы, конечно, утверждают, что парниковое овощеводство лишило Гернси сельской прелести, но гернсийцы не обращают на них внимания. (Дело в том, что на Джерси не строят парников, а высаживают томаты в открытом грунте.)

Я спросил у одного гернсийца, какие помидоры лучше — парниковые или натуральные. Мне высокомерно ответили: «Не знаю. Я никогда не пробовал помидоров с Джерси».

Разговор этот происходил, когда я ожидал корабль на Сарк.

ОТВЕРГНУВШИЕ МОТОРЫ

На первый взгляд казалось, что остров Сарк, расположенный в семи милях к востоку от Гернси, напрочь отверг все формы современной жизни. Там отсутствуют мотоциклы, уличные фонари, собаки женского пола и голуби. По древней привилегии только сензор (в настоящее время это женщина, храни ее господь) пользуется правом иметь на острове единственную сучку и единственную голубятню. Она сохранила и другие феодальные привилегии,

как-то: взимание «трэзьём» (тринадцатой части) от всех сделок с недвижимым имуществом.

В 1565 году королева Елизавета I назначила джерсийца де Катрета сензором Сарка при условии, что «сорок человек его подданных» переселятся на остров. Сегодня на Сарке сохранились в неприкосновенности эти сорок участков. Арендаторы составляют большинство в местном парламенте; кроме них, туда входит также правительница острова, сенешали, секретари суда, судьи и 12 депутатов из числа не владеющих землей.

Депутат Джон Ла Троб-Батман, один из двенадцати, сказал мне: «Все население Сарка 575 человек, а депутатов 52, так что представлены в законодательном собрании каждые 11 жителей...»

Мистер Ла Троб-Батман, отчим будущего сензора (внука правительницы), ведет вопросы туризма — основной статьей дохода на Сарке. Островитяне заезжают за гостями прямо на борт парашоудов. Я с безмерным удивлением смотрел, как на трактора сажали туристов и грузили их багаж. Откуда взялись трактора на острове, фанатично противящемся моторизованным экипажам? Ведь совсем недавно, когда местный врач вызывающим образом импортировал машину, настаивая на том, что это «необходимое медицинское оборудование», парламент запретил пользоваться автомобилем, вынеся поистине соломенно решение: «Машина может ездить только если ее будет тянуть лошадь».

Парламент в свое время встретил в штывы даже просьбу престарелой правительницы о моторизованном кресле на колесах. В конце концов государственные мужи уступили, но, когда другой житель потребовал того же, у него ничего не вышло — инвалидное кресло, так же как и собака — особь женского пола, осталась привилегией госпожи правительницы.

Отвергнув трактор, я сел в поджидавшую путешественников повозку. Кучер дорогой объяснил мне, что трактора в виде исключения допускались как необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Но поскольку тракторов со временем стало в два раза больше, чем фермеров, об этом мало кто помнит...

Крутой подъем на холм открыл мне круговую панораму Сарка. На самой вершине возница застопорил перед гостиницей.

— В этом месте мы всегда останавливаемся по древней традиции, чтобы дать перевести дух лошади, — сказал он. Мы зашли в гостиницу и выпили по стаканчику.

Выходя, я увидел, как с двух тракторов сгружаются пассажиры.

— Трактора тоже переводят здесь дух? — осведомился я.

— Нет, это современные правила. На тракторе позволено въезжать только на вершину, а дальше следует идти пешком.

Из отеля я направился в скромные владения правительницы острова Сарк. Сибил Хатауэй встретила меня в дверях, у ног ее крутилась знаменитая собака, черный пудель по кличке Миксина. Глаза госпожи Сибил пронизательно искрились, губы были плотно сжаты. Я понял, что характер дамы непрклонен. Особенно эта непрклонность проявилась во время нацистской оккупации. «Я им сказала, что здесь они не смеют распоряжаться, как у себя в Пруссии», — гордо сказала дама.

Гернсийский округ, частью которого является Сарк, также познал нрав госпожи. Нескольким лет назад на острове пировало такое количество приезжих, что неоплачиваемому «почетному» констеблю пришлось большую часть ночи быть на ногах, в связи с чем он запустил свою дневную работу. Госпожа объявила, что если Сарку не отпустят кредиты на полицейского, то она вернет свои привилегии королеве. В этом случае Сарк полностью подпал бы под власть Гернси. На Гернси, ошеломленные мыслью об управлении анархичными жителями Сарка, поторопились отрядить квалифицированного блюстителя порядка.

КРОЛИЧЬИ ВЛАДЕНИЯ

Остров Херм, отстоящий на три мили от Сарка, мне показывали двое сыновей-подростков отставного майора Питера Вуда, арендующего весь остров площадью в полквдратной мили. Шесть смелых кроликов встретили нас уже у причала. Один из мальчиков, парируя клевету, сказал: «У нас не миллион кро-

ликов. Только пятнадцать тысяч. Но неприятностей хватает. Они поедают все, что попадает на глаза».

Однако поведение кроликов в конце концов можно предсказать. А вот здешний ветер ведет себя абсолютно своенравно, принося Херму существенные убытки. «Когда подымается восточный ветер, с Гернси не приезжают однодневные туристы», — с грустью сказал мальчик. Когда дует западный ветер, Вуды получают доход ежедневно с тысячи туристов...

Вуды круглый год живут на острове, где, кроме кроликов, пасется 65 золотистых гернсийских коров, каждая из которых отзывается на свою кличку, когда приходит время ее доить. «Однажды у нас был работник, который не мог запомнить их

имен, и надои тут же упали», — отметил младший Вуд...

Отправляясь на Джету, я опоздал на еженедельный катер, курсирующий между Хермом и этим островком. Пришлось добираться кружным путем и вместо 400 метров одолеть 7 миль. С моря Джету выглядит необитаемым, но я знал, что мистер и миссис Фейд, арендовавшие его в 1964 году, обрабатывают поле, а также управляют пивной.

Предшествующие арендаторы использовали остров с большей выдумкой.

— Полковник Филден, поселившийся здесь в 1870 году, — сказал мне мистер Фейд, — обстреливал из пушки проплывающих мимо рыбаков. Его договору об аренде пришел конец, когда выяснилось, что полков-

ник использует Джету как склад для контрабанды коньяка из Франции в Англию.

Кроме туристов, остров часто посещают (нелегально) духи и привидения. Мистер Фейд показал мне камень друидов в местном Волшебном лесу. Впечатляющий камень лежал на поляне, окруженной высокими деревьями. Хозяин похлопал по низкой кленовой ветке и взглянул на меня:

— Вы думаете, настоящая?.. Вот фотография, которую я захватил с собой. Это не комбинированный снимок, учтите.

Ветка на снимке была **прозрачной**, и сквозь нее четко виднелся зловещий камень друидов.

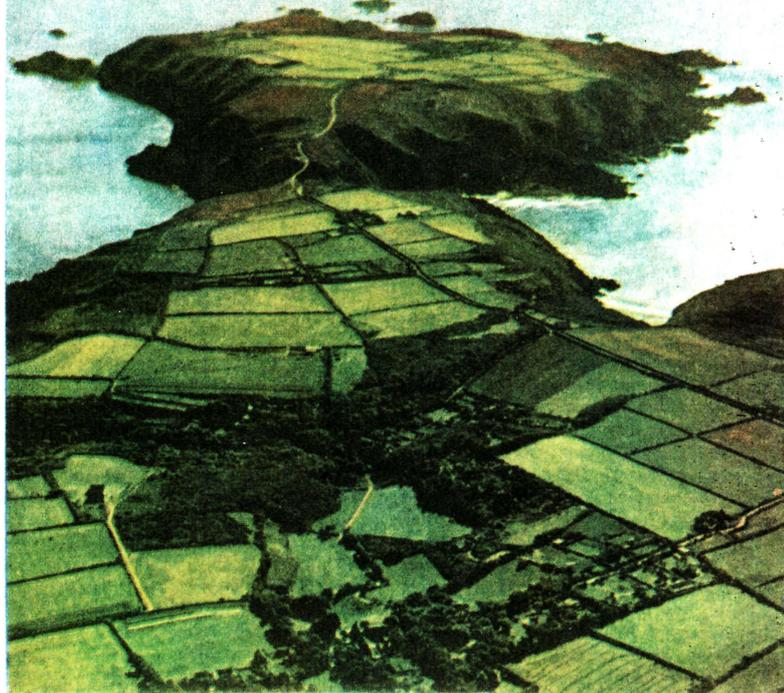
— Сдается мне, это место залятое, — сказал мистер Фейд. Однако, несмотря ни на



что, он намерен здесь остаться. — Мы продали свой домик на Джерси. Все эти богачи, уклоняющиеся от налогов, строят там себе особняки до неба. А мы получили весь этот остров и кафе за столько же, сколько там стоит четырехкомнатный дом.

На Олдерни, самом северном острове архипелага, по мнению Фейда, тоже обитают избегающие налогов богачи. И хотя ветер дует там постоянно, остров привлекает своей пустынною многих лондонцев.

Столица острова Гернси — Сент-Питер-Порт. На набережной сохранился дом, в котором жил в изгнании Виктор Гюго. Свой роман «Труженики моря» писатель посвятил «скале свободы и гостеприимства, частице древней норманнской земли, где живет маленький и благородный народ моря, — острову Гернси».



В семи милях от Гернси — Сарк. Изрытые пещерами утесы обрамляют плато, к которому на тонкой нитке перешейка подвешен с юга Малый Сарк.

На острове живет полторы тысячи человек — столько же, сколько до войны. Но люди совсем другие. Старые норманнские семьи не вернулись на остров, вместо них приехали англичане. В тихой столице Сент-Энн мне не удалось обнаружить ни обещанной главной улицы, ни пивных через каждый дом.

МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ

Больше всего на Олдерни оказалось военных сооружений. Пожалуй, это самый вооруженный остров, который я когда-либо видел. В течение всего XIX века этот «Гибралтар в Ла-Манше» оцетинивался в сторону враждебной Франции, но стрелял он редко, разве что в приступе ярости. Многие фортификационные сооружения были затем переоборудованы в квартиры.

Территория Олдерни в виде скалистых выступов простирается довольно далеко, так что любители птиц могут арендовать риф в двух милях от Олдерни и целый день провести в обществе тысяч топорков и буревестников, которые гнездятся в кроличьих норах. Они могут также наблюдать удивительные колонии олушей на скалах Этак и Ортак. Птиц там такое множество, что кажется, будто скалы покрыты вечным снегом.

Будет ли эта очаровательная природа привлекать туристов

после того, как Великобритания вступила в «Общий рынок»? Ведь цены на ла-маншских островах неизбежно поднимутся.

Как обычно, на архипелаге по-разному оценивают ситуацию. Некоторые требуют, чтобы Джерси воспользовался своей независимостью и отказался вступить в «Общий рынок».

Гернсицы вообще считают неправильным утверждение, будто туристы прибывают к ним только из-за дешевизны продуктов и напитков. «К нам в большинстве ездят трезвенники!» — сказал мне один из островитян.

Я спросил бейлифа Гернси сэра Вильяма Арнольда, почему гернсицы и джерсийцы так расходятся во взглядах по этому вопросу.

— О, они вообще отличаются от нас во всем, — сказал бейлиф и добавил: — Очень уж беспокойная публика...

Поклонник сока с Джерси мосье Ле Корню не был удивлен таким определением:

— Что можно ожидать от гернсицев? Они совсем не такие, как мы. Они куда примитивней.

Мосье Ле Корню смотрел в корень. Если под примитивностью понимать безгрешную честность и человеческую доброту, то именно они привлекают на острова людей, желающих хоть ненадолго освободиться от своих проблем.

Перевела с английского
ЕЛЕНА РАВЕН



СТРАНСТВИЯ БУНДЖИКАТСКОЙ

Как всегда, вначале были летописи. Арабские средневековые географы Ибн-Хаукаль и Ал-Истахри-Якут писали, что в области между Сырдарьей и Гиссарским хребтом лежал главный город государства Уструшана Бунджиката, где жило двадцать тысяч жителей мужского пола. (Странствующие средневековые географы всегда в какой-то степени были соглашателями — именно этим можно объяснить столь отчетливый интерес Ибн-Хаукаля и Ал-Истахри-Якута к численности населения, могущего встать с оружием в руках на защиту своего города.) Если же произвести перерасчет на общее число жителей, исходя из указанной цифры, нетрудно вывести, что в Бунджикате проживало около ста тысяч жителей! Огромный по тем временам город, соответствующий тому, что известно из летописи о всем государстве Уструшана.

В античные времена историческая судьба Уструшаны была теснейшим образом связана с Согдийским государством. Впоследствии, на заре средневековья, Уструшана выделяется в самостоятельное государственное образование, ставшее в VI—XII веках нашей эры одним из крупнейших в Средней Азии...

Исследователям было ясно, что бесследно исчезнуть сотысячный город не мог, что земля Северного Таджикистана, безусловно, хранит остатки великой Бунджикаты. Но где именно искать этот город?

Еще в 1894 году выдающийся русский исследователь Средней Азии академик В. Бартольд, ознакомившись с древними развалинами Калаи-Кахкаха вблизи поселка Шахристан в Северном Таджикистане, предположил, что именно здесь стоял город Бунджиката.

Предположения В. Бартольда поддержал его ученик, один из крупнейших советских востоковедов, академик А. Якубовский, ко-

торый при создании Таджикской археологической экспедиции сразу же наметил исследования в Шахристане.

Интуиция В. Бартольда и А. Якубовского оказалась пророческой.

По сведениям письменных источников, у правителей Уструшаны — афшинов — было три дворца. Остатки первого, самого раннего, наш Северо-Таджикский археологический отряд Института истории имени Ахмада Дониша открыл в 1955 году на городище Калаи-Кахкаха. Здание было возведено из циклопических глинобитных блоков и сырцового кирпича. Деревянные колонны поддерживали деревянные кровли. Дворец был сравнительно небольшой — десять помещений, расположенных на трех ярусах, — но он был парадно монументален, а стены, потолки и колонны покрывали утонченная резьба и многокрасочная живопись. Построенный в VI—VII веках, этот дворец погиб в огне. Все свидетельствует о том, что он был захвачен, разрушен и предан сожжению в 822 году отрядами Аббасидского халифата: следы резни и варварского уничтожения были видны повсюду.

Следы второго дворца мы обнаружили в 1965 году на соседнем городище. Раскопки его продолжались вплоть до сезона 1972 года. И то, что было открыто за эти годы, стало сенсацией в средневековой археологии Средней Азии.

Второй дворец уструшанских афшинов поражает своими размерами, архитектурой, величием и внутренним убранством

помещений... Огромный — в 230 квадратных метров — трехступенчатый зал с царской тронной нишей, «малый зал приемов» в 95 квадратных метров, дворцовый храм, царские спальни и жилые покои, дворцовый арсенал и другие служебные помещения были связаны хитроумной сетью коридоров и переходов. Стены и своды парадных помещений и коридоров были покрыты богатейшей, монументальной, многокрасочной росписью светского, батального, мифологического и культурного содержания; резными деревянными панно и фризами; скульптурными рельефами и изображениями людей и животных. Во дворце были обширнейшие — на случай долговременной осады — хранилища продуктов, в арсенале дворца мы нашли более 5000 камней до 2—3 пудов весом для сбрасывания с крепостных стен на головы штурмующих и бесчисленное количество величиной с кулак каменных ядер для пращей.

Этот дворец был построен примерно тогда же, когда и первый, — не позже VI—VII веков нашей эры, но просуществовал он несколько дольше — примерно до конца IX века. Как и первый, он был разрушен — везде видны следы пожара. По-видимому, дворец пал в 893—894 годах, во время захвата Уструшаны правителями Саманидского государства. Обитатели дворца или его захватчики унесли с собой все сокровища, накопленные бунджикатскими афшинами. Но на долю археологов остались ценности, не измеримые никаким золотом, — фрагменты скульптуры и уструшанских фресок, украшавших стены и потолок дворца. В завалах разгромленных помещений мы обнаружили тысячи фрагментов росписной штукатурки, около



ВОЛЧИЦЫ

Н. НЕГМАТОВ,
доктор исторических наук,
профессор

двухсот деталей обугленного резного дерева, а на остатках стен — несколько десятков квадратных метров сохранившейся росписи.

Такого количества образцов искусства, среди которых несколько десятков шедевров мирового значения, еще не было обнаружено ни в одном археологическом памятнике Средней Азии.

Сказочный мир древнего орнамента, символических образов, мифов, героического эпоса предстает перед нами на полуобгоревших деревянных панелях и фризах шахристанского городища. Фантастические растения и этнические портреты представителей разных народов, сказочные чудовища и дворцовые сцены с изысканно-артистичными танцовщицами...

Даже вкратце трудно перечислить открытые шедевры искусства, ставящие Бунджикату в один ряд с крупнейшими культурными центрами Средней Азии. Но об одном из них — живописной многофигурной панораме — не рассказать нельзя, ибо на ней изображен сюжет, известный всему миру и который во всем мире связывается с легендой об основании... Рима.

Панорама представляет собой развернутый эпический рассказ, завершающийся сценой вскармливания волчицей двух подкидышей. В левой части панорамы изображен восседающий на широкой тахте правитель. Около тахты стоят на коленях полуобнаженная женщина с ребенком и мужчина в черных сапогах, указывающий на этого младенца. Рядом художник изобразил реку с полуфантастическим существом в волнах. За рекой видна еще одна человеческая фигура в синем плаще...

Далее художник поместил еще одну группу фигур, затем еще — рассказ развивается неторопливо, каждая живописная сцена явно представляет собой какой-то эпизод его, и завершается изображением волчицы, кормящей двух мальчиков.

Итак, легенда об основании Рима в Бунджикате... Каким образом волчица с Капитолийского холма оказалась во дворце Уструшаны?



Среди многочисленных ираноязычных племен и народов издревле существовали мифы и легенды о царственнорожденных подкидышах, вскормленных дикими зверями.

Так, в бессмертном эпосе Фирдоуси «Шахнаме» мы встречаем героев, вскормленных львицей, птицей Семург, тигрицей. Этот сюжет был распространен и в изобразительном искусстве Древнего Ирана и Средней Азии — известны изображения волчицы, кормящей младенцев, на парфянских и сасанидских амулетах и геммах.

Подобные легенды бытовали и в Древнем Туране¹ среди ираноязычных и тюркоязычных племен и народов. Особенно широко были распространены верования о волке как прародителе, покровителе и защитнике людей от разных болезней, несчастий и зла. По одному из преданий, древние турки — турки-тукю — ведут свое происхождение от мальчика из рода хуннов, уцелевшего от врагов, спасенного и вскормленного волчицей. Происшедшими от волка считали себя и древние монголы — они почитали его как своего прародителя. Главным тотемом огузов-кипчаков в X—XII веках был сивый волк. Поверья и приметы о волке сохранились и в новое время среди монгольских и тюркоязычных народов, народов Севера Евразии, русских, украинцев, белорусов, армян, грузин, абхазцев, аварцев, сванов, курдов.

¹ Туранская низменность — равнинная часть Средней Азии, большей частью занятая пустынями Каракумы и Кызылкум.

Древние германцы волка посвящали богу Вуотану и Циу, а Геродот писал, что негры раз в год обращались в волков.

Так сплетаются в единый клубок легенды и сказания, тотемистические представления и поверья древних племен и народов Азии и Европы о волках и волчицах как человеческих прародителях, покровителях и защитниках людей от зла и различных несчастий, легенды о спасенных и вскормленных ими человеческих подкидышах, ставших впоследствии основателями родов, племен и государств.

Появление мифологической традиции о добрых взаимоотношениях человека и хищного животного среди населения Азии следует отнести ко времени бурно развивавшегося древнего иранско-среднеазиатского мира накануне перехода к классовому обществу, государственному строю и единой — зороастрийской — религии. Эти мифы и легенды, видимо, были так распространены, что сразу же после образования Ахеменидского царства они стали средоточием «официальных» биографий основателя этого государства — Кира Великого: по некоторым преданиям, Кир вырос в окружении животных, от которых перенял силу и мудрость.

Знали об этих легендах, мифах и тотемистических поверьях и верили им, несомненно, и этруски, жившие первоначально, согласно Геродоту и ряду других античных авторов, в Передней Азии, в малоазийской области Лидии. (Хотя с античной же поры существуют и две другие точки зрения,

Экспедиция уходит в поиск

однако сейчас это сообщение Геродота все больше и больше подтверждается новыми исследованиями.

Переселившись в Италию, создавая свою блестящую городскую цивилизацию, этруски, видимо, не забывали и предания о волке-прародителе. В V—IV веках до новой эры безвестным этруским скульптором была создана бронзовая статуя Капитолийской волчицы. (Младенцы Ромул и Рем, кстати, к ней были присоединены позднее, в эпоху Возрождения.) Римляне, переняв у этрусков их знания, ремесла и верования, создали свою легенду о капитолийской волчице и вскормленных ею основателях Рима.

Итак, можно с достаточной уверенностью предположить, что истоки легенды о капитолийской волчице и Ромуле и Реме, легенды, которая с детских лет лежит в основе нашего восприятия римской мифологии, — на бескрайних просторах ираноязычной части Азии.

...А затем начался обратный путь легенды. По караванным дорогам, связывавшим в раннее средневековье Иран, Среднюю Азию с Византией, наследницей римской культуры. Нет, легенда, конечно же, не исчезала на своей прародине. Но она возвращалась, обогащенная и дополненная, облекшаяся в чеканные латинские формы, как потомок на землю своих предков...

Раскопки на городище вблизи Шахристана продолжают. Древние хроники манят нас призраком третьего дворца великого Бунджиката. Найдем ли мы этот дворец, а если найдем, то какие шедевры искусства обнаружим там, — никто в нашей экспедиции предсказывать, конечно, не берется.

Но неоспоримо, что уструшанская роспись раскрывает еще один, доселе неизвестный, момент сложной истории взаимосвязей культур Востока и Запада, Азии и Европы. Она свидетельствует, что в данном случае Восток был тем источником, откуда Запад в лице античного Рима почерпнул сюжет своего официального предания, доведя его через все века до нашего времени. И закончить свою статью мне бы хотелось словами академика Б. Гафурова: «Многие страницы человеческой истории убеждают нас в том, что Запад и Восток не раз плодотворно соприкасались. Наша задача — восстановить и снова прочесть страницы, которые по разным причинам пока остаются скрытыми или непонятными».

ДЖОЙ АДАМСОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К СВОБОДЕ

В конце января я выехала на «лендровере» в Найроби. Мы были уже на полпути, когда дорога пошла вверх по крутому склону холма высоко над рекой. За поворотом я увидела, что прямо посередине дороги идут двое. Я стала сигналить, но они как ни в чем не бывало шествовали дальше, взявшись за руки; мне оставалось одно: свернуть к самой обочине над обрывом. Гравий с краю еще не слежался, машина пошла юзом и налетела на километровый столб.

Я пришла в сознание на середине откоса в куче битого стекла, рядом валялась разбитая машина. Первой мыслью было — что с нашим помощником, который сидел в кузове? Он выбрался из машины, слава богу, с одной единственной царапиной на лбу. Ему сказочно повезло — машина перевернулась, падая с откоса. Но еще больше нам повезло, что машина застряла в кустах на середине откоса и мы не свалились в речку. Как только я шевельнулась, правую руку пронзила острая боль. С трудом мы выбрались наверх, к дороге; кровь из руки так и хлестала.

Показался автобус, где среди пассажиров ехал местный вождь. Нас довезли до Эмбу...

За месяц, проведенный в больнице, мне хватило времени подумать о том, как мне повезло, что я вышла живой из этой катастрофы, и эта мысль утешала каждый раз, когда на меня нападала хандра; ведь я знала, что пройдет не меньше двух лет и понадобится не одна операция, прежде чем я снова смогу пользоваться правой рукой — если вообще смогу...

Дирекция национального парка составила для меня подробную программу действий, в которой

было указано, какую работу с гепардами мне разрешают проводить. Я должна была постепенно уменьшать подкормку гепардов, а 1 декабря совсем прекратить кормление.

...Так в этот день мы и брели к ним: я, увешанная камерами, биноклем, магнитофоном и мегафоном, и помощник — с корзиной мяса, бидоном воды и винтовкой. Зверей мы нашли на равнине Мулики. За несколько следующих дней они прошли по большому кругу и вернулись обратно к нашему лагерю. Вот уж этого я меньше всего хотела — не хватало только, чтобы они привыкли к лагерю! Ведь нашей задачей было вернуть им свободу, не помогли — гепарды только перешли через речку и обсоновались под «акацией добычи».

Однажды мы видели, как Пиппа подкрадывается к стаду водяных козлов. Она едва не схватила козленка, но мать его отбила. Я со страхом смотрела, как антилопа пытается ударить Пиппу копытцами, защищая своего малыша, — ведь взрослый водяной козел весит до четырехсот фунтов, а Пиппа — никак не больше ста двадцати, так что перед ней был действительно серьезный противник.

Мы записали на магнитофон разные звуки, издаваемые гепардами, — большинство из них поразительно походило на щебетанье и чириканье птиц. Я много раз проигрывала гепардам свои записи, но их собственный визг в драке за еду, чириканье или мурлыканье оставляли их совершенно равнодушными. Когда же сегодня я дала им послушать свирепое рычание, записанное накануне, они тут же удрали.

Все почему-то думают, что ге-

Главы из книги.
Окончание. Начало в № 9.



парды робки и неопасны по сравнению со львами и леопардами; но это верно только отчасти — гепарды никогда не становятся людоедами. Пиппа всегда старалась показать мне свою любовь — терлась головой, прижималась, ловила мои ноги, игриво прикусывала руку; а когда была довольна, то мурлыкала и смотрела на меня ласковыми глазами. Что говорить, мы обе знали, что

это настоящая дружба. Но теперь кругом все время сновали какие-то люди, ни на минуту не оставляя нас в покое, — какие уж тут нежности! Куда бы Пиппа ни повернулась, ей тут же совали в морду микрофон, или нацеливали на нее камеру, или подъезжали в машине и глазели на нее в бинокль.

Через некоторое время в лагерь приехал мой новый помощ-

ник Бен. Пока мы болтали, гепарды пришли в лагерь. Пиппа придирчиво осмотрела незнакомца. Под конец она разрешила ему погладить себя. Чтобы окончательно испытать его, она подержала в зубах его руку и, удивившись таким образом, что Бен «свой», позвала детей: «Пррр-пррр». Меня очень обрадовал такой дружеский прием: мне нужно было отправляться на лечение в Лон-

дон, и оставалась всего неделя, чтобы дать возможность Бену и гепардам освоиться друг с другом.

Звери как ни в чем не бывало ревелись возле нас около часа, а потом Пиппа повела их по дереву-мостику. Дойдя до середины, она уселась на тонком стволе, не давая прохода молодым. Те подталкивали ее, напирали, а она и не думала уступать. По стволу можно было пройти только гуськом, так что молодым гепардам пришлось по очереди проделывать несколько трюков, подобно гимнастам под куполом цирка, чтобы перелезть через собственную маму, да при этом не поскользнуться и не свалиться в воду. Только когда все благополучно перебрались через нее, Пиппа сошла со своего опасного места. Наверное, она хотела приучить их рассчитывать свои движения...

Мне было очень больно расставаться с гепардами, но я знала, что Бен не бросит моих друзей — они удивительно быстро признали его. Мы договорились, что он будет два раза в неделю посылать мне подробные отчеты. Я оставила ему больше денег на еду, дала адреса двух ветеринаров и свой «клендровер».

За все тягостные месяцы в Лондоне мне становилось легче, лишь когда приходили письма от Бена; он писал, что все идет хорошо. Пиппа перестала приходить в лагерь сразу же после моего отъезда и поселилась выше по реке, на равнине. Он отыскал там молодых, но они не обратили на его крик никакого внимания.

Через несколько дней, разыскивая гепардов, Бен услышал, как Пиппа зовет молодых. Когда он подошел поближе, мамаша оставила выводок, пошла к нему и очень придирчиво его осмотрела — на нем была новая рубашка. Убедившись, что это все-таки он, она подозвала молодых. Это очень важно: есть достоверные сведения о том, что два служителя были убиты львами и тиграми только потому, что вошли в клетку в незнакомой одежде. Меня всегда удивляло то, что кошачьи не принимают во внимание более постоянные признаки — например, запах, внешний вид или движения близких к ним людей. Может быть, они так подозрительно относятся к незнакомой одежде просто потому, что сами-то никогда не меняют шкуру — не то что мы с нашими переодеваниями...

В последующие несколько недель Пиппа расширяла свои вла-

дения. Бен обратил внимание, что теперь она заявила права на новые территории, избегая тех, которые назначила во владение своим предыдущим детям. Это было последовательное поведение: ведь она никогда не приводила теперешний выводок на те места, где любил играть прежний.

Молодым исполнился год, и, судя по тому, как часто гепарды убивали добычу, они теперь охотились сами, причем на расстоянии до четверти мили от матери. Зачастую семейство собиралось вместе только поесть.

Несмотря на все эти чудесные новости, я чувствовала себя в Англии все хуже и хуже. Я готова была вынести что угодно, только не лондонскую суету, да еще в летние месяцы, — я ведь привыкла к безграничному простору, к жизни на свежем воздухе... Мне было очень интересно посмотреть, как содержат гепардов в Уипснейдском зоопарке в Bedfordshire. Директор зоопарка любезно познакомил меня с историей гепарда Хуаниты — она принесла уже два выводка. Второму как раз исполнился год, и все они были в прекрасном состоянии. Я видела этих гепардов — они сбились в кучку посередине довольно тесного загончика, где росло развесистое дерево. В дальнем углу были деревянные навес и маленький вольер, в котором лежал больной гепард из предыдущего выводка. Кроме этой загородки, здесь не было ни единого местечка, где можно было бы затаиться или ползать вволю.

Но тройке гепардов в зоопарке Риджент-парк, в самом центре Лондона, приходилось гораздо хуже. Каждый сидел в крохотном вольере с деревянной конурой в углу, а земля была засыпана гравием — конечно, так легче поддерживать чистоту, но ведь гепарда это совершенно неестественная обстановка. Они могли разве что потеряться носами через проволочную сетку или разглядывать леопардов, львов и тигров, рассаженных по клеткам напротив, — их разделяла только узкая дорожка, с которой посетителям были видны сразу несколько видов кошачьих. Гепарды с полным равнодушием взирали на львов и леопардов. Какие страдания приходится претерпевать диким животным, чтобы хоть как-то приспособиться к этой неестественной жизни, если она заставила их потерять страх даже перед природными врагами. Разве мог гепард чувствовать себя нормально в таких условиях?

Я очень долго беседовала с директором, стараясь подчеркнуть, что свобода передвижения и возможность уединяться для гепардов гораздо важнее, чем для остальных кошачьих. Я сказала ему, что территория Пиппы в заповеднике Меру занимает шестьдесят три квадратных мили и она там бродит как ей вздумается вместе со своими детьми. Но ни один зоопарк не сможет предоставить гепарду достаточно просторный вольер. А скрывать зверей от посетителей — это уж никак не вяжется с назначением зоопарка... Еще я внушала ему, что медлить нельзя — гепард стоит на втором месте в списке животных, которым угрожает вымирание, и совершенно необходимо, не теряя времени, обеспечить разведение гепардов в тех местах, где они еще могут размножаться. Эльса и Пиппа уже доказали, что такой утопический идеал вполне способен превратиться в действительность: раз уж самых крупных кошек удалось сохранить таким путем, то спасти остальных животных, находящихся на грани вымирания, будет не так уж трудно — конечно, если найти необходимые средства и людей, готовых посвятить себя этой работе.

Да, обидно было терять столько времени в Англии: ведь из моей жизни выпадали самые важные месяцы из всех, которые я могла провести рядом с Пиппой и ее детьми. В это время увидела свет моя первая книга о Пиппе — «Пятнистый сфинкс», и я с радостью помогала организовывать ее распространение, хотя почти ежедневно приходилось давать интервью, выступать по радио и телевидению. Нужно было составить программу из того огромного киноматериала, который скопился у меня за четыре года, проведенные рядом с гепардами. Единственное, что заставляло меня заниматься хлопотами, это необходимость поддерживать Фонд Эльсы и Фонд охраны диких животных: все мои разработки предназначались для них.

Но, как говорится, капля камень точит, и эта бурная деятельность не избавляла от грызущего беспокойства за Пиппу и ее детей. Наконец оно стало совершенно непереносимым — я махнула рукой на всякое лечение, отменила все назначенные встречи и первым самолетом вылетела в Кению. Еще три дня мне пришлось ждать в Найроби, пока Бен не приехал за мной. Он сказал, что гепарды куда-то пропали: судя по следам, Пиппа бросила своих детей...

Как только мы добрались до лагеря, все без промедления выехали на поиски гепардов. Но удача пришла только на следующее утро. Пиппа пришла со стороны равнины Гамбо. Когда я подошла к ней, она замурлыкала, стала лизать мне руки и тереться своей шелковистой головой — я чувствовала, что она счастлива не меньше, чем я. Тем временем подросли молодые. Они так выросли, что я не сразу разобралась, кто здесь кто. Биг-Бой и Тайни стали намного крупнее Пиппы, а Сомба сравнялась с матерью. Все они проявляли интерес ко мне, но держались поодаль и немедленно ускользали, когда замечали малейшее движение в их сторону.

Когда Бен ушел, молодые стали носиться друг за другом по недавно выжженной равнине, подняв такую тучу пыли и пепла, что фотографировать было невозможно. Мне захотелось посидеть рядом с Пиппой — она лежала недалеко под деревом, но при моем приближении встала, позвала детей и двинулась обратно. Я провожала их взглядом и вдруг заметила, что Пиппа слегка прихрамывает. Что случилось?

Гепарды пошли к тенистому дереву, я за ними. Вскоре все уселись в тени. Тайни и Биг-Боя быстро сморила полуденная жара, но Сомба не пропускала ни малейшего моего движения и ментально отшатывалась, когда я пробовала чуть-чуть подвинуться к ней.

Нас окружали теперь такой мир и покой, меня переполняло чувство освобождения от страха и напряжения прошедших недель. Не знаю почему, но только рядом с животными меня охватывает ощущение бесконечного покоя. Животные гораздо лучше, чем мы, люди, чувствуют, как относятся к ним другие существа; только людям можно заморочить голову словами — звери полагаются на свою способность улавливать мысли и никогда не ошибаются.

В каждом из детей Пиппы осталась жить какая-нибудь ее милая черта. Биг-Бой вместо нее стал заботиться о своем семействе; ласково вылизывая брата и сестренку, он успокаивал их, и они наконец ложились рядом и прижимались к нему, как раньше к Пиппе. Тайни унаследовал ее обаяние и доверчивую серьезность, а Сомба придательно ловила малейшие признаки опасности, охраняя семью.

Я разглядывала равнину в бинокль и тут в траве, метрах в ста,

заметила льва. Он смотрел прямо на меня и не шевелился. Трава почти скрывала его, но я могла рассмотреть, что он был чудовищно худ. Потом заметила, что у него под глазом торчит игла дикобраза. Эти иглы таят в себе смертельную опасность для всякого хищника. Должно быть, у него и в лапах полно игл, так что каждое движение причиняет ему мучительную боль.

Наши гепарды совершенно не замечали этого соседства и преспокойно грызли мясо. Я сделала знак Локалю, и мы устроились между львом и гепардами, наблюдая за их поведением. Наконец Тайни что-то заподозрил. Уставившись на льва, он вдруг с каким-то странным стонущим рычаньем бросился прочь, за ним понеслись Биг-Бой и Сомба. Я облегченно вздохнула — хорошо, что они сами заметили льва: мне совсем не хотелось нарочно пугать их — ведь разрушить установившуюся между нами хрупкую связь было так легко.

Я принялась звать льва, повторяя имена львов Джорджа, но он даже ухом не повел, хотя смотрел на меня не отрываясь. Оставлять раненого льва в такой близости от управления заповедника было нельзя: погнав Локаля в обход к нашей машине, я пошла в контору. Выслушав мой рассказ, Джордж очень встревожился. Директор заметил, что из всех львов, которых ему пришлось пристрелить, девяносто процентов были искалечены иглами дикобраза. Из одной львицы он вытащил шестьдесят иголок! Он всегда старался при малейшей возможности спасти жизнь несчастным животным и этому льву тоже попытается помочь, но все же взял с собой крупнокалиберную винтовку на тот случай, если помощь опоздала...

Мы снова на несколько дней потеряли Пиппиных детей, но потом отыскали их возле скалы Леопарда, в пятнадцати милях от прежнего места. Я сняла на киноплёнку, как молодые гепарды едят в позиции «звезды» — это очень характерная для гепардов привычка: каждый старается держаться на равном расстоянии от других, чтобы не «толкали под локоть». Как раз когда я перезаряжала камеру, появился черный носорог — он шел прямохонько на нас. В мгновение ока все гепарды припали к земле, не спуская глаз с толстокожего. Наконец, видимо, до того долетел наш запах — он остановился, крутанул на месте, подозрительно

принюхался, но все же опять пошел в нашу сторону. Это было похоже на танец — животное продвигалось короткими шажками и вдруг снова остановилось. Тут Сомба молнией бросилась на носорога, и тот с треском помчался прочь, а она пронеслась за ним, чуть не вися у него на хвосте. Я успела зарядить камеру и могла бы запечатлеть эту уморительную сцену, да на беду прикатила машина с посетителями, и все удовольствие было испорчено.

История на этом не закончилась. Некоторое время молодые гепарды оставались возле скалы Леопарда. Там же находились и шесть наших белых носорогов — по ночам их держали в огороженном загоне, а днем они бродили на свободе и два егеря пасли их, как обыкновенный скот.

Однажды утром мы только что покормили гепардов, и они улеглись поспать, когда мимо проществовали эти носороги. Гепарды умчались прочь быстрее молнии. Меня это очень удивило: ведь всего несколько дней назад они гонялись за диким черным носорогом просто так, из озорства. Неужели они понимали, что белые носороги — чужаки, и только по этой причине отнеслись к ним так же, как и Пиппа в свое время?

В другой раз, проискав гепардов все утро и окончательно измучившись, мы собирались позавтракать на берегу Муреры. Здесь река бежала мимо скалистого обрыва, поросшего пальмами, фиговыми деревьями и акациями: ползучие растения так оплели деревья, что образовался зеленый шатер, под сенью которого мы и устроились. Несмотря на то, что река внизу оглушительно шумела и всюду, куда ни глянь, суетились птицы или насекомые, меня охватило слегка жутковатое ощущение потери времени — ощущение вечности, столь же непрерывной, как сама жизнь. Почему только здесь я чувствую себя в безопасности, а там, в цивилизованном мире, который человек нагородил вокруг себя, я никогда не могла найти покоя? Может быть, потому, что мы всегда стараемся вмешаться в течение жизни и управлять ею — хотя она по самой природе своей не поддается управлению? Животные, которые живут только настоящей минутой и приспособляются ко всем неожиданностям, выживали в течение миллионов лет; а если мы пробуем все повернуть по-своему, удастся ли нам выжить? Здесь меня окру-

жает нечто неизменное, то есть вся жизнь, во всех ее проявлениях. В цивилизованном мире нет ничего, кроме человека. Я думала: только бы мне удалось помочь этому неизменному, вечному; для начала помогая сохранить жизнь диким животным. Ведь они ключ к пониманию всего, и если бы мне это удалось, я считала бы, что собственная моя жизнь не прошла даром.

Теперь я была ближе, чем когда-либо, к разгадке до сих пор неведомых фактов жизни гепардов, например, их поведения в период полового созревания, но мне запретили дальше проникать в эту тайну — я обязана была подчиниться предписаниям администрации заповедника.

На следующее утро весь парк потонул в густом тумане. Мы прошли по следу гепардов больше трех миль, и снова я звала: «Пиппа, Пиппа, Пиппа, Пиппа». Наконец я увидела сидящего на дереве гепарда. Некоторое время я наблюдала за ним, но он не трогался с места. Я опять позвала,

но зверь не обратил на мой зов никакого внимания. Что же это такое? Если это один из наших трех гепардов, то где же остальные, а если гепард дикий, почему он не убегает? Я оставила своих помощников на месте, а сама потихоньку стала подходить поближе к гепарду — и вдруг узнала Уайти! Очевидно, она услышала знакомое имя Пиппы и пришла сюда. Она была жива и здорова, стала очень большой, но до сих пор сохранила все обаяние младенчества.

На всякий случай мы носили с собой банку сгущенного молока, я теперь и дала его Уайти. Прошло два года и три месяца с тех пор, как я кормила ее в последний раз, с тех пор я видела ее всего однажды, год назад, когда она была на сносях, и все же, несмотря ни на что, она подошла ко мне так доверчиво, как будто мы никогда не расставались, и стала лакать молоко. Потом она уселась на поваленном дереве, так что силуэт четко рисовался на фоне неба — мож-

но было подумать, что она специально позирует для фотографии. Я дала ей еще молока, поднеся мисочку прямо к морде: тут она негромко зарычала, но все же вылакала молоко без остатка. Но вот она пристально осматрела окружающие заросли, потом спрыгнула с дерева и скрылась — ушла в свой мир.

Глядя ей вслед — она уходила не торопясь, — я почувствовала не с чем не сравнимую радость. Уайти жила на свободе уже больше двух лет. Я подумала, что теперь, может быть, она возвращается обратно к своим детенышам. И все же она признала во мне старого друга, хотя и не проявила ни малейшего желания вернуться в свой прежний дом. Если бы мне пришлось в голову желать награды за все мучения, которые пришлось пережить за последние годы, это и было бы величайшей наградой, какую только можно придумать.

Некоторое время спустя мы встречали всю нашу тройку в полумиле от этого места. Интерес-

С. БАРСОВ

НЕВОЗМОЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В 1927 году американский археолог Ф. А. Митчел-Хеджес вел раскопки обнаруженного им Лубантуна — «Города упавших камней», древней цитадели майя в джунглях Британского Гондураса. Больше недели он с помощью дочери Анны разбирал остатки массивной стены, рухнувшей на алтарь в одном из тамошних храмов. Еще бы, ведь под грудой камней могли скрываться неизвестные науке барельефы и рисунки, которые, возможно, прольют новый свет на многочисленные загадки исчезнувшей культуры. Однако в тот день Митчелу-Хеджесу суждено было лишь прибавить к ним еще одну неразгаданную тайну. Археолог уже собирался отправиться на отдых, как вдруг в сумрачное помещение упал луч заходящего солнца, и под ним в гряде щебня и мусора ярко засверкал какой-то предмет. Ментально были забыты и усталость, и ободранные в кровь пальцы. Неужели какое-нибудь золотое украшение? Митчел-Хеджес принялся осторожно, по камешку разбирать завал, который, может быть, скрывал неведомое сокровище.

Нет, это было не золото, но ценность находки от этого не уменьшилась. В руках у археолога оказался женский череп из... полированного кварца. Местами в

нем просвечивали дымчатые пятна и маленькие шарики, словно пузырьки воздуха.

Даже мельчайшие детали были выполнены со скрупулезной точностью. Все вместе это придавало пятикилограммовому камню поразительный вид чего-то живого. И не просто живого, а мрачного, рокового. Позднее Митчел-Хеджес пришел к выводу, что череп играл немалую роль в религиозных обрядах майя, будучи тем самым «Черепом смерти», о котором упоминается в древних преданиях. В тайных покоях своих храмов верховные жрецы майя якобы часами всматривались в него, желяя гибели своим врагам. Эта версия и послужила поводом назвать находку Митчела-Хеджеса «Скал оф дум» — «Черепом смерти», или «Черепом рока».

Впрочем, его необычные качества были полностью раскрыты позднее Фрэнком Дорландом, искусствоведом-реставратором, шесть лет изучавшим череп из Лубантуна. Сделанные им открытия не менее удивительны, чем находка Митчела-Хеджеса. Во-первых, как установил Дорланд под микроскопом, череп первоначально был высечен из целого кристалла кварца без применения металлических орудий, а затем отполирован смесью скорее всего кремниевого песка и кварце-

вой крошки, приготовленной в виде пасты. На это, по его мнению, потребовалось никак не меньше трехсот лет. Далее, нижняя челюсть весьма подвижна, поскольку она закреплена в полированных гнездах. Если череп свободно подвешен в воздухе, то достаточно незначительного усилия, чтобы челюсть начала двигаться, создавая тем самым впечатление человеческой речи.

Однако самое поразительное даже не в этом. За сотни лет до появления современной волоконной оптики и физики световодов древние мастера сумели добиться сходного оптического эффекта с помощью сложной системы призм, линз и полых каналов. Например, свеча, помещенная под висящим черепом, заставит заблестеть его глазницы. При соответствующем навыке можно даже добиться, чтобы из них шли тонкие лучики света. Наконец, если свечу заменить какими-нибудь предметами, то при определенном положении они будут проецироваться в глубину черепа.

В результате исследований Дорланд выдвинул собственную версию происхождения «Череп смерти». По его мнению, он был изготовлен в Древнем Египте или Вавилоне и лишь гораздо позднее привезен в Центральную Америку. Майя же завершили его полировку и усовершенствовали систему призм и линз. «Можно себе пред-

но, видели ли они Уайти и как они отнеслись друг к другу при встрече? Может быть, Уайти встретила их по-матерински, а может, увидела в них чужаков на своей территории? Или, может статься, она заинтересовалась Биг-Боем и Тайни, а с Сомбой начала сражаться как с соперницей?

Пообедав, гепарды отправились отдыхать. Вскоре они так разоспались, что им уже не мешало мое присутствие, и я сидела рядом, рисовала и фотографировала. Да, это было невероятно трудно — оставаться верной своим правилам и не прикасаться к гепардам, особенно когда шелковистый хвост Сомбы скользнул по моим ногам. Но я вспомнила Уайти и снова подумала, что никогда нельзя быть эгоистичной в любви к этим малышам, если я хочу, чтобы они так же счастливо жили на свободе, как прежние дети Пиппы.

На другой день мы опять до полудня занимались поисками.

Это был пятый Новый год с тех

пор, как я основала свой лагерь, чтобы жить с Пиппой и ее детьми в заповеднике Меру, и, как ни печально, это рождество было для нас последним в этих местах. Всю жаркую пору гепарды отдыхали, иногда разрешая мне сидеть поблизости. И на этот раз мне была предоставлена эта привилегия, причем Сомба больше не настораживалась и даже время от времени дотягивалась лапами до моих ног. Тайни меньше других одобрял такую фамильярность — а ведь ему было прекрасно известно, что он мой любимчик. По сравнению с Биг-Боем он до сих пор казался очень хрупким, но зато всегда был оживлен и очень мил.

Я села совсем близко к Тайни. Вот он поднялся среди волнующейся травы, словно врезанный в яркую синеву неба, сгущенную сиянием вечернего солнца, — трудно было вообразить себе что-либо прекраснее! Но для меня это было нечто большее, чем великолепное дикое животное среди величественной африканской

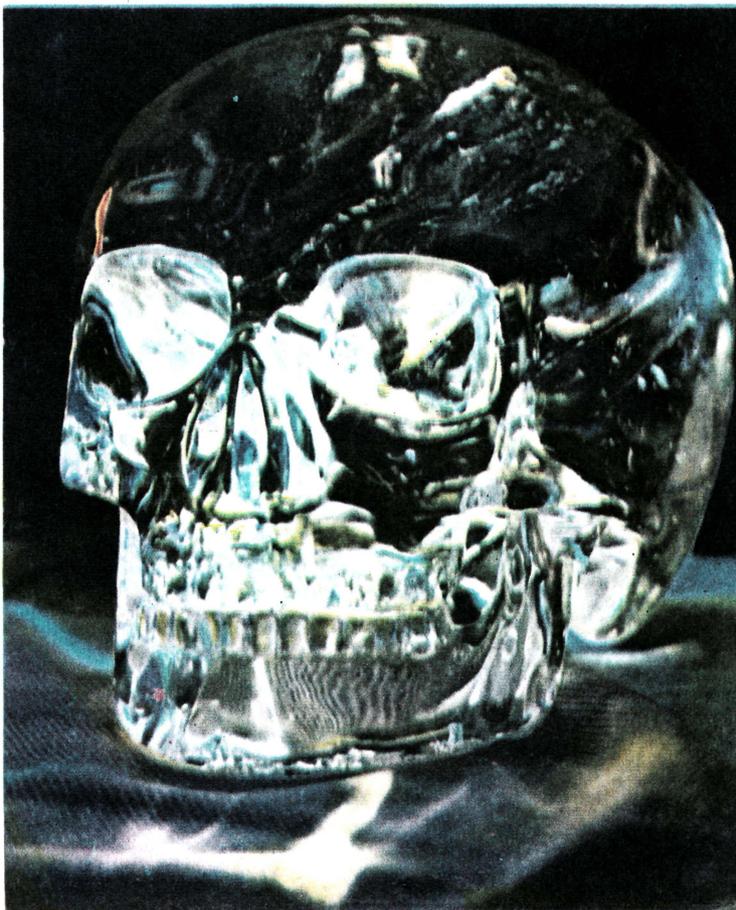
равнины. Мне показалось, что мы перенеслись в те далекие времена, когда человека и зверя еще соединял дружеский союз, когда они доверяли друг другу. Но я знала, что через несколько дней все это волшебство должно быть разрушено и мне нужно заранее подготовить Тайни к той жизни, в которой он не должен доверять другим людям, — тогда он не попадет в беду. И теперь я старалась растянуть эти драгоценные минуты, с болью думая о том, что скоро, слишком скоро они превратятся всего лишь в дорогое воспоминание.

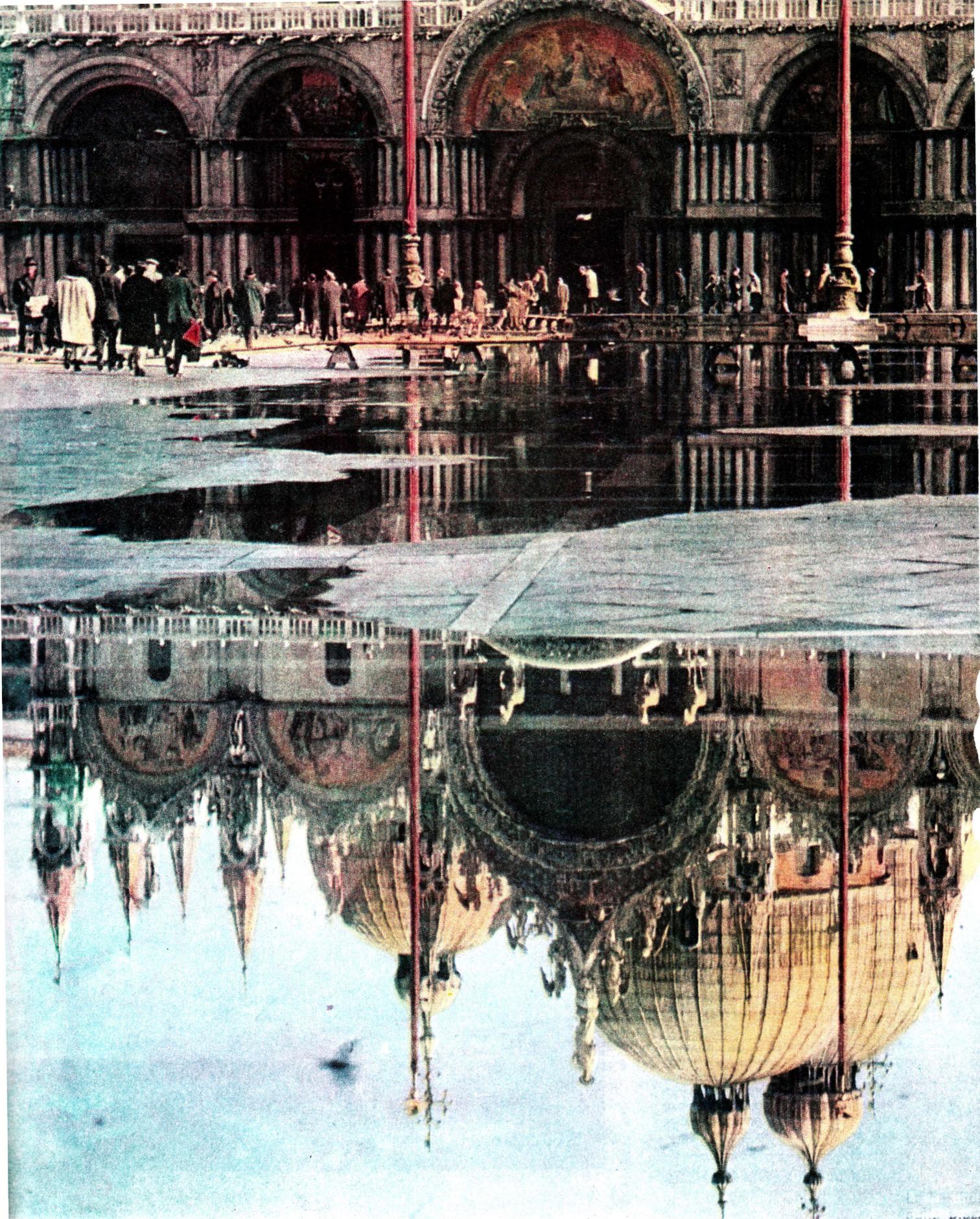
Но я, по крайней мере, имела право утешать себя тем, что дети Пиппы смогут жить совершенно свободной жизнью среди дикой природы, что я оставляю их в прекрасном состоянии и они вполне подготовлены к любым неожиданностям, что бы ни выпало им на долю.

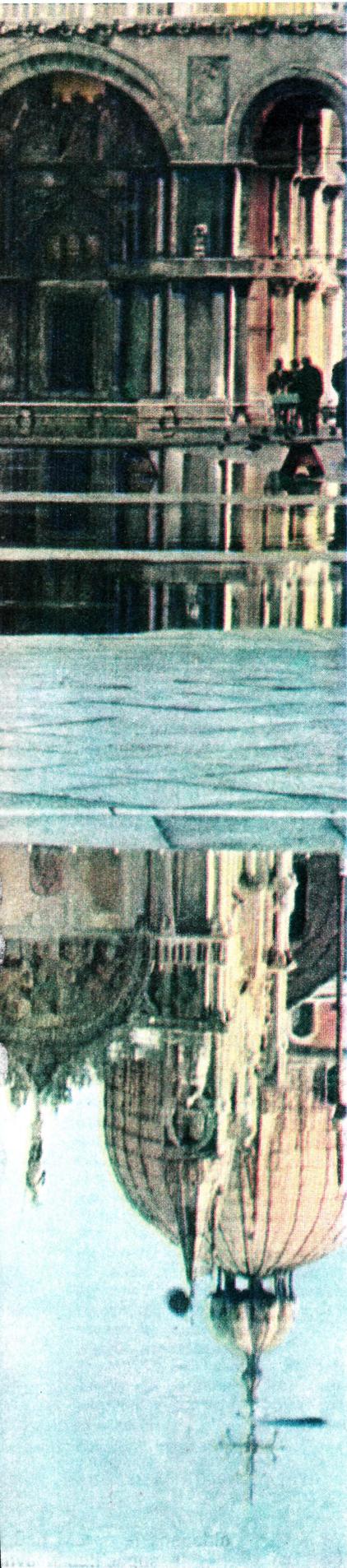
Перевела с английского
М. КОВАЛЕВА

ставить, какой эффект создавал висящий в полутьме над алтарем череп со сверкающими глазницами, двигающий челюстью и изрекающий повеления богов, — писал Дорланд. — Тем более когда в нем можно увидеть любые предметы реальной действительности — лица людей, горы, зверей — и плоды собственного воображения в переливчатой игре туманных пятен... Я сам наблюдал эффект, который оказывает этот череп из кварца на впечатлительных людей. У одних учащается пульс, другие испытывают жажду или ощущают различные запахи, некоторые даже засыпают. Жрецы, которые пользовались им, могли прослыть действительно всемогущими».

Возможно, ученые еще скажут свое последнее слово о назначении, происхождении и загадках «Череп смерти», тем более что в прошлом году дочь Митчела-Хеджеса передала его Музею американских индейцев в Нью-Йорке. Пока же остается в силе заключение эксперта-минералога из фирмы «Хьюлетт-Паккард компани», приведенное в журнале «Аргоси» (Argosy vol. 376, № 4): «Проклятая штукавина просто не должна существовать на свете. Те, кто ее высекал, не имели ни малейшего представления о кристаллографии и совершенно игнорировали оси симметрии. Она неминуемо должна была разлететься при обработке».







КОНИ ЛИСИППА

ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ

Пордость Венеции — площадь Св. Марка. Строгой четкости четырехугольник замыкается с трех сторон двухэтажной колоннадой, а с четвертой — собором. Солнечные лучи дробятся об архитектурные детали и украшения, на фоне неба очерчены шлемы пяти куполов.

Над центральным порталом вознеслась четверка скакунов, отлитых в бронзе и покрытых слоем позолоты. Они необузданны, эти кони, и никак не гармонируют с изысканным стилем собора. Сразу же чувствуется, что появились они там случайно, ибо являют собой элемент чужеродный, почти что варварский. И действительно, бронзовые скакуны жили своей собственной, отдельной от храма жизнью — жизнью исключительно бурной и полной приключений.

Кто создатель этой скульптуры, неизвестно, мнения по этому поводу расходятся. Некоторые утверждают, что она вышла из-под резца самого Лисиппа, одного из великой троицы скульпторов, к которой мы причисляем еще Скопаса и Праксителя. Другие же считают, что скульптуру эту создал лишь ученик Лисиппа, имя которого осталось неизвестным. Но так или иначе, принадлежит она руке мастера и происходит наверняка из эпохи эллинской, стало быть, изготовлена где-то в IV веке до нашей эры.

Когда-то скакуны были собственностью города Хиос, столицы и порта маленького островка, носившего то же название и расположенного в Эгейском море неподалеку от берегов Малой Азии. В древности остров этот славился фиговыми садами, виноградниками и великолепным мрамором. Богатые островитяне увлекались искусством, города острова были полны разнообразнейших монументов, и там возникла школа скульпторов реалистического направления. Вполне вероятно, что скакуны когда-то являлись частью квадриги, украшавшей ипподром.

...А теперь перенесемся в Константинополь, столицу могущественной Византийской империи. В 447 году нашей эры город был разрушен сильным землетрясением.



Императором был тогда Феодосий II, неутомимый строитель. Он восстанавливал город и, прежде всего, приложил все силы, чтобы расширить и украсить ипподром — сердце города, место, где проходили публичные собрания и так любимые народом состязания колесниц. Он без стеснения вывозил из Италии, Греции и Египта самые ценные скульптуры, не обращая никакого внимания на протесты их владельцев. И вот однажды в порт Хиос зашел императорский корабль и погрузил на борт бронзовых коней, недвижно простоявших на своем постаменте без малого восемь столетий.

СОКРОВИЩА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Скульптуру отправили в Константинополь и водрузили на крыше императорской ложи ипподрома.

Константинополь был городом с миллионным населением, один из самых красивых и цивилизованных городов тогдашней Европы.

Улицы города заполняла разноязыкая толпа, скорая на бунт, жаждущая хлеба и зрелищ. Императорам приходилось считаться с ее настроениями, и они старались завоевать ее доброжелательность бесплатной раздачей продовольствия и пышными торжествами на ипподроме.

Летописцы донесли до нас описание ипподрома после его восстановления. На трибунах могли поместиться семьдесят тысяч зрителей. Арена и амфитеатр были окружены стеной, увенчанной множеством статуй. Императорская ложа покоилась на двадцати четырех мраморных колоннах.

Семь с половиной столетий простояла четверка скакунов на крыше императорской ложи как свидетель многочисленных событий, происходивших на ипподроме. Надо сказать, что основным увлечением константинопольской толпы были гонки колесниц, продолжавшиеся от рассвета до полуночи. Правил «честной игры» в гонках не придерживались. Квадриги наезжали одна на другую, вытесняли друг друга с дорожек, а наездники зачастую хлестали соперников бичами.

Спортсмены, принимавшие участие в состязаниях колесниц, одевались в белые, красные, голубые и зеленые туники, зрители восторгались победами своих цветов, нередко именно здесь, на ипподроме, вспыхивали кровавые побоища, выплескивающиеся на улицы города. Со временем образовались постоянные фракции, которые впоследствии превратились в религиозно-политические группировки. Самыми главными и самыми многочисленными были фракции сторонников голубых и зеленых.

Во времена императора Юстиниана взаимная ненависть между фракциями привела к восстанию, получившему название «Ника». Началось с того, что сторонники голубых подали жалобу на зеленых и требовали их покарать. Устами герольда Юстиниан сурово осудил голубых за наглое поведение и приказал молчать.

Юстиниан захватил вожakov обеих группировок и велел их повесить. Увидев своих главарей на виселице, недавние противники тут же объединились и обратили оружие против властей. Восстание продолжалось пять дней, некото-

рые районы города были охвачены огнем. Жертвой пламени пали многие дворцы, часть императорского дворца, собор св. Софии и много других церквей, прекрасный портик на главном форуме и городская больница вместе с больными.

Долгие века взирали Лисипповы кони на бушевавшие у их подножия страсти. Но вот в начале тринадцатого века был провозглашен четвертый крестовый поход. Крестоносцы обратились к Венеции с просьбой предоставить им корабли — путь лежал через Средиземное море. Тогда дожем Венеции был полуслепой старец Энрико Дандоло, человек дьявольской хитрости и изворотливости, закоренелый скептик и циник. Венецианские банкиры и купцы заботились прежде всего о своих доходах, идея освобождения «святой земли» их мало беспокоила.

Дандоло уговорил крестоносцев ударить на Константинополь, обещая им фантастическую добычу. Вместо того чтобы двинуться на неверных, рыцари креста охотно приняли предложение дожа. Несмотря на свои 85 лет, Дандоло лично руководил штурмом, и гордая столица Восточной империи впервые в своей истории пала жертвой захватчиков. В поисках сокровищ захватчики вламывались в императорские гробницы, обдирая с них украшения и драгоценности. Они не щадили даже библиотек, уничтожая при этом ценнейшие памятники классической литературы. Именно тогда погибли единственные полные собрания сочинений Софокла и Эврипида. Вдребезги было разбито множество шедевров античной скульптуры, а среди них — волчица, кормящая Ромула и Рема, скульптурная группа, украшавшая некогда Рим.

Венецианцы были более цивилизованными, чем рыцари Франции, и поэтому быстро сообразили, какую ценность представляют собой награбленные произведения искусства. Дожу Дандоло особенно понравилась четверка скакунов, красовавшаяся на крыше императорской ложи ипподрома. Он приказал погрузить ее на корабль, доставил в Венецию и с триумфом водрузил над порталом собора.

Скакуны простояли в Венеции без малого шестьсот лет, пока не довелось им пережить новое приключение. На сей раз их спокойствие было нарушено Наполеоном. Наполеон облагал завоеванные города Италии крупнейшими контрибуциями и вывозил из них произведения искусства, чтобы обогатить Луврский музей. И по при-

казу Наполеона коней Лисиппа сняли с собора св. Марка.

Генрик Сенкевич в неоконченной повести «Легионы» так описывает этот случай:

«...Но, по правде говоря, нас, поляков, здесь не очень-то жалуют.

— Почему? — как бы сожалел, спросил Марек.

— Потому что по приказу Бонапарта Венецию призывал сдаться Сулковский, а потом нашим солдатам приказали снимать бронзовых коней с храма св. Марка, и местное население восприняло это очень близко к сердцу, поскольку они всегда очень любили св. Марка и его позолоченных скакунов.

— А что с ними стало?

— Отправили в Париж, как и другую ценную добычу. Но итальянцы не хотят понимать, что солдат должен выполнять приказ, и все твердят, что коней забрали поляки».

Прибытие скакунов в Париж обставлено было весьма торжественно. Их везли на четырехколесных платформах улицами города. Военный оркестр играл торжественный марш, а бесчисленные толпы парижан размахивали трехцветными флажками и возглашали здравицы в честь Бонапарта.

Но в Париже кони оставались только до 1815 года. После свержения императора пострадавшие государства потребовали возвратить награбленные произведения искусства. И кони Лисиппа вновь отправились в странствие...

И вот с той поры скакуны опять украшают собор св. Марка. Но последнее ли это прибежище странствующих коней?

На этот счет пока можно лишь пофантазировать. Так, например, известно, что Венеция постепенно погружается в ил окружающих ее лагун. Старые стены лопаются, некоторые башни опасно наклоняются, город медленно, но неудержимо уходит под воду. Площадь Св. Марка все чаще заливают наводнения. Инженеры делают что могут, чтобы приостановить этот неумолимый процесс: в фундаменты впрыскивают бетон и укрепляют башни стальными анкерами. Но подсчитано, что если современная техника не откроет каких-то радикальных способов спасения города, то через несколько столетий близлежащие дома опустятся в воду до уровня третьего этажа, а собор св. Марка будет торчать из воды лишь своими куполами. И что станет тогда со скакунами Лисиппа?..

Сокращенный перевод
с польского

Г. БУРГАНСКОГО, Ю. ЦЕНИНА

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

В дверях кухни появилась девушка в рабочем халате, с узелком в руке.

— Привет, — поздоровалась она. — Можно воспользоваться стиральной машиной?

— Конечно.

— Ингеда только что въехала, — объяснила Рея. — В ту самую квартиру, где Свяд жил.

Она повернулась к девушке с узелком:

— Как тебе квартира нравится?

— Здорово. Только уборная опять барахлит.

— Чтоб ее. Завтра утром позволю водопроводчику.

— А так все в полном порядке. Да, знаешь...

— Что?

— У меня стирального порошка нет.

— Возьми за ванной.

— И денег ни гроша.

— Ничего. Возьми на полкроны, потом отработаешь — скажем, запрешь подъезд на ночь.

— Спасибо.

Девушка вышла, Рея закурила новую сигарету.

— Да, вот тебе один ребус...

Квартира хорошая, я ее отремонтировала два года назад. Свяд платил всего восемьдесят крон в месяц. И все-таки переехал.

— Почему?

— Не знаю.

— Поругались?

— Что ты. Я с жильцами не ругаюсь. А зачем ругаться? Конечно, у каждого своя блажь. Но это только занятно.

Мартин Бек промолчал. Он отдышал душой. И чувствовал, что наводящие вопросы просто не нужны.

— А самое странное с этим Свядом — четыре замка поставил. Это в таком доме, где люди запираются только в тех случаях, когда не хотят, чтобы их беспокоили. А как собрался переезжать, отвинтил все замки, цепочки, задвижки и взял с собой. Надежно

был защищен — не хуже нынешних девочек.

— Это ты в переносном смысле?

— Ну конечно. Нынешним девчонкам нечего бояться, вон сколько средств придумано. А как я дрожала — вдруг попадусь! Постой, о чем мы говорили?

Мартин Бек рассмеялся. И сам удивился, но факт оставался фактом: он смеялся.

— Мы говорили о дверях Свяда.

— Ну да. А ты, оказывается, умеешь смеяться. Вот уж не ожидала. Я думала, ты давно разучился.

— Может, я сегодня просто не в духе.

— Правда, я только в шестнадцать лет влюбилась по-настоящему. Но в наше время все было иначе: дескать, ни к чему нищих плодить.

Она смяла сигарету и деловито заметила:

— Я слишком много говорю, кошмар. Вечная история. И это только один из моих недостатков. Хотя пороком это не назовешь... А ты как считаешь, это серьезный порок, если человек любит поговорить?

Он отрицательно покачал головой. Рея поскребла затылок и продолжила:

— А что, Свяд так и не расстался со своими замками?

— Нет.

Она тряхнула головой и сбросила деревянные башмаки. Уперлась пятками в пол и свела вместе большие пальцы.

— Чего не понимаю, того не понимаю. Или это у него мания такая была? Иногда я даже беспокоиться начинала. У меня ведь ко всем дверям запасные ключи. Мало ли что. В доме много стариков. Вдруг кто-то из них заболел, надо помочь. Как без ключа в квартиру попадешь? Но ведь никакой ключ не поможет, когда человек вот так забаррикадируется. А Свяд был уже в годах...

В ванной что-то загудело, и Рея крикнула:



Продолжение. Начало в № 6—9.

— Тебе помочь, Ингела?

— Да... если можно.

Она вышла, через несколько минут вернулась и сообщила:

— Теперь все в порядке. Кстати, о возрасте: ведь мы с тобой почти ровесники?

Мартин Бек улыбнулся. Он привык к тому, что никто не давал ему пятидесяти лет, от силы сорок пять.

— Да, он не то чтобы очень старый был, — продолжала Рея, — но со здоровьем у него не ладилось. Что-то серьезное было, он считал, что ему недолго жить осталось. Как раз перед тем, как пересечь, ложился на исследование. Что ему там сказали, не знаю. В онкологической клинике лежал, а это, насколько я понимаю, нехорошая примета.

Мартин Бек наострил уши. Важная новость! Но тут опять хлопнула наружная дверь, и кто-то громко позвал:

— Рея?

— Здесь я. На кухне.

Вошел мужчина. Увидев Мартина Бека, он остановился, но Рея живо пододвинула ему ногой стул:

— Садись.

Мужчина был молодой, лет двадцати пяти, рост средний, ладное телосложение. Овальное лицо, русые волосы, серые глаза, белые зубы. Одет в клетчатую рубашку, вельветовые брюки и сандалии. В руке он держал бутылку красного вина.

— Вот захватил по дороге.

— А я-то думала сегодня одним чаем обойтись, — сказала Рея. — Ладно. Доставь бокалы. Ставь четыре — Ингела стирает в ванной.

Она нагнулась, поскребла ногтями левую щиколотку, потом сказала:

— Бутылка на четверых — маловато будет. Ничего, у меня кое-что припасено. Возьми одну в шкафчике, с левой стороны. Штопор лежит в верхнем ящике, слева от раковины.

Мужчина выполнил ее указания. Он явно привык подчиняться. Когда он снова сел, Рея представила:

— Надо думать, вы незнакомы? Мартин... Кент.

Они обменялись рукопожатием. Рея наполнила бокалы и крикнула:

— Ингела, как справишься, тебят тут вино ждет.

Потом озабоченно посмотрела на парня в клетчатой рубашке:

— Какой-то ты кислый сегодня. В чем дело? Опять неудача?

Кент глотнул вина и спрятал лицо в ладонях.

— Рея, куда мне податься?

— Все еще без работы?

— И никакого просвета. Для чего я диплом получал, если мест свободных нет? Нет и, похоже, не будет.

Он потянулся к ней, хотел взять ее за руку, но она недовольно отодвинулась.

— Сегодня мне пришла в голову отчаянная мысль, — продолжал он. — Хочу знать твое мнение.

— Давай выкладывай свою мысль.

— Поступить в полицейское училище. Они всех берут, им не хватает людей. С моим образованием я вполне могу рассчитывать на продвижение, как только научусь бить по морде лиходеев.

— Тебе что, не терпится людей избивать?

— Будто ты не знаешь. Но ведь я могу сделать что-то полезное... Важно освоиться, а там можно попытаться изменить порядки.

— Между прочим, полиция меньше всего с лиходеем воюет, — заметила Рея. — А как ты думаешь кормить Стину и детей, пока будешь учиться?

— Можно занять денег. Я вчера узнавал, когда брал бланки для поступления. Вот, может, посмотрись и скажешь свое мнение. Ты во всем разбираешься.

Он вынул из заднего кармана несколько бланков, проспект и положил на стол.

— Или ты считаешь, что это безрассудная затея?

— Да уж... К тому же вряд ли полиции нужны думающие люди, которые собираются перестраивать ее изнутри. А как у тебя анкета? С точки зрения политики?

— Я состоял одно время в «Кларте», больше ничего не было. А в училище теперь всех принимают, кроме явных коммунистов.

Она задумалась, потом глотнула вина и пожала плечами.

— Что ж, попробуй... Вроде бы несуразная идея, а на деле может оказаться интересно.

— Меня ведь что беспокоит... Он чокнулся с Мартином Бекком.

— Ну что тебя беспокоит? — Голос Реи выдавал ее недовольство.

— Выдержу ли я, вот в чем вопрос. Служба-то какая...

Рея лукаво посмотрела на Мартина Бека; хмурое выражение на ее лице сменялось улыбкой.

— А ты спроси Мартина. Он у нас знаток.

Парень недоверчиво поглядел на Мартина Бека.

— Ты правда смыслишь в этом деле?

— Немного. И могу подтвердить, что полиции позарез нужны

хорошие люди. И в проспекте правильно сказано, что служба многогранная, можно специализироваться в разных областях. Если человек, например, увлекается вертолетами, или механизмами, или организационными проблемами, или лошадьми...

Рея хлопнула ладонью по столу так, что бокалы подпрыгнули.

— Хватит чушь городить, — сердито сказала она. — Отвечай честно.

К своему собственному удивлению, Мартин Бек ответил:

— Если вы согласны повседневно общаться с тупицами и чтобы вами помыкали спесивцы, карьеристы или просто идиоты, можно выдержать несколько лет. Главное, не иметь собственного мнения ни по каким вопросам. А потом... потом, глядишь, и сам таким станешь.

— Да, я вижу, ты не любишь полицию, — разочарованно сказал Кент. — Не верю я, что дело обстоит так плохо. Вообще о полиции многие предвзято судят. А ты что скажешь, Рея?

Она рассмеялась — громко, от души.

— Попробуй, — сказала она наконец. — Сдается мне, будет из тебя хороший полицейский. Тем более что кандидатов на это звание, судя по всему, немного. Так что тебе успех обеспечен.

— Ты pomoжешь мне бланки заполнить?

— Дай ручку.

...Звякнул колокольчик, скрипнула наружная дверь, и кто-то засемянил по коридору. На кухню вошла пожилая женщина.

— У меня что-то телевизор плохо показывает, — пожаловалась она.

— Если антенна виновата, я попрошу Эрикссона завтра проверить ее. Или же придется приемник чинить. Что поделаешь, уже давно стоит. А мы пока одолжим другой у моих друзей, у них есть лишний. Тоже старый, правда. Завтра договорюсь.

— Я сегодня хлеб пекла, вот и вам булку принесла.

— Спасибо, огромное спасибо. Вы не волнуйтесь, все будет в порядке с телевизором.

Рея вернула бланки Кенту и снова пристально посмотрела на Мартина Бека.

— Сам видишь, домовладелец обо всем должен заботиться. Именно должен, да мало кому это по душе. Большинство ловит, только и думает, на чем выгадать. По-моему, это свинство, я стараюсь все сделать, чтобы жильцам было уютно и чтобы они ладили между собой. Квартиры

привела в порядок, а вот для наружного ремонта денег нет. По-вышать квартирную плату тоже не хочется. Но ведь осень на носу, так что никуда не денешься.

У Мартина Бека было удивительно хорошо на душе. Ему не хотелось уходить из этой кухни. К тому же его немного разморило от вина. Как-никак больше года не брал в рот спиртного.

— Постой, — спохватилась она. — Разговор-то у нас о Сварде!

— У него были дома какие-нибудь ценности?

— Какие там ценности... Два стула, стол, кровать, грязный ковер да немного утвари — вот и все его имущество. Одежды — только что на нем. Нет, замки эти явно от помешательства. Всех людей сторонился. Со мной, правда, разговаривал, но только в самых необходимых случаях.

— У меня такое впечатление, что он был совсем нищий.

Рея глубоко задумалась. Наполнила бокал вином, сделала глоток и наконец ответила:

— А вот в этом я не уверена. Болезненно скупой — это да. Конечно, квартплату он вносил вовремя, но каждый раз ворчал. Изза восьмидесяти-то крон! И насколько мне известно, в магазине брал только собачий корм. Нет, вру — кошачий. Не пил. Расходов у него не было никаких, так что вполне мог бы позволить себе иногда взять немного колбасы, пенсия позволяла. Конечно, многие старики собачьим кормом обходятся, но у них больше уходит на квартиру. Да и то они разрешают себе побаловаться бутылочкой десертного вина. Свард себе даже приемника не завел. Я читала в курсе психологии про людей, которые ели картофельную кожуру и носили старое тряпье, а в матрасе у них были зашиты сотни тысяч крон. Да ты небось знаешь. Изъян в психике, не помню только, как называется.

— Но в матрасе Сварда денег не было.

— И он сменил квартиру. Не в его духе поступок. Ведь на новом месте, наверно, приходилось больше платить. Да и на переезд что-то пошло. Вот и пойми его.

Мартин Бек допил вино. Как ни хочется посидеть еще с этими людьми, пора уходить. Зато теперь есть над чем поразмыслить... — Ну ладно, я пошел. Спасибо. Всего доброго.

— А я собиралась приготовить макароны с мясным соусом. Оставься?

— Нет, мне надо идти.

Рея пошла проводить его до

дверей. Проходя мимо детской, он заглянул туда.

— Совершенно верно, — сказала она, — детей нет дома, они за городом. Я разведена.

Помолчала и спросила:

— Ты ведь тоже?..

— Тоже.

Прощаясь, она сказала:

— Ну пока, приходи еще. Днем я занимаюсь на летних курсах, а вечером, после шести, всегда дома.

Выждала немного и добавила с лукавинкой во взгляде:

— Потолкуем о Сварде.

Он видел по ее лицу, что она раздумывает над тем, как бы его удержать, чем соблазнить — например, макаронами.

Однако она передумала:

— Ну ладно, привет.

— Привет.

Никто из них не сказал «до свидания».

Пока он шагал к дому, стемнело.

Он думал о Сварде.

Он думал о Рее.

И хотя он этого по-настоящему еще не осознал, на душе у него было хорошо. Так хорошо, как давно не было.

XXII

За письменным столом Гюнварда Ларссона друг против друга сидели двое — хозяин стола и Колльберг. У обоих был задумчивый вид.

На календаре по-прежнему четверг, шестое июля, они только что покинули кабинет Бульдозера Ульссона, предоставив начальнику спецгруппы в одиночестве мечтать о счастливом дне, когда он наконец посадит за решетку Вернера Руса.

— Не пойму я этого Бульдозера, — сказал Гюнвард Ларссон. — Неужели он и впрямь собирается отпустить Мауритсона?

Колльберг пожал плечами:

— Похоже на то.

— Ну хоть бы слежку организовал, — продолжал Гюнвард Ларссон. — Прямой смысл... Или, по-твоему, у Бульдозера припасена какая-нибудь другая гениальная идея?

Колльберг покачал головой:

— Нет, по-моему, тут вот что: Бульдозер решил пожертвовать тем, что ему может дать слежка за Мауритсоном, ради чего-то еще более важного.

— Например? — Гюнвард Ларссон нахмурил брови. — Разве Бульдозеру не важнее всего накрыть эту шапку?

— Это верно. Но ты задумывался над тем, что никто из нас

не располагает такими надежными источниками информации, как Бульдозер? Он знает кучу воров и рецидивистов, и они ему всецело доверяют, потому что он их никогда не подводит, всегда держит слово. Осведомители — главная опора Бульдозера.

— Ты считаешь, что не будет ему ни доверия, ни надежной информации, как только они проведут, что он устроил слежку за стукачом?

— Вот именно, — ответил Колльберг.

— Все равно, по-моему, упускать такой шанс — глупее глупого, — сказал Гюнвард Ларссон. — Если незаметно проследить, куда направится Мауритсон, и выяснить, что у него на уме, Бульдозера от этого не убудет.

Он вопросительно посмотрел на Колльберга.

— Ладно, — отозвался тот. — Я и сам не прочь разузнать, что собирается предпринять господин Трезор Мауритсон. Кстати, Трезор — это имя или у него двойная фамилия?

— Собачья кличка, — объяснил Гюнвард Ларссон. — Может, он иногда под видом собаки орудует?... Но нам надо поторапливаться, его с минуты на минуту могут отпустить. Кто начинает?

Колльберг посмотрел на свои новые часы, такие же, как те, которые побывали в стиральной машине. Он уже два часа не ел и успел проголодаться. В какой-то книжке он прочел, что одно из правил диеты для тучных — есть понемногу, но часто, — и усердно выполнял вторую половину этого правила.

— Начни ты, — предложил он. — А я буду у телефона, как только тебе понадобится помощь или смена — звони.

Гюнвард Ларссон встал и застегнул пиджак.

В дверях он обернулся:

— Если Бульдозер будет меня искать, придумай что-нибудь.

Колльберг выдержал еще две минуты, потом спустился в столовую, чтобы расправиться с очередным диетическим блюдом.

Гюнварду Ларссону не пришлось долго ждать. Через несколько минут на крыльце появился Мауритсон. Подумав немного, он взял курс на Агнетан. Свернул направо, дошел до Хантваркагтан и повернул налево. Дойдя до автобусной остановки на площади Кунгсхольмсторг, он остановился.

Гюнвард Ларссон притаился в подъезде неподалеку.

Он отлично понимал, что перед ним стоит нелегкая задача. При

его росте и массе даже в толпе трудно оставаться незамеченным, а ведь Мауритсон узнает его с первого взгляда. Так что ехать с ним в одном автобусе нельзя... На стоянке такси через улицу ждала свободная машина.

Подождал шестьдесят второй автобус, и Мауритсон сел в него. Гюнвальд Ларссон дал автобусу отойти подальше, чтобы Мауритсон не увидел его из окна, и поспешил к такси.

За рулем сидела молодая женщина с копной светлых волос и живыми карими глазами. Гюнвальд Ларссон показал свое удостоверение и попросил ее следовать за автобусом.

— Как интересно! — сразу загорелась она. — Наверно, за каким-нибудь опасным гангстером гонитесь?

Гюнвальд Ларссон промолчал. — Понимаю, секрет. Не беспокойтесь, я умею держать язык за зубами.

Но этого она как раз не умела. — Поедем с таким расчетом, чтобы не обгонять автобус на остановках? — спросила она тут же.

— Вот именно, — процедил Гюнвальд Ларссон. — Только близко не подъезжайте.

— Ясно, чтобы он вас не заметил. Да вы опустите козырек от солнца, и сверху вас никто не разглядит.

Гюнвальд Ларссон послушался. Она поглядела на него с видом заговорщика, увидела перевязанную руку и воскликнула:

— Ой, что это у вас? Наверно, с бандитами сражались?

Гюнвальд Ларссон только крикнул в ответ.

— Да, полицейская служба опасная, — не унималась она. — Но зато и увлекательная! Я сама до того, как за руль сестры, собиралась в полицейские пойти. Лучшее всего в детективы, но муж был против.

Гюнвальд Ларссон молчал.

— Да и на такси тоже бывает интересно. Вот как сейчас, например.

Гюнвальд Ларссон криво усмехнулся в ответ на ее сияющую улыбку.

Она старательно выдерживала нужную дистанцию и на редкость хорошо вела машину, за это можно было простить ей болтливость.

Как ни отмалчивался Гюнвальд Ларссон, она успела наговориться хорошо, прежде чем Мауритсон наконец сошел с автобуса на Эрик Дальбергсгатан. Кроме него, никто не вышел, и, пока Гюнвальд Ларссон искал деньги, кареглазая

блондинка рассмотрела Мауритсона.

— Нисколько не похож на бандита, — разочарованно произнесла она. Получила деньги и быстро выписала квитанцию.

Тем временем Мауритсон пересек улицу и свернул на Армфельтсгатан. Как только он исчез за углом, Гюнвальд Ларссон поспешил вдогонку и увидел, как Мауритсон входит в подъезд.

Подождав немного, Гюнвальд Ларссон вошел следом. Где-то щелкнул замок. Он остановился перед доской с перечнем жильцов.

Фамилия «Мауритсон» сразу бросилась ему в глаза. Он удивленно поднял брови. Так, значит, Филип Трезор Мауритсон живет здесь под своей настоящей фамилией. А на допросах указывал адрес на Викергатан, там он известен как Леннарт Хольм. Ловко устроился... В эту минуту кто-то вызвал лифт, и Гюнвальд Ларссон поспешил выйти из подъезда.

Переходить через улицу было рискованно — еще увидит из окна, — и Гюнвальд Ларссон, прижимаясь к стене, вернулся на угол Эрик Дальбергсгатан, чтобы оттуда продолжать наблюдение.

Он протомился на углу минут сорок пять, прежде чем Мауритсон вышел из подъезда, направляясь в его сторону. Гюнвальд Ларссон отпрянул за угол и добежал до ближайшего подъезда. Кажется, не заметил...

Мауритсон прошел мимо, глядя прямо перед собой. Он был в другом костюме и нес в руке черный чемоданчик. Гюнвальд Ларссон выждал, когда он пересек Валхаллавеген, осторожно двинулся следом.

Мауритсон направился к метро, спустился на перрон и сел на поезд, идущий к центру. Гюнвальд Ларссон вскочил в следующий вагон.

У Хётторгет они вышли, и Мауритсон исчез в толпе.

Гюнвальд Ларссон весь перрон глазами обрыскал — как сквозь землю провалился! И на лестницах не видно. Неужели Мауритсон все-таки заметил его? В таком случае ничто не мешало ему перебежать через перрон и сесть на поезд, идущий в противоположную сторону.

Наконец он остановился перед витриной подземного универмага, кляня себя за невнимательность. Гюнвальд Ларссон мрачно посмотрел на итальянские замшевые туфли, которые охотно приобрел бы, будь в магазине его размер.

Только он решил выйти из мет-

ро, как в другом конце подземного зала показался Мауритсон. Он направлялся к выходу; к черному чемоданчику прибавился сверток с нарядной розеткой. Гюнвальд Ларссон дал ему подняться по лестнице и двинулся следом.

Дойдя по Свеаеверген до агентства аэрофлота, Мауритсон вошел в кассовый зал. Гюнвальд Ларссон продолжал наблюдение, укрывшись за товарным фургоном на Лестмакаргатан. Через большие окна было видно, как Мауритсон подошел к стойке и обратился к высокой блондинке в синей форме.

Интересно, куда это он собрался? На юг, должно быть, к Средиземному морю, а то и подальше, теперь многие в Африке отдыхают. Стогольм его, понятное дело, сейчас не устраивает — как только Мальмстрём и Мурен смекнут, что он их продал, ему несдобровать.

Мауритсон открыл чемоданчик, положил в него сверток, получил билет и сунул в карман пиджака. Выйдя на улицу, он не спеша зашагал в сторону Сергельсторг. Гюнвальд Ларссон проводил его взглядом и вошел в кассовый зал. Девушка, которая обслуживала Мауритсона, искала что-то в картотеке.

— Пожалуйста, что вам угодно? — спросила она, продолжая перебирать карточки.

— К вам сейчас подходил господин, мне нужно узнать, купил он билет? И если купил — куда?

— Простите, но я не обязана отвечать на такие вопросы, — сказала блондинка. — А зачем это вам?

Гюнвальд Ларссон положил на стойку свой документ. Девушка поглядела на удостоверение, потом на Гюнвальда Ларссона и сказала:

— Насколько я понимаю, вас интересует граф фон Бранденбург? Он взял билет до Енчёпинга на самолет, который вылетает в 15.40. На аэродром поедет на автобусе. Автобус отходит от Сергельсторга без пяти три. А что, граф...

— Спасибо, больше вопросов нет, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Всего доброго.

Идя к выходу, он соображал, с чего это Мауритсона вдруг потянуло в Енчёпинг. Потом вспомнил его анкетные данные: ну конечно, ведь он там родился, и там по-прежнему живет его мать. Ясно, Мауритсон решил спрятаться дома у мамочки...

Гюнвальд Ларссон вышел на Свеаеверген. Он поглядел в сторо-



Рисунки В. КОЛТУНОВА

ну Сергельсторг — вдали, наслаждаясь солнышком, не спеша шагал Трезор Мауритсон Хольм фон Бранденбург.

Гюнвальд Ларссон взял курс в противоположную сторону. Ему нужно было созвониться с Колльбергом.

XXIII

Леннарт Колльберг явился на Армфельтсгатан вооруженный всевозможными отмычками. Правда, не мешало бы, кроме того, запастись ордером на обыск с подписью прокурора Ульссона. Однако друзей ничуть не тревожил тот факт, что они нарушают

порядок. Расчет был прост: если в квартире Мауритсона найдется что-нибудь для Бульдозера, тот на радостях не станет придираться. А не найдут ничего — ему не обязательно знать о нарушении. К этому времени Мауритсон уже должен был вылететь из Стокгольма на юг, правда, не в Африку, но все же достаточно далеко, чтобы они могли работать без помех.

Квартира состояла из трех комнат, кухни, прихожей, ванной и производила очень приличное впечатление. Обстановка довольно дорогая, правда, с налетом безвкусицы.

Они вошли в гостиную. Прямо перед ними стояла стенка, отделанная под благородное дерево: книжные полки, шкаф, встроенный секретер. Одну полку занимали дешевые книжки, на других стояли всякие безделушки — сувениры, фарфоровые фигурки, вазочки, блюдечки. На стенах висели олеографии и репродукции, какие можно приобрести в сомнительных лавчонках. Мебель, гардины, ковры — все это, несомненно, стоило немалых денег, однако подбор был случайный, материал, цвет, узоры плохо сочетались.

В углу стоял небольшой бар. Подойдя к бару, Колльберг от-

ворил дверцы. Початая бутылка «Перфе д'Амур», остатки шведского десертного, нетронутая поллитровка пунша и пустая бутылка из-под джина «Бифитер».

Окно-фонарь выходило на улицу. У стены в другой комнате стояло пианино, в углу — приемник и проигрыватель.

— Прощу, музыкальный кабинет, — взмахнул он рукой.

— Ты можешь представить себе, чтобы эта тварь сидела тут и играла Лунную сонату? — спросил Гюнвард Ларссон.

Он подошел к инструменту, поднял крышку и заглянул внутрь.

— Во всяком случае, трупов здесь нет.

Когда общий осмотр закончили, Колльберг снял пиджак, и они взялись за работу всерьез. Начали со спальни. Пока Гюнвард Ларссон хозяйничал в стенном шкафу, Колльберг изучал ящики письменного стола. Долго они трудились молча, наконец Колльберг нарушил тишину:

— Слышь, Гюнвард.

В ответ из шкафа донесся какой-то невнятный звук.

— Слежка за Русом ничего не дала, — продолжал Колльберг. — Бульдозер жутко расстроился. Не оправдал он его надежд, не навел на Мальмстрёма и Мурена.

Гюнвард Ларссон, кряхтя, вынул голову и сказал:

— Он бы поменьше загадывал, не приходилось бы так часто расстраиваться. Впрочем, Бульдозер долго унывать не будет.

Гюнвард Ларссон выбрался из шкафа и затворил дверь.

— Ничего. Если не считать кучи безобразного тряпья, — сообщил он и направился в ванную.

А Колльберг тем временем занялся зеленой тумбочкой, которая служила ночным столиком.

В двух верхних ящиках лежало всевозможное барахло: бумажные носовые платки, ресторанные счета и магазинные чеки, шариковые ручки, открытка из-за границы с хвастливым текстом: «Водка, женщины, кровать — что еще надо. Стиссе», сломанная зажималка и тупая финка без чехла. Сверху на тумбочке валялся детектив. На обложке ковбой — ноги широко расставлены, в каждой руке по дымящемуся револьверу. «Перестрелка в Черном овраге»...

Колльберг полистал книжку: из нее на пол выпала цветная фотография, любительский снимок, — на лодочной пристани сидит женщина в шортах и белой майке. На обороте вверху было написано карандашом: «Мэйя, 1969». Пониже — снимки чернилами и другим почерком: «Монита».

Он сунул фотографию обратно в книгу. Потом выдвинул нижний ящик — он был глубже двух других — и позвал Гюнварда Ларссона.

— Нашел тоже место, где дергать точило, — сказал он. — Или это вовсе не точило, а какое-нибудь новейшее приспособление для массажа?

— Интересно, зачем оно ему понадобилось, — произнес Гюнвард Ларссон. — Вот уж кто не похож на столяра-любителя. А может, просто стащил где-нибудь? Или получил в уплату за наркотики?

Он вернулся в ванную.

Через час с небольшим обыск был завершен. Ничего особенного они не нашли — ни ловко спрятанных денег, ни уличающих писем, ни оружия; самые силеннейшие таблетки от головной боли да сельтерская вода.

Напоследок они осмотрели кухню, обшарили все ящики и шкафы. За кухонной дверью висело кольцо с двумя ключами.

— От чердака, — сказал Колльберг, показывая на них.

Гюнвард Ларссон осмотрел ключи и добавил:

— Или от подвала. Давай проверим.

К чердаку ключи не подошли. Тогда они спустились в подвал.

Большой ключ подошел к патентованному замку огнеупорной двери, за которой начинался короткий проход. Открыв правую дверь, они увидели шахту мусоропровода и подвешенный на каркасной тележке большой мешок из желтого пластика. Около стены еще три тележки; два мешка пустые, третий до краев наполнен мусором. В одном углу стояли совок и вешик.

Дверь напротив была заперта; за ней, судя по надписи, помещалась домовая прачечная.

Проход упирался в длинный поперечный коридор, разделявший два ряда нумерованных дверей с висячими замками всех родов и видов.

Колльберг и Гюнвард Ларссон довольно скоро нашли замок, к которому подходил меньший ключ. В чулане Мауритсона хранится только два предмета — старый пылесос без шланга и большой чемодан. Гюнвард Ларссон заглянул внутрь пылесоса.

— Пусто, — сообщил он.

— Зато здесь не пусто, смотри, — ответил Колльберг, который в это время расковырял замочек чемодана.

Он поднял крышку, и Гюнвард

Ларссон увидел четырнадцать больших бутылок пятидесятиградусной польской водки, четыре кассетных магнитофона, электрический фен и шесть электробритв.

— Контрабанда, — сказал Гюнвард Ларссон. — Или же скупка краденого.

— А по-моему, вознаграждение за наркотики, — возразил Колльберг и запер чемодан. Они вышли в коридор.

— Что ж, не совсем зря трудились, — подвел итог Колльберг. — Правда, Бульдозера порадовать нечем. Осталось только повесить ключи на место, и можно сматываться. Здесь больше делать нечего.

— Осторожный жук этот Мауритсон, — отозвался Гюнвард Ларссон. — А может быть, у него есть еще квартиры?

Он примолк, глядя на дверь в конце коридора. Над дверью красной краской было выведено: «БОМБОУБЕЖИЩЕ».

— Поглядим, если открыто, — предложил Гюнвард Ларссон. — Заодно уж...

Дверь была открыта. Бомбоубежище служило вместилищем всякогохлама.

— Мне всегда не по себе в таких помещениях, — произнес Колльберг. — В войну, когда устраивали учебные тревоги, я все представлял себе, что будет, если в самом деле разбомбят дом и бом! зубежище завалит...

В углу за верстаком стоял старый сундук с полустершейся надписью: «ПЕСОК».

— Смотри-ка, — сказал Колльберг. — Сундук с песком еще с войны стоит.

Он подошел и поднял крышку.

— Даже песок остался.

— Слава богу, не понадобилась, — заметил Гюнвард Ларссон. — Обошлось без бомб. А это что у тебя?

Он смотрел на предмет, который Колльберг только что извлек из недр ящика.

Зеленая американская брезентовая сумка армейского образца.

Леннарт Колльберг открыл сумку и выложил на верстак содержимое.

Скомканная голубая рубашка. Светлый парик. Мягкая синяя шляпа с широкими полями. Темные очки. И пистолет «клама автомат» сорок пятого калибра.

XXIV

В тот летний день три года назад, когда молодую женщину по имени Монита сфотографировали на лодочной пристани, она

еще не была знакома с Филипом Трезором Мауритсоном.

Это было последнее лето ее шестилетнего брака с Петером: осенью он познакомился с другой женщиной и сразу после рождения оставил Мониту с пятилетней дочерью Моной. По его просьбе она срочно обратилась в суд — он спешил расписаться с новой женой, которая была уже на пятом месяце, когда ему оформили развод. Моните осталась двухкомнатная квартира в Хёкарэнгене, и Петер вовсе не претендовал на ребенка. Он отказался даже от права регулярно общаться с дочерью; вскоре выяснилось, что он отказался и от обязанности платить алименты.

Больше всего огорчило Мониту то, что пришлось бросить курсы, на которые она недавно записалась.

Она уже давно чувствовала, как ее связывает недостаток образования, и ведь ее вины тут не было. После обязательных девяти классов она решила год отдохнуть от учебников, но познакомилась с Петером, вышла замуж, и мысль об учении пришлось оставить. На следующий год родилась дочь. Петер тем временем поступил на вечерние курсы, и только за год до развода, когда он их окончил, наступила ее очередь. Но с разводом все планы рухнули, ведь няню найти невозможно, а если и найдешь — где денег взять?

Первые два года после рождения ребенка Монита сидела дома, но, как только удалось пристроить дочь на день к частной воспитательнице, пошла на фабрику. Она и раньше, почти до самых родов, работала в разных местах: и в канцелярии, и кассиршей в магазине самообслуживания, и продавщицей, и работницей на фабрике, и официанткой.

Но когда Монита после двухлетнего перерыва опять начала искать место, оказалось, что положение на бирже труда ухудшилось, возможностей выбора куда меньше. Без специального образования и знакомств она могла рассчитывать лишь на самую нудную работу с невысоким жалованьем. Правда, как только она опять начала учиться и появилась перспектива, стало легче переносить убийственное однообразие конвейера.

Но после развода, когда она осталась одна и пришлось перейти на укороченный рабочий день с меньшей оплатой, ей стало невмоготу. В приступе отчаяния она уволилась, хотя и не представляла себе, что будет дальше.

Некоторое время Монита тянула

на скудное пособие по безработице. Только и думай, как свести концы с концами; квартплата, еда и одежда для дочери поглощали все, что удавалось наскрести. Она даже бросила курить, но кипа неполаченных счетов продолжала расти.

Под рождество она вместе с Моной поехала к старшей сестре в Осло. Родители погибли в автомобильной катастрофе пять лет назад, и, кроме сестры, у нее никого не осталось. С тех пор сестры встречали рождество вместе. Чтобы купить билет, Монита отнесла в ломбард обручальные кольца родителей и несколько брошек. Провела в Осло две недели, прибавила за это время три килограмма и вернулась после Нового года в Стокгольм совсем в другом настроении.

В феврале 1971 года Моните исполнилось двадцать пять лет.

С тех пор как Петер оставил ее, прошел год. У нее было ощущение, что за это время она переменилась больше, чем за все годы брака. Прибавилось жизненного опыта и уверенности в

себе. Правда, стала жестче и циничнее. И она очень тяготилась одиночеством.

Монита ходила гулять с дочкой, брала в библиотеке кучу книг, которые читала, когда спала Мона. Телефон теперь звонил редко, самой звонить некому, и, когда его совсем отключили за неуплату, она этого почти и не заметила. Она чувствовала себя в своей квартире как в тюрьме, но постепенно заточение стало для нее залогом покоя, а жизнь за стенами ее унылой конуры казалась все более чуждой и нереальной. По ночам, когда Монита бесцельно бродила по квартире не в силах читать от усталости и не в силах уснуть от душевной смуты, ей иногда казалось, что она сходит с ума.

Будущее дочери сильно тревожило Мониту, нередко она даже плакала от горечи и бессилия. Ей хотелось, чтобы Мона росла в человеческих условиях, окруженная заботой и теплом, а не в такой среде, где погоня за деньгами и социальным престижем, стремление возвыситься над другими де-



лают людей врагами, где слова «приобретать» и «иметь» соединяют знаком равенства со словом «счастье». Хотелось, чтобы ее ребенок узнал радость труда и товарищества, жил без тревог и унижений, жил достойно. Однако Монита отлично понимала, что в Швеции ни о чем таком мечтать не приходится.

Вернувшись домой из Осло, она решила взять себя в руки.

Монита в десятый раз обратилась в детский сад, и ей вдруг повезло: Мону приняли.

После этого она принялась искать работу.

И все время мозг ее сверлила одна мысль: как раздобыть денег? Монита решила во что бы то ни стало уехать из Швеции, в душе зрела ненависть к обществу, которое кичилось процветанием, тогда как на самом деле на долю подавляющего большинства выпала лишь одна привилегия: крутить маховик, приводящий в движение весь механизм.

Она перебирала в уме разные способы добыть нужные средства, но не видела подходящего решения.

Накопить деньги честным трудом? Исключено. До сих пор того, что оставалось после уплаты налогов, ей хватало только на квартиру и питание.

Выиграть в тотализаторе? Маловероятно. И все-таки она каждую неделю заполняла бланки спортивного лото: хоть какая-то надежда.

Ждать крупного наследства откуда. Где найдешь смертельно больного миллионера, который попросит ее руки и прикажет долго жить в свадебную ночь...

Некоторые девушки — она знала таких — хорошо зарабатывали проституцией. Теперь не нужно промышлять на улице, назовись моделью и открой ателье, или поступи в «Институт массажа», или запишись в какой-нибудь роскошный «Секс-клуб». Но сама мысль об этом была глубоко отвратительна.

Остается украсть. Но как и где? Да и не выйдет у нее ничего.

Ладно, для начала хоть бы на стоящую работу устроиться.

Моните посчастливилось: ее взяли официанткой в популярный ресторан в деловом центре Стокгольма. Удобные рабочие часы, и можно рассчитывать на приличные чаевые.

И вышло так, что за один из столиков Мониты однажды сел степенный человек с ординарной внешностью, который заказал

свинные ножки с картофельным пюре. Рассчитываясь, он сказал ей какой-то комплимент, но особого впечатления на нее не произвел. Правда, и Монита не привлекла его внимания, во всяком случае в тот раз.

Она не могла похвастать броской внешностью, в чем давно уже убедилась: люди ее редко узнавали при повторной встрече. Темные волосы, серо-голубые глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Средний рост (метр шестьдесят пять), нормальное сложение (вес — шестьдесят килограммов).

Некоторые мужчины считали ее красивой, но только те, у кого был случай как следует к ней приглядеться.

Когда Мауритсон в третий раз сел за столик Мониты, она узнала его и загадала, что он попросит шкварки с тушеным картофелем — в этот день они представляли в меню крестьянскую кухню. В прошлый раз он ел блины.

Мауритсон заказал шкварки и молоко и, когда она принесла ему заказ, сказал:

— А вы, должно быть, новенькая?

Монита кивнула. Она привыкла чувствовать себя безликой, а одежда официантки не прибавляла ей своеобразия.

Когда она принесла счет, он не поспешил на чаевые и заметил:

— Надеюсь, вы здесь приживетесь, как я прижился. В этом ресторане вкусно кормят, так что берегите фигуру.

На прощание он приветливо подмигнул ей.

Монита заметила, что аккуратный маленький человек, который всегда ест крестьянские блюда и пьет только молоко, намеренно выбирает один из ее столиков. Стоит у двери, посмотрит, где она обслуживает, и садится там. Ей это было не совсем понятно и чуточку лестно.

Монита считала себя плохой официанткой, она не умела сдерживать себя, когда нетерпеливый клиент начинал брюзжать, на грубость отвечала грубостью. Но работала она быстро и ловко и с теми, кто, на ее взгляд, того заслуживал, держалась приветливо, хотя без заигрывания и кокетства.

Мауритсон неизменно обменивался с ней дружескими репликами, и она стала воспринимать его как старого знакомого. Моните нравилась его несколько старомодная учтивость, пусть она даже не вязалась с его взгля-

дами, излагаемыми подчас в довольно энергичных выражениях.

Нельзя сказать, чтобы Монита была в восторге от своей новой работы, но в общем-то ничего, и она успевала забрать Мону из детского сада до закрытия.

У Моны появилось много подруг, и по утрам она буквально рвалась в детский сад. Ее лучшая подруга жила в том же доме, Монита познакомилась с родителями — славной молодой четой — и, когда им надо было пойти куда-нибудь, брала девочку ночевать к себе. В свою очередь, и Монита изредка пользовалась возможностью вечером сходить в кино. Других развлечений она не могла придумать, но все-таки теперь Монита уже не чувствовала себя такой связанной. А позже дружба с соседями ей еще больше пригодилась.

В один апрельский день — шестрой месяц ее работы в ресторане — Мауритсон позвонил ей к своему столику. Она подошла, кивнула на тарелку с гороховым супом и спросила:

— Невкусно?

— Превосходно, как всегда.

Но мне сейчас пришла в голову одна вещь. Я тут каждый день сижу, ем за милую душу, а вы все на ногах, все трудитесь. Вот я и подумал, — можно мне вас пригласить куда-нибудь поесть? Вечером, конечно, когда вы свободны. Скажем, завтра?

Монита недолго колебалась. Она давно уже вынесла свое суждение о нем: человек честный, трудолюбивый, непьющий, чулковат, правда, но вполне безобидный и симпатичный. К тому же его приглашение не было для нее неожиданностью.

— Ну что ж, — сказала Монита, — можно и завтра.

Посетив в пятницу ресторан вместе с Мауритсоном, она только по двум пунктам пересмотрела свое суждение о нем: во-первых, он не трезвенник, во-вторых, непохоже, чтобы он был таким уж большим трудолюбцем. Впрочем, он от этого не стал ей менее симпатичен. Больше того, ей с ним было очень интересно.

В ту весну они еще несколько раз ходили в ресторан, при этом Монита мягко, но категорически отклоняла попытки Мауритсона позвать ее вечером к себе на рюмку вина или napроситься в гости к ней.

В начале лета он куда-то пропал, а в июле она сама ездila на две недели в отпуск к сестре в Норвегию.

Возвратившись из отпуска, Монита в первый же день увидела

его за своим столиком, и вечером они встретились. На этот раз она поехала с ним на Армфельтсгатан и впервые осталась у него ночевать. Он оказался весьма приятным любовником.

Обе стороны были довольны тем, как складывались их отношения. Мауритсон не навязывался, и они встречались, только когда ей этого хотелось — один-два раза в неделю. Он относился к ней заботливо, тактично, им было хорошо вместе.

В свою очередь, и она вела себя деликатно. К примеру, Мауритсон избегал говорить о том, чем он занимается и откуда берет деньги. И хотя этот вопрос занимал Мониту, она не давала волю своему любопытству. Ей ведь не хотелось, чтобы он вторгался в ее жизнь, особенно она берегла Мону, а потому не вмешивалась в его дела. Она его не ревновала, он ее тоже — то ли чувствовал, что у нее больше никого нет, то ли не придавал этому значения. И о прошлом не спрашивал.

Осенью они все реже ходили куда-либо, а больше сидели у него дома — готовят что-нибудь вкусное, немного выпьют и рано ложатся спать.

Время от времени Мауритсон уезжал по делам, но куда и зачем — не рассказывал. Монита была не так уж глупа и быстро уразумела, что занимается он чем-то противозаконным, но, так как Мауритсон был ей симпатичен, она считала, что в глубине души он порядочный человек, так сказать, благородный жулик. Если даже и крадет, то только у богатых. И уж во всяком случае, не торгует белыми рабынями и не сбывает наркотики детям.

Под рождество Мауритсон по-неволле приоткрыл завесу над своей деятельностью. Рождество и для жуликов хлопотное время, и, боясь хоть что-то упустить, он пожадничал, набрал столько поручений, что одному справиться было физически невозможно. В самом деле, как в один день поспеть в Гамбург для замысловатой сделки и доставить заказ на аэродром Форнебу под Осло? А тут Монита, как обычно, собралась в Осло встречать рождество, и он не устоял против соблазна, попросил ее быть его заместителем и курьером. От нее не требовалось никаких смелых действий, но процедура передачи его посылки была обставлена столь хитрыми предосторожностями, что нелепо делать вид, будто речь идет о заурядном рождественском подарке. Мауритсон

тщательно проинструктировал ее и, зная отношение Мониты к наркотикам, изобразил дело так, словно речь шла о фальшивых бланках для махинаций с почтовыми переводами.

Монита не стала возражать и успешно справилась с заданием. Он оплатил ей проезд да еще добавил несколько сот крон.

Казалось бы, она должна войти во вкус — деньги дались легко и пришлось очень кстати, — однако, поразмыслив, Монита решила впредь поосторожнее относиться к таким поручениям.

Жаль, что не проверила сверток: кажется, Мауритсон все-таки обманул ее... Нет, лучше не выступать в роли его посланца. Что за радость таскать тайные свертки, в которых может быть все, что угодно, — от опиума до бомбы с часовым механизмом.

Должно быть, Мауритсон угадал настроение Мониты, потому что больше не просил ее выручить его. Но хотя он относился к ней по-прежнему, она стала открывать в нем такие черты, которых прежде не замечала. Так, он часто лгал ей, притом без всякой нужды, ведь она его никогда не спрашивала, чем он занимается, и не пыталась припереть к стенке. К тому же Монита начала подозревать, что он вовсе не благородный жулик, а скорее этакий «чегоизволите», ради денег способный на любые мелкие преступления.

После Нового года они встречались реже, и не из-за прозрения Мониты, просто Мауритсон чаще обычного уезжал по своим делам.

Судя по тому, что каждый свободный вечер он предпочитал проводить с ней, она вряд ли ему наскучила. Как-то раз, в начале марта, при ней к нему зашли гости, некие Мурен и Мальмстрём, как видно — деловое знакомство. Они были чуть-чуть помоложе Мауритсона, один из них ей даже понравился, но больше они не появлялись.

Зима 1972 года была для Мониты несчастливой. Ресторан перешел к другому владельцу, тот открыл пивной бар, старых клиентов растерял, а новых не приобрел, в конце концов уволил весь персонал и установил игральные автоматы. Опять Монита оказалась без работы, и она острее прежнего переживала одиночество, ведь Мона будни проводила в детском саду, а в субботу и воскресенье днем играла с подружками.

Ее злило, что она не может порвать с Мауритсоном. Впрочем, злилась она тогда, когда его не было, а с ним Моните было хорошо, и ей льстила его откровенная влюбленность. К тому же, кроме Моны, это был единственный человек, кому она была нужна.

Томясь без дела, Монита стала иногда заходить в квартиру на Армфельтсгатан, когда хозяин отсутствовал. Ей нравилось посидеть там, почитать книгу, побродить по комнатам среди вещей, с которыми она никак не могла свыкнуться, хотя видела их десятки раз. Кроме двух-трех книг и нескольких пластинок, у Мауритсона не было ничего, что она стала бы держать в своей квартире, и все же ей почему-то было у него уютно.

Он не давал ей ключа, она сама заказала. Это было ее единственное покушение на его независимость, и несколько дней она мучилась угрызениями совести.

Монита заботилась о том, чтобы после ее визитов не оставалось никаких следов, и ходила на Армфельтсгатан лишь тогда, когда была уверена, что Мауритсона нет в городе. Интересно, как он поступит, если проведет?.. Конечно, она иногда рылась в его вещах, но пока ей не попало ничего криминального. И ведь она вовсе не для этого обзавелась ключом, просто ей нужен такой вот тайный уголок. Разумеется, ее никто не разыскивал, и вообще никому не было дела до Мониты, но ей нравилось чувствовать себя недостижимой, как в детстве, когда во время игры в прятки удавалось найти такое местечко, где никто на свете не смог бы ее найти. Наверно, он сам дал бы ей ключ, если бы она попросила, но это испортило бы всю игру.

В один апрельский день, когда Монита буквально не находила себе места, она отправилась на Армфельтсгатан. Посидит в самом безобразном и самом удобном кресле Мауритсона, послушает Вивальди — смотришь, душа обретет покой.

Мауритсон уехал в Испанию, она ждала его только на следующий день.

Монита повесила пальто и сумку в прихожей, взяла из сумки сигареты, спички и прошла в гостиную. Все как обычно, чистота и порядок. Мауритсон сам занимался уборкой. В начале их знакомства она как-то спросила его, почему он не наймет уборщицу. Он ответил, что ему нравится

убирать и он не хочет лишать себя этого удовольствия.

Она положила сигареты и спички на широкий подлокотник, вышла в соседнюю комнату и включила проигрыватель. Отыскала «Четыре времени года», под звуки «Весны» сходила на кухню

за блюдцем, села в кресло, поджав ноги, и поставила блюдце на подлокотник.

Монита думала о Мауритсоне, о том, какой у них убогий роман. Уже год знакомы, а их взаимоотношения ничем не обогатились, не стали полновеснее, скорее напротив. Она не могла даже припомнить, о чем они разговаривали при встречах. Сидя в его любимом кресле и глядя на полку с рядами дурацких безделушек, она говорила себе, что он ничтожество, фитолька. Почему, да, почему она до сих пор не бросила его и не завела себе настоящего мужчину?..

Монита закурила, пустила струйку дыма к потолку и решила, что хватит думать об этом хлыще, только окончательно настроение себе испортишь.

Она села поудобнее и закрыла глаза, медленно помахивая рукой в такт музыке и стараясь ни о чем не думать. Посреди ларго рука задела блюдце, оно слетело на пол и разбилось вдребезги.

— А, черт, чтоб его, — вырвалось у нее.

Она встала, вышла на кухню, открыла дверцу под раковиной и протянула руку за венником, который обычно стоял справа от пакета для мусора. Веника не было на месте, тогда Монита присела на корточки и заглянула внутрь шкафика. Веник лежал на полу, и, потянувшись за ним, она увидела за мусорным пакетом портфель. Старый, потертый коричневый портфель. Должно быть, Мауритсон поставил его здесь, собираясь отнести вниз, в мусорный контейнер, потому что для мусоропровода портфель был слишком велик.

Но тут она заметила, что портфель надежно обмотан крепкой бечевкой, которая завязана несколькими узлами.

Монита вытащила портфель и поставила на пол. Тяжелый...

Любопытство взяло верх, и она принялась осторожно развязывать узлы, стараясь запомнить их последовательность. Потом размотала бечевку и открыла портфель.

Камни, плоские плитки черного шифера; где-то она совсем недавно видела такие же.

Монита озадаченно нахмурилась, выпрямилась и бросила окурки в раковину, не отрывая глаз от портфеля.

Зачем понадобилось Мауритсону набивать камнями старый портфель, обвязывать его бечевкой и ставить под раковину?

Настоящая кожа — наверно, когда-то была роскошная вещь...

И достаточно дорогая. Она поглядела на клапан с внутренней стороны — имени владельца нет. Постой, а это что: все четыре угла внизу обрезаны, то ли острым ножом, то ли лезвием. При чем сделано это недавно, срез совсем свежий.

Вдруг ее осенило. Ну конечно, он задумал утопить портфель в море! Ну не в море, так в заливе. Но почему?

Монита нагнулась и принялась вынимать из портфеля шифер. Складывая камни горкой на полу, она вспомнила, где их видела. В подьезде внизу, около двери, выходящей во двор. Очевидно, двор собираются мостить; там он их и взял.

Внезапно ее пальцы коснулись какого-то другого предмета. Он был гладкий, холодный и твердый. Монита вынула его из портфеля. И замерла, а в душе ее постепенно обретала четкие формы мысль, которая давно уже шевелилась в подсознании.

А что, может быть, это и есть решение. Возможно, этот блестящий металлический предмет — залог свободы, о которой она столько мечтала.

Длиной около двадцати сантиметров, широкое дуло, тяжелая рукоятка. На сизой плоскости над скобой выгравировано название: «лама».

Она взвесила его на ладони. Увесистый.

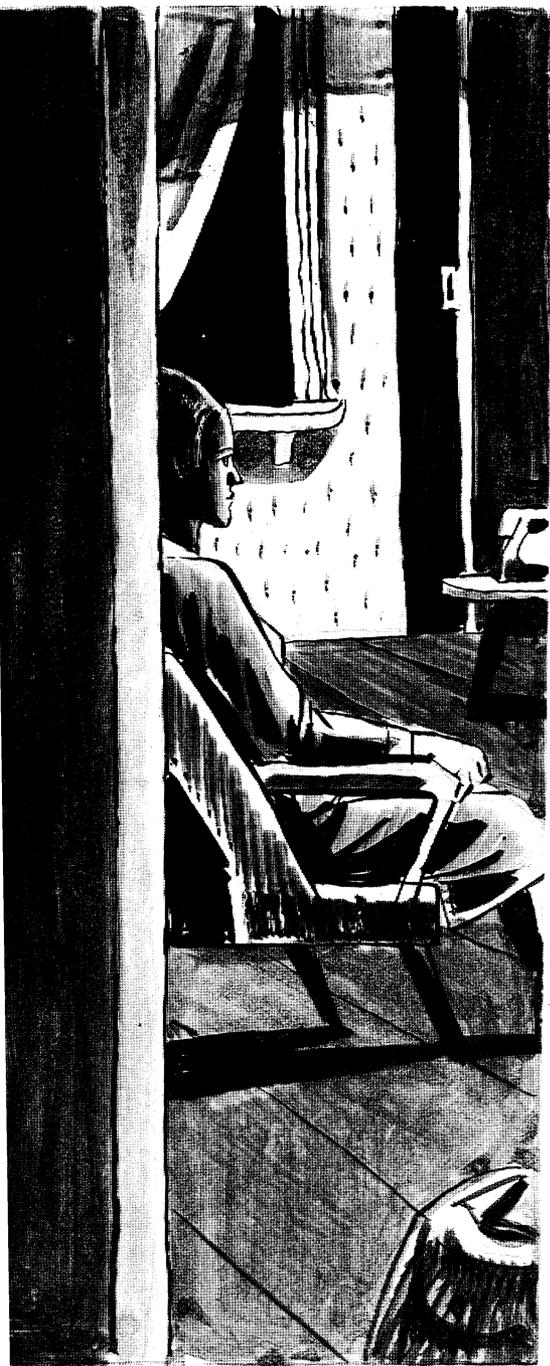
Монита вышла в прихожую и засунула пистолет в свою сумку. Потом вернулась на кухню, положила камни обратно в портфель, обмотала его веревкой и поставила портфель туда, где она шла его.

Взяла венник, подмела в гостиной, вынесла осколки в прихожую и высыпала их в мусоропровод. Потом выключила проигрыватель, убрала на место пластинку, вышла на кухню, достала окурки из раковины, бросила его в унитаз и спустила воду. Надела пальто, застегнула сумку, повесила ее на плечо и напоследок еще раз прошла по всем комнатам, проверяя, все ли так, как было. Пощупала в кармане, на месте ли ключ, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Придет домой — все как следует продумает...

XXV

В пятницу седьмого июля Гюневальд Ларссон поднялся очень рано. Правда, не вместе с солнцем, это было бы чересчур — по календарю в этот день солнце



взошло в Стокгольме без одиннадцати минут три.

К половине седьмого он принял душ, управился с завтраком и оделся, а еще через полчаса уже стоял на крыльце того самого типового домика на Сонгарвеген в Соллентуне, в который четыремья днями раньше наведывался Эйнар Рённ.

Гюнвальду Ларссону хотелось решить один маленький ребус, который всю неделю не давал ему покоя. Вообще-то пустяк, соринка в глазу, но лучше от нее избавиться, а заодно доказать самому себе, что он верно рассуждал и сделал правильный вывод.

Стен Шёгрэн явно не поднимался вместе с солнцем. Не одна минута прошла, прежде чем он отворил, позевывая и путаясь в завязках купального халата.

Гюнвальд Ларссон сразу взял быка за рога.

— Вы солгали полиции, — мягко произнес он.

— Я солгал?

— На прошлой неделе вы дважды описали приметы налетчика, будто бы похожего на женщину. Кроме того, вы подробно описали машину марки «рено-шестнадцать», которой налетчик якобы воспользовался для бегства, и двоих мужчин, которые были в той же машине.

— Верно.

— В понедельник вы слово в слово повторили свою версию старшему следователю, который приезжал сюда, чтобы побеседовать с вами.

— Тоже верно.

— Верно и то, что почти все рассказанное вами — чистейшая ложь.

— Я точно описал налетчика, что видел, то и сказал.

— Конечно, потому что другие тоже его видели. И к тому же вы сообразили, что в нашем распоряжении будет пленка из кинокамеры, установленной в банке.

— Но я по-прежнему уверен, что это была женщина.

— Почему?

— Не знаю. По-моему, девочку можно чутьем угадать.

— На этот раз чутье вас обмануло. Но меня привела сюда другая причина. Мне нужно получить от вас подтверждение, что история про машину и двоих мужчин — ваша выдумка.

— А зачем это вам?

— Мои мотивы вас не касаются. Тем более что они чисто личные.

Сонное выражение покинуло лицо Шёгрена. Он испытующе поглядел на Гюнвальда Ларссона и медленно произнес:

— Насколько мне известно, неполные или неверные показания не считаются преступлением, если они не даны под присягой.

— Совершенно верно.

— В таком случае я не вижу смысла в нашем разговоре.

— Зато я вижу. Мне важно разобраться в этом деле. Предположим, я пришел к какому-то выводу и хочу его проверить.

— И что же гласит ваш вывод?

— Что вы морочили голову полиции не из корыстных побуждений.

— В нашем обществе хватает таких, у которых только своя корысть на уме.

— Но ты не такой?

— Стараюсь... Правда, не все меня понимают. Например, жена не могла понять. Оттого я теперь холост.

— Значит, ты считаешь, что грабить банки — хорошо и что полиция — природный враг народа?

— Что-то в этом роде. Только не так упрощенно.

— Ограбить банк и убить преподавателя физкультуры — отнюдь не политическая акция.

— В данном случае нет. Но вообще надо учитывать идейные мотивы. А также историческую перспективу. Иногда ограбление банков вызвано чисто политическими причинами. Взять, например, революцию в Ирландии. Кроме того, бывает еще и неосознанный протест.

— Ты предлагаешь рассматривать уголовных преступников как своего рода бунтарей?

— А что, это идея. Да только видные сторонники социализма отвергают ее. Ты читаешь Артура Люндквиста?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон читал все больше развлекательные книжки и не испытывал потребности расширять свой литературный кругозор. Но это к делу не относилось.

— Люндквист получил международную Ленинскую премию, — сообщил Стен Шёгрэн. — В антологии, которая называется «Человек социализма», он говорит примерно следующее, цитирую по памяти: «Порой доходит до того, что явных преступников изображают как носителей сознательного протеста против язв общества, чуть ли не как революцио-

неров... В социалистической стране такое невозможно».

— Продолжай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конец цитаты, — ответил Шёгрэн. — Я считаю, что тут и рассуждать-то не о чем. Во-первых, не обязательно быть идейным, чтобы восставать против общественных пороков, если тебя доведут. А что до социалистических стран, то и подавно все ясно, — зачем людям грабить самих себя? Никакого смысла.

После долгого молчания Гюнвальд Ларссон спросил:

— Значит, никакого бежевого «рено» не было?

— Не было.

— И никакого бледного шофера в белой майке, никакого парня в черном, похожего на Харпо?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон кивнул, думая о своем. Потом продолжал:

— Дело в том, что грабитель, похоже, попался. И никакой он не стихийный революционер, а паршивая крыса, которая паразитировала на капитализме, кормилась перепродажей наркотиков и порнографии и ни о чем, кроме барыша, не думала. Одна выгода на уме. И он сразу начал продавать своих приятелей, торопился спасти собственную шкуру.

Шёгрэн пожал плечами.

— Он не один такой... Но все равно человек, который ограбил этот банк, — он, как бы тебе объяснить, — горемыка. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Слушай, а откуда у тебя вообще такие мысли?

— Угадай... Попробуй поставить себя на мое место.

— Тогда кой черт тебя понес в полицию?

— Случайность. Вообще-то я моряк. К тому же это было давно, тогда мне многое представлялось не так. Но это к делу не относится. Я выяснил то, что хотел.

— Значит, все?

— Все. Привет.

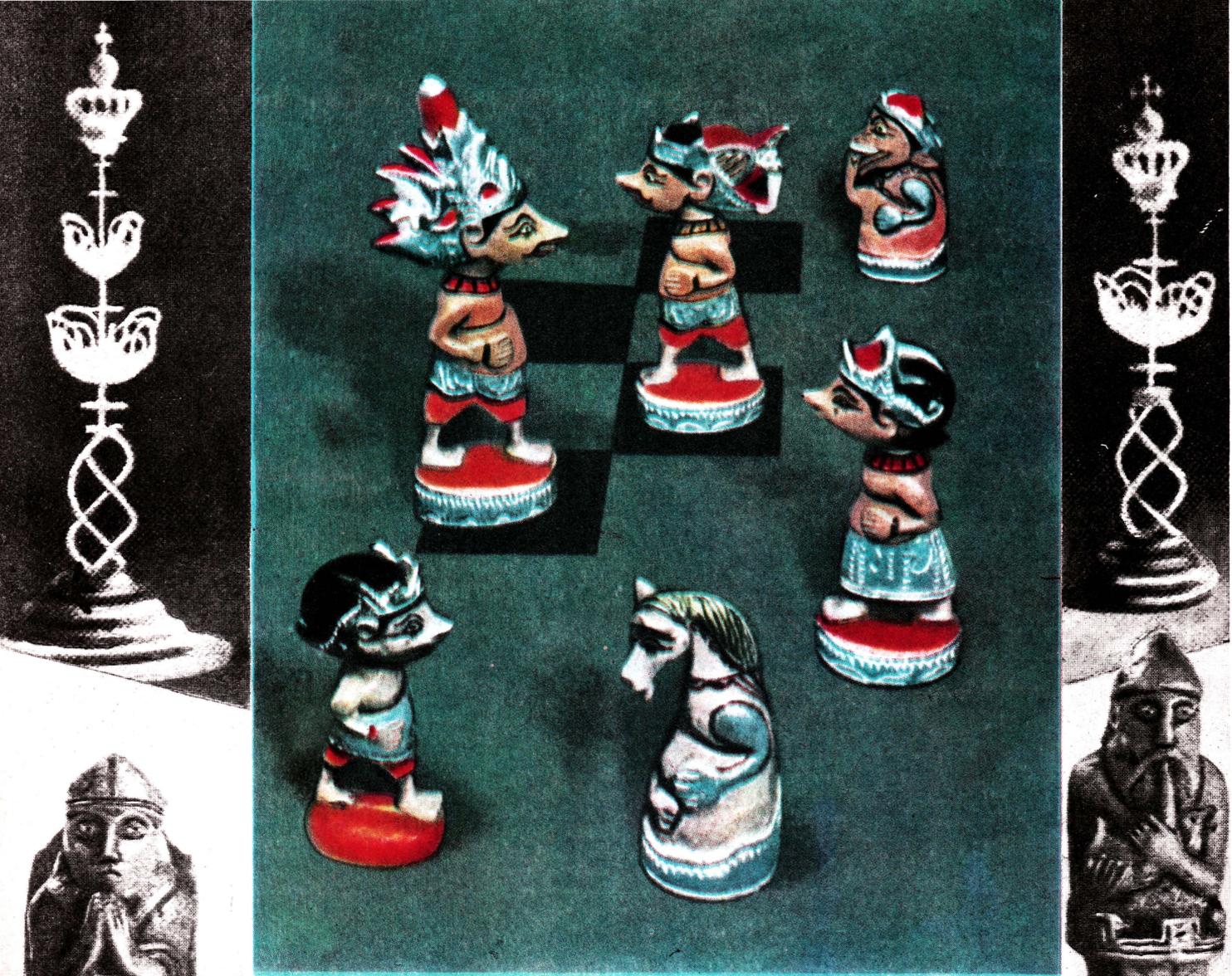
— Привет, — отозвался Шёгрэн. — Всего доброго.

Лицо его выражало полное недоумение. Но Гюнвальд Ларссон этого не видел, потому что уже ушел. И он не слышал заключительных слов Шёгрена:

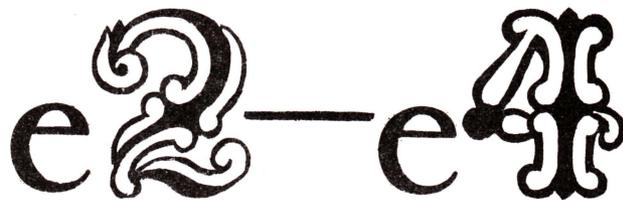
— Все равно я уверен, что это была девочка.

Продолжение следует

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ



КАРЕЛ ОПОЧЕНСКИ,
заслуженный мастер спорта ЧССР
по шахматам



Леоnard С. Вулли, британский археолог, обнаружил в 1934 году на королевском кладбище Ура, столицы некогда могучей шумерской империи, могилу королевы Шубад (имя королевы было написано на браслете). В могиле нашли двести семьдесят разных предметов — золотые вазы, ча-

ши, бокалы и многое другое, в том числе то, ради чего мы вспомнили о находке Леонарда С. Вулли: разливанную в клетку доску и фигурки волков и овец. Игра в волки-овцы должна была помочь королеве развить скуку загробной жизни. Возраст игры — четыре тысячи лет.

Фигурки шумерской королевы, конечно же, не были еще шахматами. Самые древние шахматы нашли при раскопках в долине Сурхандарьи в Узбекистане. Фигурки — слон и зебу — вырезаны из слоновой кости и, по мнению специалистов, соответствуют нынешним ферзю и туре.

Между обеими находками две тысячи лет. Как же получилось, что простенькая утеха шумерской королевы развилась в столь сложную и совершенную игру, как шахматы? История об этом умалчивает, зато в многочисленных легендах явно сохранилась частица исторической правды.

...За семью морями, за семью горами, короче говоря, очень далеко от Шумера, в Китае жил некогда некий Куан Хи, ремесленник на службе князя Ин. В свободное время он любил вырезать из эбенового дерева маленькие фигурки. Как-то попала одна из фигурок в руки князя, и тот безошибочно узнал в ней своего министра. Куан Хи принес и остальные фигурки, а князь пытался определить, кого какая из них изображает. Вот воин в доспехах, вот набожный монах, а вот король и королева. Забавно! А нельзя ли использовать фигурки для какой-нибудь игры, чтобы развеять тошноту дворцовой рутин?

Тут-то, гласит легенда, и пришла Куан Хи в голову мысль вырезать из эбена две армии.

— В первый ряд мы поставим пехотинцев, — объяснил мастер, — чтобы они охраняли границы и защищали своих повелителей. Идти они смеют только вперед, при любой опасности — вперед.

— А что же остальные фигурки?

— Лучше всего, чтобы у каждой из них был определенный квадрат на деревянной доске. Каждая из них может показать во время боя, на что она способна, но только так, как позволяют ей обязанности и положение. Например, офицер не имеет права напасть на врага, отделенного от него двумя квадратами, зато он может неожиданно ринуться в бой, незаметно приблизившись со стороны. Святые отцы никогда не ходят прямо, зато они могут пройти куда угодно. Королевских вассалов видно издалека, они сидят в своих замках. Двигаться они могут по прямой, зато за ними сохранено право помочь своему властелину, когда ему угрожают враги.

Было так или не было, судить теперь трудно, но только уже в глубокой древности игра «сянчи» распространилась по всей Поднебесной империи. Правда, и «сянчи» не совсем то же самое, что наши шахматы. Правила ее много сложнее. Доска разделена «рекой». Через «реку» не

имел право перейти ни «министр», ни «слон», зато «пешие воины» могли передвигаться по обоим ее «берегам».

Партия могла длиться несколько дней, а то и неделю. Говорят, что заядлые любители могли просидеть за доской и больше. На этот счет, конечно, тоже существует легенда.

...Некий Ван Ци, дровосек из Синани, пошел в горы рубить дрова. На полянке он увидел двух человек, склонившихся над доской. Поскольку Ван Ци был сам любителем шахмат, он положил топор на землю и стал с большим интересом следить за партией. Когда партия кончилась, Ван Ци хотел было поднять топор, но оказалось, что от топорница осталась одна труха. Несколько удивленный Ван Ци пошел домой — и не узнал деревни: новые дома, другие люди. За те сто лет, что он проторчал за спинами игроков, деревня сильно изменилась...

Не верите? Спросите у какого-нибудь шахматиста, и он вам подтвердит, как быстро бежит время за игрой.

Как и положено китайцам, никаких изобретений за пределами Китая они не замечали. А гораздо раньше, чем в Китае, появилась в Индии игра, называвшаяся «чатуранга». Слово это можно перевести как «четыре части», причем «части» имеются в виду воинские. В Древней Индии армия состояла из пехоты, кавалерии, тяжелых колесниц и боевых слонов.

Сказкам и легендам о возникновении шахмат нет числа. Но все легенды появились в Индии и Китае. Уже в 1694 году оксфордский профессор Хайд выступил с теорией индийского происхождения шахмат. Дальнейшие исследования английских ученых из Королевского азиатского общества в Калькутте доказали, что некий прообраз шахмат существовал в Индии уже в 300 году до нашей эры. В буддийских монастырях игра приобрела впоследствии почти современный вид.

Из Индии игра проникла в Иран и во время царствования Хосрова I Ануширвана стала игрой всенародной. Доходило до того, что на пост деревенского старосты мог быть избран лишь человек, хорошо играющий в шахматы.

Два мощных культурных потока шли из Персии в Европу. Первый — северный — через Кавказ на Нижний Новгород, второй — через Византию в

страны Средиземноморья. В Италии времен Ренессанса была богатая шахматная жизнь и даже шахматная литература. В Испании шахматы распространили мавры, великие любители этой игры.

В русских шахматных терминах до сих пор сохранились индийские слова, например: ферзь, что значит «министр». Офицера можно также называть слонем, как именовали эту фигуру в Индии. Тот же поток принес шахматы в Сибирь и в Центральную Азию. Русский этнограф профессор Савенков обнаружил в 1905 году у кочевников северо-западной Монголии сибирский вариант шахмат — «шодру». Фигуры здесь выглядят совершенно иначе, чем мы привыкли, и называются: хозяип, верблюд, собака, тележное колесо, стадо.

До сих пор считали, что королева, наиболее значимая из шахматных фигур, появилась в Европе. Это связывали со средневековым рыцарским культом дамы. Но вот обнаружен был набор индийских шахмат: битва между войсками индийской махарани Бегум Самру и шаха Ирана Фет-Али. Исторические события переданы настолько точно, что король на индийской стороне доски изображен в виде гладковыбритого белолицего человека. И верно — мужем Бегум Самру был француз.

В Европе шахматы тоже зачастую изображали реальные события. Французский король Людовик XI заказал себе «Битву между королем франков Хлодвигом и вестготским принцем Аларихом II». У этой игры был один недостаток: выигрывать могли только франки. Этими фигурами всегда играл король. Так что недаром прослыл он первоклассным шахматистом.

Королевская игра — и сотни подобных шахмат — произведения искусства — сделаны были в окрестностях города Дьеп. И поныне там живут потомственные мастера — резчики шахмат.

Современная эпоха лишила шахматы пышных одежд, украшений и золота. Зато в них играют теперь в любом уголке света. И — как тысячи лет назад — по-прежнему кипят страсти и бушуют сражения в подчиненном строгим правилам и нескончаемо многообразном микрокосме на шестидесяти четырех клетках шахматной доски.

Перевел с чешского Л. ОЛЬГИН



КАК НАШЛИСЬ НОГИ

Не так давно мелкий ремесленник из Севильи приобрел на блошином рынке картину — горное озеро с оленями на берегу. Художественные достоинства картины были весьма сомнительными, но новому владельцу она нравилась. Правда, краски были какие-то линялые, и хозяин отдал картину реставратору — подновить. Велико же было изумление реставратора, когда на глазах озеро исчезло, а вместо него возникли мужские ноги. Нет, это казалось невероятным, ведь... Но не будем торопиться.

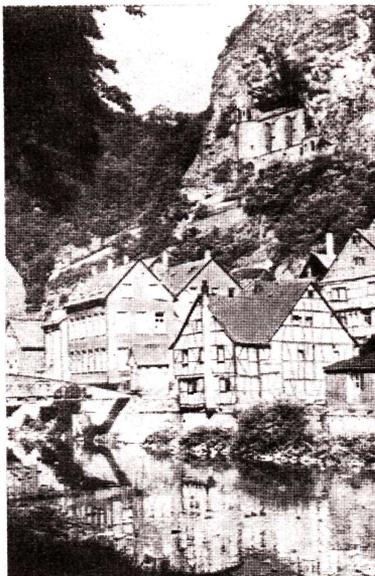
Реставратор предложил продать ему картину; хозяин уперся, хотя и не понимал еще, в чем дело. Наконец его удомала сумма в три миллиона песет. Реставратор понес картину домой. Оказалось, он был прав: это была нижняя часть картины великого Эль Греко, изображающая святого Себастьяна. Верхняя часть, хранящаяся в мадридском музее Прадо, всегда смущала знатоков искусства своей незавершенной композицией. Наконец, искусствоведы пришли к выводу, что святой прежде имел ноги, но они были отрезаны одним из прежних владельцев из-за отсутствия рамы надлежащей величины...



ВАС ИЩЕТ СЛОН

Бэби 20 лет, и, как большинство своих сверстниц, она влюблена. Одно уточнение: Бэби слониха, а предмет ее пылкой привязанности дрессировщик Ганс Вилли, с которым они выступают на аренах ФРГ. Преданность Бэби поистине не знает преград. Судите сами — недавно в городке Анштадт дежурный полицейский арестовал Ганса за нарушение правил уличного движения и доставил в участок для выяснения личности. Не прошло и часа, как в полицию позвонил бургомистр: «Немедленно освободите Вилли. Его ищет по всему городу слон!» В самом деле, соскучившись по своему другу, Бэби оборвала толстую цепь, прикованную к дереву, и бодрой трусцой помчалась по Анштадту, наводя ужас на прохожих.

Появление Ганса успокоило ее, и оба артиста вернулись в цирк. Ненаказанные.



КАМНИ ВО СПАСЕНИЕ

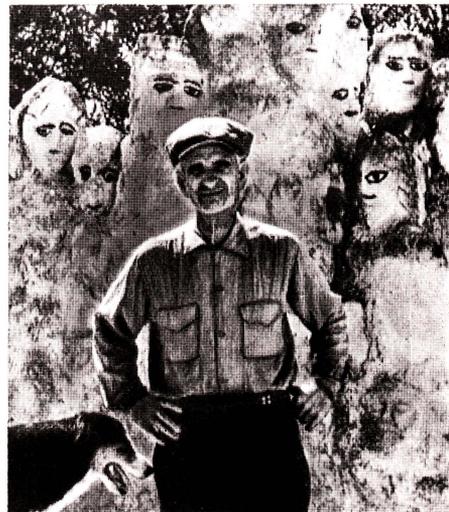
Городок Идар-Оберштейн в ФРГ невелик, домов в нем немного, и в каждом работают. Судите сами: в Идар-Оберштейне на 10 тысяч человек населения насчитывается 514 мастерских по обработке агатов, аметистов, топазов и т. д. Дело в том, что окрестные старые горы, разрушаясь, устилали ложе реки обломками породы, в которую вкраплены полудрагоценные камни. В средние века говорили, что здесь улицы вместо булыжников вымощены драгоценностями.

Однако к концу прошлого столетия жила оскудела, и местные мастера превратились в безработных. Возникла угроза, что городок совсем обезлюдеет, так как других профессий жители не знали. Тогда-то гранильщики из Идар-Оберштейна отправились за тридевять земель — в Бразилию, Колумбию, Южную Африку — на поиски новых месторождений. Обосновавшись на новом месте, эмигранты хранили верность маленькому городку близ Верхнего Рейна. Из своего далека они партиями слали домой камни для обработки. Идар-Оберштейн был спасен. И его мастерские работают по сей день.



ТРЕБУЕТСЯ ХУДОЖНИК

Сицилийцу Филиппо Бентеванья в школу ходить не довелось. Сызмальства он работал на винограднике, взрыхляя каменистую почву родного острова. И вот теперь, на склоне лет, передав хозяйство пятерым сыновьям, Филиппо решил заняться делом, о котором мечтал всю жизнь. Дети его читали по очереди в учебнике истории о национальном герое Италии Гарибальди, которого Бентеванья очень полюбил. Он гордился тем, что является соотечественником столь выдающегося человека, и решил увековечить его образ в камне. Привычками к работе руками Филиппо выскочил в скальном выступе двенадцать голов народного героя. Трудность заключалась в другом: как придать им черты лица Гарибальди? «Жаль, что я не обучился рисованию, — сокрушался старый крестьянин. — Но я уверен, что найдется художник, который захочет мне помочь». Объявление такого содержания Бентеванья поместил в газетах. На него сразу же откликнулось более сотни человек! Теперь остается выбрать среди них самого талантливого.



ГОЛОСУЙТЕ ЗА НАС!

«Дорогие женщины, как вы знаете, у нас в Коста-Рике холостых мужчин мало. Но обещаем вам, что, как только придем к власти, мы немедленно начнем импорт женихов из ФРГ, Франции и Испании». Объявление такого содержания, подписанные правлением одной из политических партий Коста-Рики, появились в прессе и на стенах домов. И это сделано своевременно: приближаются выборы, в которых симпатии незамужних женщин — немаловажное подспорье.



НЕ ГОВОРИ, ПОДРУЖКА...

Маска, которую вы видите на снимке, изготовлена не в Африке и не на островах Полинезии. Это шотландская маска. Оказывается, до XVIII века среди шотландских феодалов были популярны не только юбки-кильты, но и вот такие маски из меди. Правда, в отличие от юбок их надевали не на мужчин, а на женщин. Справедливости ради заметим, что ношение масок не было особым удовольствием для представительниц прекрасного пола: отверстие для рта плотно закрывается на засов. Дело в том, что такие маски шотландские мужи приобретали для своих жен, вконец ослепших от их болтовни. Только с помощью масок, собираясь вечерами у очага, они имели шанс перебраться парой фраз.



ШЕРЛОК ХОЛМС С КОЛЛЕГАМИ

По случаю юбилея Интерпола (международной организации уголовной полиции) никарагуанская почта выпустила серию марок, на которых изображены сыщики. Нет-нет, это не были отличившиеся следователи. На марках фигурируют герои наиболее популярных детективных романов. Среди них портреты Шерлока Холмса, Мегрэ, патера Брауна и других. Благородство этих персонажей не вызывает сомнений.

В МИРЕ ДУХОВ

Курсантов американской военной академии в Вест-Пойнте объяла тревога — в здании появились привидения! Многие его видели лично: перед дверьми комнаты номер 4714 появлялась рослая фигура солдата времен президента Джексона с мушкетом в руке. Командант здания официально сообщил, что «факт имеет место». Во всяком случае, заявил он, от комнаты «тянет ледяным холодом». Для лучшей осторожности командант запер и опечатал опасное помещение до рождественских праздников 1974 года.

ВСЕ ПО КАНОНУ

Этот паровоз являет собой точную копию американских локомотивов времен покорения Дикого Запада. Разве что уменьшенную в три раза. Но поезд мчится не сквозь прерии Техаса, а тихонько пыхтит в центре Франции, по берегу Луары. Протяженность пути — два с половиной километра. Зато там несколько станций с дощатыми перронами, салунами и прочими атрибутами классического «вестерна». Линия была построена несколько лет назад для киносъёмки и осталась с тех пор для развлечений. Поезд назван «Магдалена» — в честь героини фильма. Правда, железнодорожный аттракцион «Дикий Запад» должен включать нападение на поезд бандитов, но их оказалось не так-то легко найти: зарплата невелика, а вещи, отобранные у туристов, приходится возвращать на конечной станции...



ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1911 год

МИФ О СТОЛЕТНЕМ РАСТЕНИИ

Общераспространенные мифы и поверья очень трудно разрушить. В человеке живет пристрастие к сверхъестественному. Может быть, это инстинктивное желание отойти от прозы повседневной жизни, унесясь в область фантазии. Но как-никак, очень трудно убедить людей, что красивые легенды не более как вымысел.

К числу подобных легенд принадлежит поверье об алоэ — этом оригинальном растении, у нас разводимом в оранжереях, а на европейских и африканских берегах Средиземного моря растущем дико. Что же до американского алоэ, то оно, как считают многие, цветет, лишь достигши ста лет, после чего умирает. Это поверье так нравится, что нашло себе широкий доступ в литературу.

Заметим прежде всего, что американское алоэ вовсе даже не алоэ. Линней, определив его, назвал агавой. И это правильно.

Алоэ греков, растущее у них в стране, доставляло неизмеримо горький сок, даже вошедший в пословицу. «В нем больше алоэ, чем меду», — говорил Ювенал.

«Американское» же алоэ попало врачу Людовика XIV Борелю. Он описал, «как из одного старого растения посыпался будто взрыв, и из середины листьев поднялся стебель, вырвавшийся с такой быстротой, что жители Монпелье могли наблюдать за его увеличением, пона, наконец, через пять дней он достиг размеров молодого дубка».



Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Должно быть, Гейне читал легенду Бореля об алоэ, поскольку вставил ее в свою «Прогулку по Гарцу»: И у одного английского поэта находим упоминание о легендарном растении:

Есть сердца, на алоэ похожие:
Раз расцветут и умрут.

НЕПРИВЫЧНЫЕ ЛАКОМСТВА

Великую изобретательность показывает человек в кулинарной области — пожалуй, не меньшую, чем в области мод и нарядов. Однако не всякое блюдо, которым гостеприимно попотчуют на чужой стороне, покажется яством, и не за всякое угощение поблагодарить в душе. Кому неизвестны знаменитые китайские меню, где наряду с тухлыми яйцами фигурируют моченые мыши? Впрочем, и

не нужно так далеко ездить, чтобы рискнуть на обед получить совсем нежелательное яство. Модники во всем, французы и в кулинарном искусстве проявили столько же смелости, сколько фантазии, и с их легкой руки западные европейцы включили в число притихших деликатесов лягушачьи ляжки. У нас это лакомство, несмотря на все уважение к французской кухне, не прививается, как известно, и нынешний россиянин вполне сочувственно относится к словам Собакевича: «Ты мне лягушечку хоть всю сахаром облепи, а я ее есть не стану».

Как не вспомнить тут тех «исследователей природы», которые на службе у римских богачей — нобилей заняты были отыскиванием неведомых дотоле съедобных продуктов и ввели, между прочим, в изысканный стол знати жидких гусениц ивового древооточка.

Не следует думать, что разные народности просто неразборчивы в пище из-за ее недостатка. Напротив, у них есть свои гастрономические вкусы. Те самые негры, которые едят паразита из желудка коровы, с отвращением смотрят на англичанина, завтракающего привычным кровавым бишкетом.



СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ — На Росомашей реке	2-я стр. обл.
Л. БЕРИНГОВ, С. МИЛИН — Сафари без славы	10
М. ГАЙ-ГУЛИНА — «Калипсо» спасается от айсбергов	15
ГЕОРГИЙ БЛОК — Разговор с метеорологом, или Прогноз прогноза	16
Л. ШАПОШНИКОВА — Долина тысячи богов	20
ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН — Пересечение пути	29
Р. САРИМОВ — Нож для Робинзона	34
А. ДРАНОВ — Сто профессий озера Инле. Загадки, проекты, открытия	38
ЛЕОНИД БАСКИН — Опасное пастбище	42
Луна и Солнце. Птица пилло	45
ДЖЕЙМС ЧЕРРУТИ — Англия у берегов Франции	46
Н. НЕГМАТОВ — Странствия бунджикатской волчицы	54
ДЖОЙ АДАМСОН — Возвращение к свободе	56
С. БАРСОВ — Невозможная реальность	60
ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ — Кони Лисиппа	62
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Запертая комната	65
КАРЕЛ ОПОЧЕНСКИ — e2 — e4	76
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
П. ЗУБОВ — Шамма из Гаму-Гофа	80

На первой странице обложки: **БРАЗИЛИЯ**. Индеец из племени мачигенга рассматривает кукурузу, пораженную вредителями.

Еще не так давно — нет тому и пяти лет — индейцы из племени мачигенга, живущие в амазонских зарослях, умели лишь охотиться да собирать в лесу, что природа послала.

Пять лет назад от своих соседей — индейцев племени суавахи — научились мачигенга сажать кукурузу. И превратились в таких заправских земледельцев, что, глядя на работающего на поле мачигенгу, подумаешь, будто занимался он этим всю жизнь, как и деды его, и прадеды...

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцьевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/VIII 1973 г. Подп. к печ. 12/IX 1973 г. А03083
Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 500 000 экз. Заказ 1534. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцьевская, 21.

ШАММА ИЗ ГАМУ-ГОФА

Всех детей на белом свете родители учат жить. «Уметь жить» — сложный комплекс, и в обучение входят многие «предметы»: от умения поздороваться до выбора невесты. Часть наук дети проходят в школе, а часть — дома. Маленького масая в Кении или Танзании учат пасти скот, а маленького эскимоса — охотиться. Сначала ребенок играет во взрослые занятия, потом помогает старшим, потом сам работает и, глядишь, уже учит собственных детей тому, что им в жизни пригодится.

Маленький дорзе (дорзе — народ, живущий в провинции Гаму-Гофа на юго-западе Эфиопии), конечно же, ходит в школу, где постигает премудрости таблицы умножения, родословную правящей в стране Соломоновой династии и начатки древнего языка геэз, на котором написаны молитвенники. Но ткацкое ремесло — главное дело его будущей жизни — он изучает дома.

Дорзе возделывают хлопок, лучший в Эфиопии, с длинными волокнами, нежный и шелковистый. Точнее говоря, полевая работа — женское дело, мужчины только вспахивают поле. Поэтому девочку-дорзе учат сажать хлопчатник, ухаживать за ним, собирать и очищать хлопок.

Когда хлопок собран, наступает очередь мужчин. Они прядут нити, красят их и готовят станки (которые вряд ли изменились с тех пор, когда царица Савская собиралась в дорогу).

А мальчики сидят рядом со взрослыми, наматывают нити на свои веретенца (как вы видите на 3-й странице нашей обложки). Веретенце маленькое, но настоящее. Время от времени отрывается отец от работы и проверяет качество нити. Не понравится — заставит снова все переделать (и не один к тому же раз).

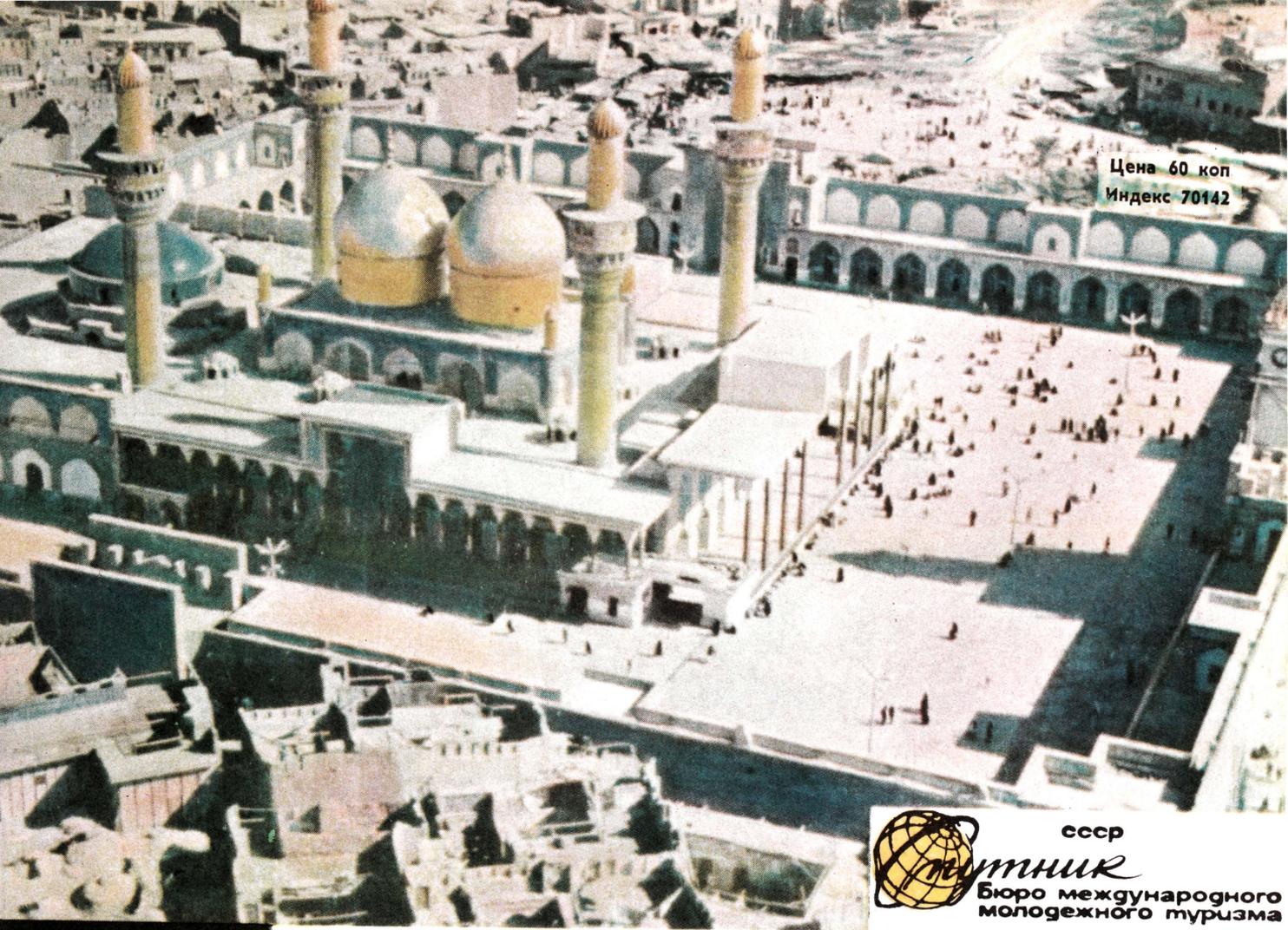
А вот маленьких станков ткацких у дорзе нет. Сын стоит и смотрит, как тклет отец. Работа у него подсобная, но ответственная: тут узел завязать, там нить продернуть. Иногда же отец пускает его на свое место, а сам придирчиво следит за качеством сыновней работы. Одна-единственная ошибка — и несколько дней даже думать не смей на станке поработать! Работа ведь тонкая: дорзе изготавливают лучшие в Эфиопии шаммы — национальные накидки, заменяющие абиссинцам и пиджак, и пальто.

Дорзе не любят трудиться в одиночку, и в хорошую погоду ткачи работают на улице, чтоб можно было с соседями поговорить, а то и попеть за работой хером. Мальчишки ходят от станка к станку и у каждого мастера учатся тому, что он лучше всех умеет.

Продавать шаммы в город дорзе ходят тоже группой, вместе веселее, да и насчет цен и тому подобного всегда артелью договориться лучше. Вместе со взрослыми идут и их сыновья, ведь в жизни все уметь надо: и соткать шамму, и выгодно ее продать.

П. ЗУБОВ





Цена 60 коп
Индекс 70142



СССР
МТН
Бюро международного
молодежного туризма

ИРАК

